

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2026**

1

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, академик РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, действительный член АН ЧР, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магометов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Academician, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Full Member, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Ibragimov Complex Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Al'bekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel' - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berebekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1>

*Регистрационный номер
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издаётся с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 1 (229) 2026 г.*

*Registration number
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and
Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 1 (229) 2026*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

- Богданов В.В., Курилкина О.А., Макаренко С.Н.** Понятие «познание» в контексте междисциплинарного взаимодействия философии и эволюционной эпистемологии 4
- Коробейников В.С.** Концепция души в стоицизме Марка Аврелия и Зенона Китийского в призма кризиса античного мира 12
- Перекрестова А.В.** Модуляция онтологии эпикуреизма в поэме Лукреция *De rerum natura* 22
- Сокол А.В.** Философия христианской идеи Ф.В.Й. Шеллинга как предпосылка теории социально-этического идеала православия русских философов Серебряного века 31

- Bogdanov V.V., Kurilkina O.A., Makarenko S.N.** The Concept of “Cognition” in the Context of Interdisciplinary Interaction of Philosophy and Evolutionary Epistemology 4
- Korobeinikov V.S.** The Conception of the Soul in the Stoicism of Marcus Aurelius and Zeno of Citium in the Prism of the Crisis of the Ancient World 12
- Perekrestova A.V.** Modulation of Epicurean Ontology in Lucretius's “De Rerum Natura” 22
- Sokol A.V.** F.W.J. Schelling's Philosophy of the Christian Idea as a Premise for the Theory of the Socio-Ethical Ideal of Orthodoxy by Russian Philosophers of the Silver Age 31

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

- Алешин Ю.Д.** Феномен казачества в истории Причеречья 42
- Антонова Л.А., Лобова В.В.** Деятельность женского строительного отряда «Гвоздика» Ростовского государственного университета в 1970–1980-е годы 50
- Венков А.В.** Вооружение казаков в польской кампании 1806–1807 годов 57
- Глазунова Е.Е.** Литературный жанр письма и раскрытие образа провинциального помещика в журналистике Н.И. Новикова 63

- Aleshin Yu.D.** The Phenomenon of the Cossacks in the History of the Terek Region 42
- Antonova L.A., Lobova V.V.** Activities of the Women's Construction Team “Carnation” at Rostov State University in the 1970s and 1980s 50
- Venkov A.V.** Cossacks Weaponts During the Polish Campaign of 1806-1807 57
- Glazunova E.E.** The Literary Genre of Letter and the Revealing of the Image of a Provincial Landlord in the Journalism of N.I. Novikov 63

Голованов Е.С. Сакрально-мифологический аспект боевого опыта российских солдат в 1914–1915 годах	69
Гусейнова Б.М. Социально-экономическое развитие Дагестана в XVIII веке	81
Дудайти А.К., Кулумбегов М.М. Грузия в новой архитектуре безопасности Южного Кавказа после «революции роз» (2003–2013 годы)	87
Ковалева О.А. Роль Великобритании в формировании Первой антифранцузской коалиции	94
Маркарян К.В. Значение Основополагающего акта Россия — НАТО в российско-американских двусторонних отношениях второй половины 90-х годов XX века	102
Набоков А.А. Урбанонимы как исторический источник, характеризующий социокультурное пространство города (на примере названий кинотеатров)	107
Подольников В.П., Прилепский Д.Э. Осада Страсбурга 1870 года в воспоминаниях очевидцев и современников	112

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ

Паламарчук Е.А., Казанцева О.Г., Короленко И.И. Правовое регулирование производственных отношений в нацистской Германии (на примере «Закона о порядке национального труда»)	120
Семенцова И.А., Кузина С.И., Толопченко О.В. Ретроспектива истории развития законодательства об уголовной ответственности за фальсификацию документов в России	128

Golovanov E.S. Sacred and Mythological Aspect of the Combat Experience of Russian Soldiers in 1914–1915	69
Huseynova B.M. Socio-Economic Development of Dagestan in the 18th Century	81
Dudayti A.K., Kulumbegov M.M. Georgia in the New Security Architecture of the South Caucasus after the Rose Revolution (2003–2013)	87
Kovaleva O.A. The United Kingdom’s Role in the Formation of the First Anti-French Coalition	94
Markaryan K.V. The Importance of the Russia-NATO Founding Act in Russian-American Bilateral Relations in the Second Half of the 90s of the 20th Century	102
Nabokov A.A. Urbanonyms as a Historical Source Characterizing the City's Socio-Cultural Space (on the Example of Cinema Names)	107
Podolnikov V.P., Prilepskiy D.E. The Siege of Strasbourg of 1870 in the Memoirs of Eyewitnesses and Contemporaries	112

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LAW AND LEGISLATION

Palamarchuk E.A., Kazantseva O.G., Korolenko I.I. Legal Regulation of Production Relations in the Nazi Germany (on the Example of the “Law on the Order of National Labor”)	120
Sementsova I.A., Kuzina S.I., Tolopchenko O.V. Retrospective of the Development History of Legislation on Criminal Liability for Document Fraudulent Activities in Russia	128

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 130.122
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-4-11>

ПОНЯТИЕ «ПОЗНАНИЕ» В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФИЛОСОФИИ И ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Владимир Владимирович Богданов ^{1✉}, Ольга Александровна Курилкина ²,
Сергей Николаевич Макаренко ³

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел РФ, Ростов-на-Дону, Россия

³ Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог, Россия

¹ wbogdanov@gmail.com ✉

² olga-kurilkina@mail.ru

³ makselin@list.ru

Аннотация. Рассматривается проблема терминологической несогласованности, затрудняющая эффективную кооперацию представителей философии и эволюционной эпистемологии в исследовании природы и механизмов когнитивных процессов, связанная с взаимоисключающей интерпретацией понятия «познание» в этих дисциплинах. Приводятся аргументы, призванные показать, что высшие психические функции человека имеют совершенно иное содержание, иные механизмы, чем одноименные поведенческие признаки у животных. Обосновывается, что базовые понятия эволюционной эпистемологии, заимствованные из истории философской гносеологии, интерпретируются представителями эволюционной эпистемологии эклектично, бессистемно и многозначно. Предложены возможные конвенции относительно используемых в когнитивистике понятий и представлений и возможные границы их применимости.

Ключевые слова: познание, когнитивные способности, философия, эволюционная эпистемология, диалектика, междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Для цитирования: Богданов В.В., Курилкина О.А., Макаренко С.Н. Понятие «познание» в контексте междисциплинарного взаимодействия философии и эволюционной эпистемологии // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 4–11. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-4-11>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE CONCEPT OF “COGNITION” IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARY INTERACTION OF PHILOSOPHY AND EVOLUTIONARY EPISTEMOLOGY

Vladimir V. Bogdanov ^{1✉}, Olga A. Kurilkina ², Sergey N. Makarenko ³

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

² Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

³ Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State University of Economics, Taganrog, Russia

¹ wbogdanov@gmail.com✉

² olga-kurilkina@mail.ru

³ makselin@list.ru

Abstract. This article examines the problem of terminological inconsistency that hinders effective collaboration between philosophy and evolutionary epistemology in the study of the nature and mechanisms of cognitive processes, owing to the mutually exclusive interpretation of the concept of “cognition” in these disciplines. Arguments are presented to demonstrate that higher mental functions in humans have a completely different content and mechanisms than the behavioral traits of the same name in animals. It is substantiated that the basic concepts of evolutionary epistemology, borrowed from the history of philosophical epistemology, are interpreted by evolutionary epistemologists eclectically, unsystematically, and ambiguously. Possible conventions regarding the concepts and ideas used in cognitive science and the possible limits of their applicability are proposed.

Keywords: cognition, cognitive abilities, philosophy, evolutionary epistemology, dialectics, interdisciplinary studies of cognitive processes

For citation: Bogdanov V.V., Kurilkina O.A., Makarenko S.N. The Concept of “Cognition” in the Context of Interdisciplinary Interaction of Philosophy and Evolutionary Epistemology. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):4-11. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-4-11>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В научных публикациях по когнитивистике стало привычным связывать перспективу успешности исследования познавательных процессов с междисциплинарным взаимодействием представителей различных отраслей знания. Однако, несмотря на первоначальный оптимизм, исследование когнитивных процессов за более чем полувековую историю не превратилось в полноценный трансдисциплинарный проект, единую научную дисциплину со своей теорией и методологией [1–3]. С. Сьоландер, анализируя сложности в процессе становления междисциплинарного взаимодействия, в качестве одной из самых значимых выделил проблему терминологической несогласованности [3, с. 26–27], которая по сути является нарушением логического закона тождества. Без реализации этого элементарного логического требования всякая дальнейшая кооперация представителей разных научных дисциплин, на наш взгляд, лишена перспективы.

Заведомо маловероятно обеспечение междисциплинарных исследований конвенциями о содержательном наполнении всего категориального аппарата таких исследований, и все же необходимо хотя бы осмыслить возможные конвенции относительно применяемых в когнитивистике понятий и представлений. Учитывая разные проекции, с которых рассматривается познание в различных дисциплинах, предполагается, что речь идет об одном и том же предмете исследования. Следовательно, частичное согласование предикатов, относимых к объекту — познавательному процессу, все же предполагается возможным, хотя и заведомо динамичным. Сложности, возникающие при контекстуальном использовании понятия «познание», обозначались неоднократно [4]. Начать же уточнение понятий представляется наиболее логичным с определения познания. В свое время Б. Рассел акцентировал внимание на том, что термин «познание» — гораздо менее точное понятие, чем обычно думают, и под общим познанием подразумевал познание истинности или ложности предложений: «Но для того, чтобы определить „истину“ и „ложь“, мы должны выйти за пределы предложений и рассмотреть, что они „выражают“ и что „изъявляют“» [5, с. 121].

К числу очевидных партнеров для междисциплинарной кооперации в исследовании процессов познания относится инициированная в 40-х гг. XX в. научно-исследовательская программа эволюционной эпистемологии К. Лоренца. Нобелевский лауреат попытался соотнести эволюционно-генетически обусловленное поведение животных, изучаемое этологией, с когнитивной деятельностью человека. Согласно К. Лоренцу, «простейшей и самой первичной формой приобретения знания» [6, с. 283] в живой системе является геном. Способность неосознанно модифицировать поведение в зависимости от среды уже заложено у животного. Даже психика жи-

вотного, по К. Лоренцу, не *tabula rasa*. По мере усложнения животных количество априорных форм не уменьшается, но они становятся более гибкими, вариабельными. Результатом этого стало рассмотрение эволюции всего живого как процесса познания. Функциональное назначение познания К. Лоренц видел в адаптации к среде, а последнюю раскрывал через понятие информации: «эволюция есть процесс *познания*, потому что любое „приспособление“ к определенным условиям внешнего мира означает, что органическая система получает некоторое количество „информации об“ этих условиях» [6, с. 248]. Основатель этологии фактически постулирует наличие мышления у высших животных: «Лично я уверен в том, что обезьяна делает то же, что и я сам, а именно в воображаемом ... пространстве передвигает столь же воображаемый ящик» [6, с. 358]. Однако и И.П. Павлов, комментируя тот же самый эксперимент с обезьяной, хотя и не допускал понимаемую им как исключительно рефлекторную природу животного, наличие у обезьяны воображения, тем не менее писал о предпосылке мышления у животных: «Вы точно отчетливо присутствуете при образовании нашего мышления ... это метод проб и ошибок» [7, с. 393]. Таким образом, «если следовать логике К. Лоренца, вначале был первичный когнитивный механизм, привязанный к геному, который, спустя длительное время своего существования и саморазвития, породил когнитивный механизм человеческого сознания» [8].

На данном этапе, не акцентируя внимания на различиях в концепциях представителей эволюционной эпистемологии, нужно лишь отметить базовый характер такого представления о познании у Д. Кэмпбелла: «эволюция — даже в ее биологических аспектах — есть процесс познания» [9, с. 94], у Э. Эзера — биологическая эволюция — когнитивный процесс [10] и др. Отсюда неудивительно, что К. Поппер, будучи представителем социобиологического направления эволюционной эпистемологии, перенося по аналогии процесс биологического отбора на весь познавательный процесс, включая научное познание, выделял лишь различие в сложности когнитивного процесса в живой природе и в науке (по К. Попперу, благодаря наличию языка): «Все организмы — решатели проблем ... от амёбы до Эйнштейна всего лишь один шаг» [11, с. 57–58], а сам механизм познания, согласно К. Попперу, есть лишь «метод проб и ошибок».

Чаще всего к природным (дочеловеческим) формам познания относят исследовательский инстинкт у животных, существующий в непосредственной связи с инстинктом самосохранения и адаптации. И хотя природа инстинкта начинает рассматриваться еще в античной мысли (III в. до н. э.) как поведение в силу внутреннего побуждения, однозначных конвенций относительно инстинктов как предпосылок поведенческой активности нет до сих пор. Кроме того, инстинкт отличают от рефлекса как механической реакции организма на внешнее воздействие. Инстинкт является сложным синтезом потребностей и наследственно обусловленных способов поведения. Набор необходимых предикатов понятия «инстинкт» постоянно пополняется. К ним относятся врожденная предрасположенность (может и не проявиться, из-за чего бихевиористы предпочитали термин «склонность»), наследственность, видовая специализация, адаптируемость к определенным условиям, физиологическая (морфологическая) приспособленность. Дополняет сложность определения инстинкта его необходимая связь с научением (дрессировкой) как фактором, влияющим на ориентацию отдельных функций, кроме физиологии. Инстинкты определяют все жизненно важные функции животного. Природа инстинкта в рамках психологии человека — одна из самых дискуссионных.

Кроме того, если бы животные обладали любой, пусть даже неразвитой способностью познания, то для духа характерно снятие, т. е. сохранение низших форм в качестве подчиненных на более развитых этапах становления. В таком случае человек бы мог владеть способами отношения к миру, свойственными животным. Но мы не можем воспринимать мир так же, как его воспринимают пчелы, летучие мыши, рыбы и т.д. Возможным объяснением этого может быть то, что восприятие выступает предпосылкой познания, но не самим познанием.

Эволюционная версия эпистемологии считает познание атрибутом всего живого, но в более упрощенных формах по отношению к человеческому познанию. В противном случае, относя познание только к обладающему сознанием человеку, необходимо признать его «возникшим из ничего», эмерджентным и выпадающим из эволюции. Аргумент вполне очевиден и кратко выражен П. И. Смирновым: «если считать сознание непременным признаком субъектов, то следует отвергнуть теорию эволюции и признать креационизм. Человек как носитель сознания выпадает».

дает тогда из общего ряда живых существ, ибо создан он по подобию Бога ... Приверженцам естественно-научной мысли логичнее считать субъектами (явлениями или системами субъектного типа) живые организмы, людей, общество, биосферу» [12]. Однако по той же самой логике к антиэволюционизму и креационизму должно вести и признание появления сознания только у человека, если не признать сознание атрибутом всего живого. И как следствие этой логики — необходимо признание одной из версий панпсихизма.

Насколько возможно столь расширительное понимание термина «познание» попытаться совместить в междисциплинарной кооперации с философской традицией — предстоит выяснить в дальнейшем. Первое, что необходимо зафиксировать, — различие в том, что традиционный философ понимает под познанием в отличие от эволюционного эпистемолога. В классической философской гносеологии от античности до немецкого объективного идеализма вопрос о генезисе познания до человека в принципе не рассматривается. Познание в античной философии постулируется как атрибут исключительно человеческого мышления.

Уже у Сократа познание состоит в уяснении разумом сущности вещи с помощью ее начал и присоединяет объяснение вместо имеющего мнение [13, с. 284]. Сократ, как и Протагор, сводит истину объективного к мышлению субъекта. Но только Платон заложил основание теории познания как методологически обусловленной формы деятельности в знаменитом мифе о пещере [14, с. 295]. Истинное знание не может быть получено с помощью простого созерцания, чувственного восприятия потому, что сущность (идея) вещи в явлении в своей чистоте и истине не дана. Истинное познание в его концепции — постижение умозрительных сущностей, а не их «теней» (в том же смысле чувственные восприятия называл «мнением» Парменид) в мире явлений. При этом идея, сущность сами по себе хотя и являются всеобщностью, но еще не истина и познание, это только возможность, а не действительность. Познанием и истиной они становятся как деятельная мыслимая сущность. У досократиков необходимости в теории познания еще не было, истина, согласно М. Хайдеггеру, сначала очевидна, понимается как раскрытие бытия, непотаенность, несокрытость (алетейя) [15]. Очевидность истины ставится под сомнение Парменидом, так как чувства и разум приводят к различным и даже противоположным результатам. Платон и вовсе познание истинных идей превращает в проблему, в деятельность самоопределения того, что на самом деле истинно.

Определение сущности, знания потенциально (в себе) уже содержится в сознании. Познание и есть процесс превращения возможности в действительность. Это конечно не воспоминание Платона (хотя и у афинского мыслителя этот миф изложен только для образного представления, как и миф о пещере, а не служит действительным гносеологическим механизмом; в этом смысле метафора познания как «отражения» немногим лучше метафоры «воспоминания»), и до процесса познания никакого знания о сущности в сознании еще не было, но сознание и не *tabula rasa*, и не обладает врожденными идеями (в нас есть способность вызывать эти идеи, а не нечто действительно присутствующее в сознании в любой момент от рождения) [16], или если под последними подразумевается существование идей в природе. Мысль порождается деятельностью сознания. Животное, не имея этой потенции, возможности определять сущность, никаким чувственным восприятием не приходит к знаниям.

Метафорическое представление Платоном знания как «воспоминания» направлено только против представления об образовании и обучении как процессе перенесения внешней определенности, знаний в сознание, в то время как на самом деле, согласно афинскому мыслителю, образование и познание — собственная деятельность мышления. Этой же мыслью у Платона познанию противопоставляется и непосредственное знание (откровение, ясновидение, пророчество): «...бог уделил пророческий дар человеческому умопомрачению ... никто, находясь в своем уме, не бывает причастен боговдохновенному и истинному пророчеству, но лишь тогда, когда мыслительная способность связана сном, недугом либо неким приступом одержимости» [17, с. 478]. У Платона единство, отношение сознания и сущности (идеи) только и является познанием. Познание как специальная деятельность потому и необходимо, что сущность, идея в явлении в явной форме не присутствует, иначе бы хватило простого созерцания. Ощущение служит предпосылкой познания, но не собственно познанием, так как оно ни истинно, ни ложно, оно ничего не прибавляет, исключительно принадлежит субъекту, не передается, ни форма-

лизуется, ни интерпретируется, ни оценивается, не нуждается в понимании, единично, конечно, не имеет никакой семантики, оно просто есть и только для его носителя, даже не связано с объективным, внешним источником, как и с другим ощущением. Ощущение даже не зависит от наличия мышления, скорее наоборот — мышление может зависеть от ощущения, когда делает его своим предметом. Содержание ощущений существует только для субъективного сознания и не может быть передано другим. То, что восприятие вызвано внешним объектом, — это уже дедуцированная мысль.

Проблема приобщения вещей к идеям Аристотелем решается, во-первых, за счет того, что вещи имеют двойственную природу: они состоят из материи и формы. Во-вторых, ум, согласно его учению, также есть форма. Таким образом, присущие уму мысли и формы вещей имеют одну и ту же природу. Стагирит решает проблему гносеологического дуализма в познании. Проблема была в том, что познающее мышление идеально, чувственно не воспринимаемо. А вот предмет познания может быть материальным, чувственно воспринимаемым. Получается, что мышление и предмет имеют разную природу. Как же между ними может возникнуть отношение? Ведь познание — это частный случай отношения, познавательного отношения — между мышлением и предметом. Но никакого отношения между несовместимым, не имеющим ничего общего, быть не может. Как же возникает момент единства в познании как отношении? Аристотель на это отвечает: умопостигаемая форма, сущность души воспринимает умопостигаемую форму, сущность вещи. Форма субъекта и объекта одной природы — и только поэтому возможно познание. Познание у Аристотеля не несет в себе прагматической функции, не может истолковываться в контексте практическом, приспособительном: «знание тем ценнее, чем более оно теоретично и не связано с получением непосредственной выгоды ... Античная episteme ориентирована не на овладение силами природы, т. е. не на использование приобретенных знаний в практических целях, а на познание всеобщего мирового строя вещей» [18, с. 9].

Познание в Новое время уже не сводится, как у Аристотеля, к «познанию ради познания» и направлено на деятельность по преобразованию мира, подчинению мира разуму [19], что лишь косвенно может быть связано с натуралистической функцией приспособления. Лишь познавая формы, согласно Ф. Бэкону, возможно познать единство природы, которое открыто за многообразием, только познавая единство природы, можно свободно и неограниченно воздействовать на нее, познание исходит из того, что «постоянно, вечно и всеобщее в природе» [20, с. 83]. Надо ли говорить, что этот процесс являлся исключительной прерогативой мышления, причем развитого мышления в немецком идеализме, для которого общая метафизическая позиция определяется в истории философии «бытие как сознание».

Гносеология немецкого идеализма приобретает развитую форму диалектического процесса в философии Г. Гегеля. Сознание в его концепции содержит в себе то противоречие, которое толкает его к постоянной деятельности: это и стремление к определенности, а значит, различению в самом себе своего содержания, и постоянное стремление к единству. Сознание, стремясь к определенности, знанию как своей сущности, ставя предел в своем содержании, тем самым всегда одновременно выходит за эту границу к тому, чем этот предел был поставлен (чтобы ставить предел, нужно уже знать то другое, что будет для него границей, пределом для предыдущего объекта знания). Одна определенность (знание) достигается выходом к другой определенности. Но и предел, и выход за него (снятие предела) не существуют или присутствуют в сознании, а временно полагаются сознанием и им же преодолеваются, включаются в качестве подчиненного момента в содержание сознания [21, с. 37]. В этом и состоит, согласно Гегелю, конечность познания, которая постоянно снимается и вновь порождается сознанием. Познание всегда содержит момент конечности и момент процесса безграничного ее преодоления, ее снятия. Но это не значит, что познание всегда находится вне истины, наоборот, познание всегда находится в истине, но в разной стадии и степени ее определенности.

Таким образом, одно и то же содержание сознания может рассматриваться как познание в 3 разных формах: 1) получение чувственной определенности, созерцания, образа, представления (эту форму и относят эволюционные эпистемологи к животным, забывая о том, что созерцание животного и человека принципиально различаются: «высшие психические функции человека имеют совершенно иное содержание, иные механизмы, чем „одноименные“ поведенче-

ские признаки у животных: научение, решение задач, адаптивное поведение и т. д. у человека — не то же самое, что у животных» [22, с. 7]); 2) соединение в рефлексии чувственных данных с категориями (эта форма, рассмотренная И. Кантом, предполагает познание только феноменов вещей для нас, конструктивный характер познания феноменов для нас и неэффективность постановки вопроса о сущности как «вещи в себе»); кроме того, рефлексия превращает чувственный материал в абстрактные мысли и потому не доступна животным, только человеку; 3) исключительно мысленное рассмотрение содержания в понятиях.

Три возможные интерпретации познания можно представить как иерархию ступеней истинности познания, развитости познания: от менее истинного к более истинному в понятии, либо как разные формы познания, выполняющие различные функции и незаменимые другими формами познания в отсутствие единой ценностной шкалы. Например, первая интерпретация может рассматриваться как эволюционный механизм приспособления к среде в природе, которому в продолжительном процессе эволюции никак не поможет рефлексия или понятийное мышление; рефлексивное познание позволяет постигать законы, знание которых способствует не только выживанию, но и прогностической ориентации мышления; понятийное познание помогает строить единые картины мира, в которых выявляется необходимая связь многообразия реальности, совершается коэволюция природного и социального. Согласно такой интерпретации, диалектический принцип снятия, сохранения в измененном виде содержания двух других форм сознания все же предполагает наличие последовательности появления и усложнения форм познания. И познание в понятиях предполагает предварительное появление чувственного и рефлексивного познания, трансформации их содержания с помощью новых категорий. Но при этом, будучи более развитой формой сознания, понятийное мышление не может заменить предшествующие формы или выполнить их функции. Таким образом, развитие сложности решаемых задач различными познавательными формами не отменяет их специализации, а иерархия ценностей (более или менее истинное познание) зависит от преследуемых в познании целей и может лишь внешним образом накладываться на достигаемые этими формами результаты. Каждая более развитая форма познания подготовлена, обязана своим развитием предыдущей, хотя предыдущие формы обособлены и равнодушны к своему развитию, так как выполняют свои специализированные функции. Понятийная форма лишь дополняет рефлексией предикатами достоверности и логической необходимости, которые не могут заменить очевидности опыта и наблюдения. Чувственное познание может обходиться без понятийного, но никак не наоборот — не возникнет познание в понятиях без чувственного и рассудочного познания.

Познание как реализация натуралистической функции приспособления к среде — позиция, имеющая достоверные обоснования. Однако столь же правомерно не ограничивать всю познавательную способность исключительно адаптационной функцией. Познание, опирающееся на чувственные восприятия как источник, вполне способно служить целям выживания. Но познание, ориентированное на имманентную мышлению диалектику, направлено на выявление всеобщности и необходимости единства, целостности, системности, неограниченности бытия и мышления. В этом случае познание выполняет функцию самоопределения социоприродного универсума, конструирует систему, в рамках которой это универсальное единство субъективного и объективного и его эволюция становятся конкретными для понимания, опосредованными мышлением.

В рамках классической философской гносеологии — от античного космоцентризма до новоевропейского антропоцентризма — познание существует только в мышлении и только для него. Такой классический философский подход едва ли совместим с расширением понятия познания на животную природу. Животное, не обладающее исходным различием в сознании на себя и свой предмет, и к чувственности не имеет никакого отношения. Поэтому справедливо замечание, что отношение существует только для сознания, животное «не „относится“ ни к чему и вообще не „относится“; для животного его отношение к другим не существует как отношение» [23, с. 39]. Ощущение животного не отличает от природы, не преодолевает внешнее, не приходит к внутреннему, не является ни знанием, ни тем более познанием. Лишь соединяясь с сознанием, ощущение становится моментом познания, но это уже не то ощущение, которое было у животного.

Список источников

1. Repenser l'interdisciplinarité / Ed. by G. Origgi, Fr. Darbellay. Genève: Editions Slatkine, 2010. 200 p.
2. Кобенко Ю.В. Язык и среда. Опыт систематизации данных междисциплинарных исследований. Томск: Изд-во Томского политехн. ун-та, 2017. 214 с. EDN: YRQNVN.
3. Федорова О. А и Б сидели на трубе, или Междисциплинарность когнитивных исследований // Логос. 2014. № 1 (97). С. 19–34. EDN: RZUFBV.
4. Антипова И.Г., Редкин Е.Р. Эмпирический субъект в программе контекстуализма: случай атомной физики // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 2. С. 11–19. EDN: QOJJCA. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-2-11-19>
5. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы : пер. с англ. К.: Ника-центр, 1997. 560 с.
6. Лоренц К. Обратная сторона зеркала : пер. с нем. М.: Республика, 1998. 393 с.
7. Павлов И.П. Среды. Фрагменты выступлений // Рефлекс свободы. М.; СПб.: Книговек, Северо-Запад, 2011. С. 364–422.
8. Леденева Е.В. Понятия «рефлекс» и «инстинкт» в концепциях И.П. Павлова и К. Лоренца // Credo New. 2022. № 2 (110). URL: <https://credo-new.ru/archives/2673> (дата обращения: 25.11.2025). EDN: PLXLDB.
9. Кэмпбелл Д. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики : пер. с англ. / сост. Д.Г. Лахути [и др.]. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 92–146.
10. Эзер Э. Эволюционная эпистемология как самореферентная исследовательская программа в естествознании // Эволюционная эпистемология : антология / науч. ред. и сост. Е.Н. Князева. М.; СПб.: Центр гуманист. инициатив, 2012. С. 258–274.
11. Поппер К.Р. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики : пер. с англ. / сост. Д.Г. Лахути [и др.]. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57–74.
12. Смирнов П.И. Агностицизм и солипсизм. Естественное заблуждение человеческой мысли в эпоху до Ч. Дарвина и Г. Менделя // Credo New. 2024. № 2 (116). URL: <https://credo-new.ru/archives/3185> (дата обращения: 01.12.2025). EDN: EUPAZA.
13. Платон. Теэтет // Платон. Парменид, Кратил и другие диалоги. СПб.: Наука, 2014. С. 212–287.
14. Платон. Государство // Собр. соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.
15. Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления : пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
16. Düsing K. Ontologie und Dialektik bei Plato und Hegel // Hegel-Studien. 1980. Bd. 15. S. 95–150.
17. Платон. Тимей // Собр. соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 421–500.
18. Кессиди Ф.Х. Эпические сочинения Аристотеля // Аристотель. Соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 5–37.
19. Hessen J. Das Substanzproblem in der Philosophie der Neuzeit. Berlin; Bonn: F. Dümmler, 1932. 228 S.
20. Бэкон Ф. Новый Органон // Соч. : в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 7–482.
21. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3 : Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
22. Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л. Психогенетика. М.: Аспект Пресс, 2003. 445 с. EDN: QCDTRR.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического (новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М.: Политиздат, 1966. 152 с.

References

1. Origgi G., Darbellay Fr. *Rethinking interdisciplinarity*. Geneva: Slatkine Editions; 2010. 200 p. (In French).
2. Kobenko Yu.V. *Language and environment. Experience of systematization of interdisciplinary research data*. Tomsk: Publishing House of Tomsk Polytechnic University; 2017. 214 p. (In Russ.). EDN: YRQNVN.
3. Fedorova O. A and B sat on the pipe, or The interdisciplinarity of cognitive research. *Logos*. 2014;(1):19-34. (In Russ.). EDN: RZUFBV.
4. Antipova I.G., Redkin E.R. Empirical subject in the contextualism program: the case of atomic physics. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2023;(2):11-19. (In Russ.). EDN: QOJJCA. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-2-11-19>
5. Russell B. *Human knowledge: its scope and boundaries*. Trans. from English. Kiev: Nika-Center; 1997. 560 p. (In Russ.).

6. Lorenz K. *The other side of the mirror*. Trans. from German. Moscow: Republic; 1998. 393 p. (In Russ.).
7. Pavlov I.P. Habitat. Excerpts from speeches. *Reflex of freedom*. Moscow; St. Petersburg: Book Age, North-West; 2011:364-422. (In Russ.).
8. Ledeneva E.V. The concepts of “reflex” and “instinct” in the conceptions of I.P. Pavlov and K. Lorenz. *Credo New*. 2022;(2). Available from: <https://credo-new.ru/archives/2673> [Accessed 25th November 2025]. (In Russ.). EDN: PLXLDB.
9. Campbell D. Evolutionary epistemology. *Evolutionary epistemology and the logic of the social sciences: Karl Popper and his critics*. Trans. from English. D.G. Lahuti et al. (comp.). Moscow: Editorial URSS; 2000:92-146. (In Russ.).
10. Ezer E. Evolutionary epistemology as a self-referential research program in natural science. *Evolutionary epistemology: anthology*. E.N. Knyazeva (ed.). Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; 2012:258-274. (In Russ.).
11. Popper K.R. Evolutionary epistemology. *Evolutionary epistemology and logic of social sciences: Karl Popper and his critics*. Trans. from English. D.G. Lahuti et al. (comp.). Moscow: Editorial URSS; 2000:57-74. (In Russ.).
12. Smirnov P.I. Agnosticism and Solipsism. Natural delusion of human thought in the era before C. Darwin and G. Mendel. *Credo New*. 2024;(2). Available from: <https://credo-new.ru/archives/3185> [Accessed 1st December 2025]. (In Russ.). EDN: EUPAZA.
13. Plato. Theaetetus. Plato. *Parmenides, Cratylus and other dialogues*. St. Petersburg: Science; 2014:212-287. (In Russ.).
14. Plato. State. *Collected works: in 4 vols*. Moscow: Thought; 1994;3:79-420. (In Russ.).
15. Heidegger M. *Time and Being: articles and speeches*. Trans. from German. Moscow: Republic; 1993. 447 p. (In Russ.).
16. Düsing K. Ontology and dialectics in Plato and Hegel. *Hegel Studies*. 1980;15:95-150. (In German).
17. Plato. Timaeus. *Collected works: in 4 vols*. Moscow: Thought; 1994;3:421-500. (In Russ.).
18. Cassidy F.H. The epic writings of Aristotle. Aristotle. *Works: in 4 vol*. Moscow: Thought; 1983;4:5-37. (In Russ.).
19. Hessen J. *The problem of substance in the philosophy of modern times*. Berlin; Bonn: F. Dümmler; 1932. 228 p. (In German).
20. Bacon F. New Organon. *Works: in 2 vols*. Moscow: Thought; 1978;2:7-482. (In Russ.).
21. Hegel G.W.F. *Encyclopedia of philosophical sciences. Vol. 3: Philosophy of spirit*. Moscow: Thought; 1977. 471 p. (In Russ.).
22. Ravich-Shcherbo I.V., Maryutina T.M., Grigorenko E.L. *Psychogenetics*. Moscow: Aspect Press; 2003. 445 p. (In Russ.). EDN: QCDTRR.
23. Marx K., Engels F. *Feuerbach. The opposition of the materialistic and the idealistic (new publication of the first chapter of “The German Ideology”)*. Moscow: Political Publishing House; 1966. 152 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В.В. Богданов — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Института управления в экономических, экологических и социальных системах ЮФУ.

О.А. Курилкина — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права РЮИ МВД РФ.

С.Н. Макаренко — кандидат философских наук, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин ТИ РГЭУ (РИНХ).

Information about the authors

V.V. Bogdanov — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Institute of Management in Economic, Environmental, and Social Systems, SFedU.

O.A. Kurilkina — Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, RLI MIAR.

S.N. Makarenko — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of Department of Branch Legal Disciplines, CTI RSUE.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья

УДК 1 (091)

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-12-21>

КОНЦЕПЦИЯ ДУШИ В СТОИЦИЗМЕ МАРКА АВРЕЛИЯ И ЗЕНОНА КИТИЙСКОГО В ПРИЗМЕ КРИЗИСА АНТИЧНОГО МИРА

Вадим Сергеевич Коробейников

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

korobeinikov.vs@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9860-3665>

Аннотация. Представлен сравнительный анализ концепции души в философских учениях Зенона Китийского и Марка Аврелия в контексте теории цивилизационного кризиса античного мира Э.Р. Доддса. Показано, что эволюция понимания души в стоицизме отражает фундаментальный парадигмальный сдвиг, обусловленный изменением исторических условий и мировоззренческих установок. Учение Зенона, сформировавшееся в раннеэллинистический период относительной стабильности, рассматривает душу как «теплую пневму» — материальную и телесную субстанцию, являющуюся компонентом разумного и гармоничного космического Логоса. Философия Зенона представляет собой рациональный проект познания объективной структуры мироздания. В эпоху Марка Аврелия (II век н.э.), характеризующуюся, по мнению Э.Р. Доддса, нарастанием экзистенциальной тревоги и утратой классической гармонии, происходит кардинальная интериоризация и субъективизация концепции души. Фокус смещается с космологической интеграции на представление о душе как «внутренней цитадели» (ἡγεμονικόν) — последнем убежище личной автономии и моральной устойчивости в условиях внешнего мира, воспринимаемого как хаотичный и чуждый. Таким образом, стоицизм трансформируется от философии космической уверенности к философии личностной устойчивости, изменяя свою этическую основу с созерцания мирового Логоса на укрепление индивидуального разума как источника смысла и свободы.

Ключевые слова: душа, стоицизм, Зенон Китийский, Марк Аврелий, Э.Р. Доддс, кризис античного мира, этика

Для цитирования: Коробейников В.С. Концепция души в стоицизме Марка Аврелия и Зенона Китийского в призме кризиса античного мира // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 12–21. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-12-21>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE CONCEPTION OF THE SOUL IN THE STOICISM OF MARCUS AURELIUS AND ZENO OF CITIUM IN THE PRISM OF THE CRISIS OF THE ANCIENT WORLD

Vadim S. Korobeinikov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

korobeinikov.vs@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9860-3665>

Abstract. This article presents a comparative analysis of the concept of the soul in the philosophical teachings of Zeno of Citium and Marcus Aurelius within the context of E.R. Dodds's theory of the civilizational crisis of the ancient world. It is shown that the evolution of the understanding of the soul in Stoicism reflects a fundamental paradigm shift caused by changing historical conditions and the transformation of worldviews. Zeno's teaching, formed during the early Hellenistic period of relative stability, views the soul as a “warm pneuma” - a material and corporeal substance that is a component of the rational and harmonious cosmic Logos. Zeno's philosophy represents a rational project for understanding the objective structure of the universe. The era of Marcus Aurelius (2nd century AD), characterized, according to E.R. Dodds, by

increasing existential anxiety and the loss of classical harmony, saw a radical internalization and subjectification of the concept of the soul. The focus shifts from cosmological integration to the concept of the soul as an “inner citadel” (ἡγεμονικόν) - the last refuge of personal autonomy and moral stability in the face of an external world perceived as chaotic and alien. Thus, Stoicism transforms from a philosophy of cosmic certainty to a philosophy of personal stability, shifting its ethical foundation from contemplation of the universal Logos to the strengthening of individual reason as the source of meaning and freedom.

Keywords: soul, stoicism, Zeno of Citium, Marcus Aurelius, E.R. Dodds, crisis of the ancient world, ethics

For citation: Korobeinikov V.S. The Conception of the Soul in the Stoicism of Marcus Aurelius and Zeno of Citium in the Prism of the Crisis of the Ancient World. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):12-21. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-12-21>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

В основе этого исследования лежит идея Э. Р. Доддса о глубоком цивилизационном кризисе, охватившем античный мир в эпоху Римской империи. Классическая греческая культура V–IV вв. до н.э. достигла уникального баланса между рациональным и иррациональным, который, по его мнению, начал разрушаться в последующие века. Однако во времена Зенона этот баланс ещё сохранялся. Зенон Китийский прибыл в Афины примерно в 313 г. до н.э., когда эллинистический мир стабилизировался после смерти Александра Македонского [1]. Это был период космополитизма и систематизации знаний, когда философия активно искала пути к индивидуальному счастью в условиях большого, но организованного мира.

Историк философии А.А. Лонг отмечает, что стоики ответили на вызовы своего времени не бегством от мира, а созданием всеобъемлющей рациональной системы, объясняющей место человека в единой, разумной и совершенной природе. Данный проект стал прямым продолжением сократо-платоновской традиции поиска объективной истины и космического блага [2, р. 110].

Наше понимание учения Зенона Китийского основывается на сохранившихся фрагментах и свидетельствах, собранных, в частности, фон Арнимом (SVF), а также на их критическом анализе современными исследователями. Согласно этим источникам, душа представляет собой «теплую пневму» — материальную субстанцию, состоящую из огня и воздуха, двух активных и тонких элементов [3, с. 66]. Ее основное свойство — тоническое движение, т. е. непрерывное напряжение-пульсация, которое структурирует и объединяет любое тело, в котором она присутствует [4, с. 82].

Это учение неразрывно связано с космологией. Весь космос рассматривается как живое, разумное и одушевленное тело, пронизанное и управляемое высшей формой пневмы, божественным Логосом. Таким образом, душа человека является своего рода искрой этого космического огня-разума [4, с. 81]. Д. Седли считает, что для стоиков существование связано с телесностью, а взаимодействие возможно лишь через телесный контакт. Пневматическая природа души объясняет её способность воздействовать на тело и её связь с мировой душой [5, р. 88].

Во времена правления Марка Аврелия (II век н. э.) стоицизм претерпел значительные изменения — стали звучать призывы уходить в себя, ибо разумная руководящая часть от природы довольна собой, когда поступает справедливо, и тем самым обретает безмятежность.

Э.Р. Доддс детально описывает, как к II веку н.э. распалась классическая гармония между человеком и космосом. Если ранние стоики мыслили в рамках упорядоченной вселенной, то человек эпохи Марка Аврелия часто видел мир как чуждую, подавляющую и хаотичную силу. Ощущение одиночества в необъятном и безразличном космосе стало распространенным чувством [6, с. 45]. Рациональный логос, объясняющий миропорядок, уступил место страху, неуверенности и отчуждению [6, с. 118].

В этой атмосфере наблюдался рост интереса к иррациональным формам религиозности — мистериальным культам, гностицизму, магии и астрологии, обещавшим не рациональное понимание мира, а личное спасение и связь с божественным [6, с. 90]. Философия вынуждена была конкурировать с этими течениями, предлагая свои ответы на экзистенциальные запросы.

Центральное положение в данной работе занимает идея, что эволюция концепции души в стоической традиции — от телесно-космологического понятия пневмы у Зенона Китийского до интроспективной метафоры «внутренняя цитадель» у Марка Аврелия — представляет собой не случайное отклонение, а фундаментальную и закономерную трансформацию философского дискурса, вызванную глубоким цивилизационным сдвигом. Мы предполагаем, что эта трансформация является содержательной адаптацией стоицизма к реалиям позднеантичного кризиса, который характеризуется распадом единой рациональной картины мира и ростом экзистенциальной тревоги. Основой этой адаптации стало стратегическое изменение фокуса философского анализа: от спекулятивного обоснования гармонии и прозрачности космоса для разума — к психотехническому созданию внутреннего пространства нерушимой автономии и моральной стойкости. Таким образом, стоицизм совершает решающий переход от философии космической уверенности к философии личностной стойкости.

Исходя из этого, задача исследования состоит в выявлении, интеллектуальной реконструкции и концептуальном объяснении внутренней логики этой метаморфозы. Через детальный сравнительный анализ двух парадигмальных моделей души — объективированной и интегрированной в физику универсума у основателей стоицизма и субъективированной, интериоризированной у последнего великого римского стоика — показано, что мы имеем дело не с упрощением или упадком, а с глубокой и системной адаптацией философской системы. Эта адаптация позволила стоицизму сохранить свою этическую основу, переориентировав её с созерцания мирового Логоса на укрепление индивидуального логоса как последнего убежища человеческого достоинства в условиях нарастающего хаоса.

Таким образом, наша гипотеза конкретизируется в следующем ключевом утверждении: сравнительный анализ выявляет не просто изменение акцентов, а подлинный парадигмальный сдвиг. Его траектория ведет от стоицизма, основанного на онтологической гарантии разумного миропорядка, к стоицизму, черпающему силу в нравственной самодостаточности разума перед лицом непредсказуемой судьбы (Τύχη). Эта трансформация представляет собой не признак упадка, а свидетельство исключительной жизнеспособности и интеллектуальной гибкости стоической традиции, которая смогла предложить строгий и глубоко рациональный ответ на вызов конкретного исторического «века тревоги», переформулировав свои базовые интуиции в новой экзистенциальной тональности.

Понятие души в учении Зенона Китийского

Трактовка души в осмыслении Зеноном Китийским в упоминаниях комментаторов и мыслителей приводится по-разному, что требует, в свою очередь, систематизации тех или иных характеристик данного понятия.

На основе сохранившихся фрагментов и свидетельств, собранных фон Арнимом, отметим следующие суждения:

1. Душа как тело (упоминания Тертуллиана, Халкидия и Галена).
2. Душа как пневма (упоминания Диогена Лаэртия и Макробия).
3. Душа как испарение (ἀναθυμίασις) (упоминания Евсевия).

Фрагменты учения Зенона Китийского о душе раскрывают и одну из периферийных доктрин раннего стоицизма, и сущностный мировоззренческий поворот, произошедший в эллинистическую эпоху.

Утверждение Зенона Китийского, что душа есть тело (σῶμα) [3, с. 66], сохранённое для нас Тертуллианом, представляет собой не просто догматический тезис, но принципиальный философский акт, знаменующий радикальный разрыв с ядром платоновского учения. В диалоге «Федон» (80a-b) Платон определяет душу как бестелесную (ἄσώματος), бессмертную и самодвижущуюся сущность, природа которой тесно связана с миром идей и божественным. Тело, в свою очередь, представляется ему темницей, источником страстей и заблуждений, с которым душа ведет постоянную борьбу [7, с. 35–36].

В трактате «О душе» (Π.1, 412a) Аристотель пытается преодолеть платоновский дуализм, вводя концепцию души как формы (εἶδος) и энтелехии живого тела. Энтелехия — это органи-

зующий принцип и цель, неразрывно связанный с материей. Однако важно отметить, что душа не является самостоятельным телом или особым видом материи [8, с. 394].

Зенон Китийский, опираясь на эту критику, но двигаясь значительно дальше, предлагает радикальную материализацию психического. Его определения души как *πνεῦμα φυσικόν*, или просто как пневмы, приводящей тело в движение [3, с. 66–67], систематически стирают онтологическую границу между психическим и физическим.

Этот шаг становится основой всего стоического монизма. В этой системе всё, что обладает причинностью — будь то разум, добродетель или божественный Логос, — телесно [9, р. 152]. Соматическая концепция души у Зенона — это не возврат к натурфилософскому гилозоизму досократиков. Это продуманный ответ на сложные вопросы платоно-аристотелевской философии. Зенон стремился решить проблему взаимодействия души и тела, утверждая их единство.

Как отмечает Дж. Рист, телесность души у стоиков вытекала из их основного онтологического принципа: способность действовать и испытывать воздействие присуща только телу [10, р. 163]. Чтобы понять, как душа влияет на тело и наоборот, сама душа должна быть физической субстанцией. Эту идею развивает Ф.Х. Сандбах: пневма — это не просто статичное вещество, а динамическая и напряжённая смесь огня и воздуха, которая поддерживает единство и жизнедеятельность организма [11, р. 74].

М. Скофилд исследует, как физический монизм стоиков, включающий учение о телесности души, стал основой их этики и социальной философии. Так как душа — часть единой мировой пневмы, разум человека становится частью общего Логоса. Это обосновывает естественное родство людей и идею мирового гражданства [12, р. 68]. Таким образом, соматизация души напрямую связывается с преодолением платоновского и аристотелевского элитизма в вопросе о природе человека.

Пневма у Зенона выступает не только как жизненная сила, но и как носитель логоса, что позволяет говорить о «разумной и божественной пневме» как основе мироздания и индивидуального сознания [13, с. 143]. Зенон ввел важное новшество: он объединил материальные и рациональные элементы. В этом контексте его концепция души возникла как ответ на кризис полисного мировоззрения. Зенон искал новые, космополитические основы для личной автономии и нравственности, которые нельзя было вывести из платоно-аристотелевской метафизики.

Конкретизация души как «теплой пневмы» (*θερμὸν πνεῦμα*) у Диогена Лаэртия и «сконденсированной пневмы» (*spiritus concretum*) у Макробия [3, с. 66] представляет собой не просто описательную метафору, а фундаментальный акт помещения этики в строгие рамки стоической натурфилософии. Это помещение радикально переопределяет саму сущность психического. Таким образом, уже в самом определении душа мыслится как текучий, но структурированный процесс, обеспечивающий единство и целенаправленную деятельность живого существа.

Этот тезис подтверждается в определении души как «огненной природы» у Цицерона [3, с. 65–66], что придает этике космологическое измерение. По мнению М. Скофилда, в стоической системе мировой разум (*λόγος*) — это творческий огонь (*πῦρ τεχνικόν*), разумная сила, пронизывающая мир и структурирующая материю, которая управляет космическим циклом [12, р. 65–66].

Итак, индивидуальная душа, будучи «теплой пневмой», представляет собой локальное проявление или модус всеобщего божественного Логоса. Как подметил Дж. Селларс, это превращает антропологическое осмысление в раздел теологии, а самопознание — в изучение божественного закона, действующего внутри нас [14, с. 92].

Концепция Зенона решает сложную философскую задачу: он сохраняет за душой атрибуты разумности и божественности без платоновского дуализма. Душа божественна не потому, что пришла из мира идей, а потому что состоит из той же тонкой и разумной материи, что и управляющая сила космоса. Этот подход создает контраст с аристотелизмом. Как отмечает Р. Сорабджи, Аристотель, столкнувшись с проблемой мышления, вынужден был постулировать особый ум (*νοῦς ποιητικός*) — «отделимый», «беспримесный» и «бессмертный» [15, р. 122–123]. Однако этот ум предстает метафизической аномалией в системе Аристотеля, его связь с индивидуальной душой и телом остается неясной. Стоицизм же последовательно избегает этой проблемы через радикальный монизм: логос-пневма пронизывает материю и воплощается в ней. Разум

не существует вне материи — это ее высшее, наиболее организованное состояние. Как отмечает А.А. Столяров, это ключевое отличие от платонизма: для Платона тело — это темница для бестелесной души, тогда как для Зенона — место и орган воплощения души-пневмы, и их связь есть естественное единство частей единого телесного космоса [13, с. 142].

В учении Зенона особенно примечательно использование термина ἀναθυμίασις, который переводится как «испарение» или «истечение» [3, с. 67]. В источниках упоминается, что эта ссылка на Гераклита имела стратегическое значение. Ранние стоики сознательно обращались к авторитету досократиков в спорах с платоновской Академией и аристотелевским Ликеем [12, р. 61–62]. Зенон называет душу «чувствующим испарением твердого тела». Он не просто использует старый термин, а полностью меняет его смысл. Теперь душа не противопоставляется материальному миру, она представляет собой его тончайшее и активное проявление, возникающее в ходе естественных изменений.

Эта идея о материальности души логично вписывается в теорию Э.Р. Доддса: греческое сознание эволюционировало от архаической «культуры стыда», основанной на внешних оценках, к классической «культуре вины», где моральные нормы становятся внутренними [1]. В эллинистический период происходит сложный процесс: на фоне усиления индивидуализма и религиозного искания наблюдается возвращение интереса к иррациональным явлениям — пророческим сновидениям, мистическому экстазу, вере в судьбу и демонов. Однако теперь эта иррациональная составляющая стремится быть освоенной новыми рационалистическими философскими учениями [1]. Учение Зенона о душе-испарении — яркий пример рационализации. В гомеровском или трагическом мировоззрении вселение внешнего демонического начала или божественная одержимость объяснялись сверхъестественными причинами. В стоической системе эти явления получают строго материалистическое толкование: изменение состояния внутренней пневмы — её нагревание, охлаждение, разрежение или сгущение. Страсть, например, рассматривается не как наваждение богов, а как «чрезмерный импульс» и «неразумное движение» души-пневмы, вызванные ошибочными суждениями.

Поскольку душа материальна, а убеждения — её состояния, исправление ложных мнений приводит к физическому изменению качества пневмы. Это позволяет достичь её здорового, устойчивого и согласованного состояния. Таким образом, философская практика превращается в духовно-телесную гигиену.

Таким образом, учение Зенона о душе, восстанавливаемое на основе представленных фрагментов, представляет собой сложное интеллектуальное объединение, включающее элементы досократической физики (гераклитовская концепция огня и понятие испарения) и медицинские представления о пневме. Этот синтез преобразует указанные элементы в целостную монистическую систему, направленную на противодействие трансцендентному идеализму Платона и дуалистическим тенденциям Аристотеля. С точки зрения Э.Р. Доддса, данный синтез можно рассматривать как попытку эллинистической философии рационализировать иррациональные и демонические аспекты человеческой психики, интегрируя их в дискурс материальной причинности и подчиняя логосу.

Понятие души в учении Марка Аврелия

Категория души (ψυχή) занимает одно из центральных мест в стоической философии Марка Аврелия. Систематизация характеристик и свойств души, основанная на анализе соответствующих фрагментов произведения, выглядит так:

- 1) душа как часть мировой души (κοινὴ ψυχή) (IV, 4; V, 30; IX, 8) [16, с. 17–18, 28, 51];
- 2) душа как источник страданий и заблуждений (II, 16; VIII, 40, 47) [16, с. 12, 47];
- 3) душа как объект самодисциплины и очищения (VII, 28–29; IX, 6; XII, 25) [16, с. 38, 51, 70].

Идея души как части мировой души (V, 30; IX, 8) [16, с. 28, 51] выводит анализ Марка Аврелия за рамки индивидуальной психологии в сферу космополитической этики. Утверждение, что разум целого обществен, делает индивидуальный логос гражданином космополиса. Это не мистическое слияние, а этико-правовое требование жить в согласии с общим законом.

Мировая душа, связанная с творческим огнём и Логосом, пронизывает универсум, обеспечивая его единство и целесообразность. Д. Седли показывает, что этот пантеистический монизм

был ответом на платоно-аристотелевский дуализм, утверждая радикальную имманентность божественного разума материальному миру [5, р. 89–90]. У Марка Аврелия спекулятивный физический принцип становится этическим и внутренним: «Если духовное у нас общее, то и разум, которым мы умны, у нас общий ... закон общий ... мы, граждане ... причастны некоей государственности ... мир есть как бы город» (IV, 4) [16, с. 17]. Фрагмент демонстрирует стоический силлогизм, выводящий из общности пневматического этико-политического заключение о космополитическом гражданстве. М. Скофилд отмечает, что у Марка Аврелия эта идея лишена утопического пафоса ранних стоиков и сводится к внутреннему закону для суждений и поступков в Римской империи [12, р. 69].

Концепция мировой души у Платона в «Тимее» (35a-36d) отличается от рассматриваемой. Для него она — демиургический посредник между миром идей и чувственным космосом, гармонизирующий его математически. Индивидуальная душа причастна мировой, но лишь в порядке, а не как единая субстанция [17, с. 437–438]. Для Платона истинное «родство души» — это связь с вечными идеями [7, с. 30–31]. Спасение души — это анамнесис и возвращение в умопостигаемый мир. Марк, следуя стоикам, отвергает трансцендентный мир идей. Возвращение для него означает принятие своей роли как части или отростка целого, что приносит радость.

Как подчеркивает П. Адо, платоновский вектор направлен вертикально вверх, к запредельному, а марковский — горизонтально вовне, к расширению сознания до пределов вселенной с последующим возвращением к центру, осознавшему своё место в общем контексте [18, р. 180–181].

Аристотель отвергает мировую душу, объясняя движение небесных сфер через неподвижный перводвигатель [8, с. 435–436]. Космос иерархичен и не является единым живым организмом в стоическом понимании. Индивидуальная душа — энтелехия конкретного тела [8, с. 394–395]. Марк Аврелий постоянно призывает принимать всё, что ни уделит город-мир (X, 6) [16, с. 56], где полис — лишь метафора вселенского организма.

Ключевым аспектом концепции *κοινὴ ψυχὴ* Марка в контексте теории Э.Р. Доддса служит «принятие». Эпоха Римской империи рассматривается как время роста «иррациональной тревоги», утраты веры в рациональный порядок и обращения к мистицизму, астрологии и магии [1, с. 254]. Индивид чувствовал себя одиноким и потерянным в безличном и враждебном мире. Марк считал, что душа — часть мировой души, это помогает справляться с тревогой. Поскольку одно другому сообразно благодаря напряженному движению, единодыханию и единению естества [16, с. 33–34] — это проявление разумного промысла или элемент вселенской механики. Поэтому личные страдания индивида имеют смысл как необходимый шов в общей ткани мира.

Такая концепция лежит в основе его космополитического гуманизма. Все люди рождены друг для друга [16, с. 61]. Даже те, кто поступает дурно, делают это по неведению, утратив связь с другими. Это позволяет Марку соединить стоическую идею долга благожелательности с христианским призывом любить заблудших.

Тезис Марка Аврелия, что душа (*ψυχὴ*), а точнее, её руководящее начало (*τὸ ἡγεμονικόν*) является источником страданий и заблуждений (II, 16; VIII, 40, 47) [16, с. 12, 47], представляет собой кульминацию стоического переворота в понимании человека — ответа на фундаментальные вызовы эллинистической и римской эпох, охарактеризованные Э.Р. Доддсом как эпоха торжества «иррационального» [1, с. 263]. В отличие от Платона и Аристотеля, видевших причины страдания и заблуждения в онтологии души или столкновении добродетели с внешним миром, Марк Аврелий связывает их исключительно с ошибочным суждением (*κρίσις*) самого разума. Эта радикальная интернализация зла выступает основой стоической этики и её терапевтической функции в условиях экзистенциальной тревоги и поиска иррациональных гарантий спасения.

Идея берёт начало из стоического учения о согласии (*συγκατάθεσις*). Душа активно принимает или отвергает внешние впечатления, а не пассивно их отражает [19, р. 61]. Заблуждение и аффект — это результат ошибочного, поспешного или слабого внутреннего согласия, а не навязанного извне зла. Марк Аврелий доводит эту логику до предельной ясности: «Душа человека глумится над собой ... когда сдаётся наслаждению или боли ... когда делает или говорит что-нибудь притворно и лживо» (II, 16) [16, с. 12].

Душа — не жертва, а активный участник собственного падения через аутоагрессию из-за предательства разумной природы. Это отличается от платоновской модели, где источник страдания — тирания телесных частей души над разумной. Зло коренится в структуре падшей души, связанной с телом, а спасение — в подавлении низшего высшим и аскетическом отвержении мира [7, с. 17–18]. Марк Аврелий считал, что душа не зла по природе. Заблуждается разум, и терапия заключается в исправлении суждений, а не в подавлении [16, с. 104]. Страдание вызвано не телом, а неправильным мнением о внешнем как зле (боль, утрата).

Для Аристотеля аффекты не порочны сами по себе; они становятся таковыми без разумной меры, определяемой практическим умом. Добродетель — это навык правильного реагирования на внешние вызовы, формируемый воспитанием и привычкой. Заблуждение может быть вызвано слабостью характера или неблагоприятными обстоятельствами [20, с. 86–87]. У Марка Аврелия уязвимость отрицается. Истинное благо и зло находятся внутри человека, в его признаниях. Внешняя судьба не может причинить душе вреда без её согласия.

Стоицизм Марка предлагал мощный психотерапевтический эффект, заменяя иррациональную тревогу и чувство фаталистической пассивности осознанием, что источник всех зол — не в богах или звёздах, а в собственных суждениях. Это давало силу и ответственность [1, с. 242]. Однако, как показывает М. Грэйвер, эта терапия была двойственной [21, р. 87]. Она освобождала от страха перед внешним, возвращая власть индивиду, но также возлагала на него всю вину за страдания, так как, по словам Марка, душа становится хуже, чем была прежде (VIII, 40) [16, с. 47], когда поддаётся страстям. Эта интериоризация вины соответствует описанному Доддсом сдвигу от «культуры стыда» к «культуре вины».

Упражнение состоит в постоянной «бдительности» (προσοχή) над потоком представлений и в мгновенном отказе от «согласия» с теми из них, что провозглашают внешние вещи благом или злом. Логика «Сними признание — снимается „обидели меня“; сними „обидели“ — снята обида» (IV, 7) [16, с. 18] — это сжатая формула этой практики. К. Гилл указывает, что эта дисциплина формирует «структурированное я» с акцентом на аналитическом и оценочном разуме вместо реактивного эмоционального состояния [22, р. 392].

Тема души (ψυχή) у Марка Аврелия — итог стоицизма, его диалога с философией и ответ на духовный кризис поздней Античности. В пассажах, где философ призывает «свернуться в себя самого» (VII, 28) [16, с. 38], отмечает, что «довольно, что есть сейчас постигательное признание...» (IX, 6) [16, с. 51], и даёт чёткие инструкции: «Выбрось признание — и спасен. А где тот, кто мешаешь выбрасывать?» (XII, 25) [16, с. 70], мы видим кристаллизацию практической философии, превратившей теоретический стоический психологизм в систему духовных упражнений.

Марк Аврелий развил стоическую доктрину, перенес акценты с теоретического исправления ошибочных суждений на их методичную, ежечасную практику. Ранние стоики, особенно Хрисипп, утверждали, что душа как тонкоматериальное тело достигает добродетели через исправление таких суждений [19, р. 130]. Предписания Марка Аврелия основаны на стоической концепции различия между тем, что в нашей власти, и тем, что нет. П. Адо считает его медитации не трактатом, а записью духовных упражнений, направленных на постоянное возвращение к руководящему началу и поддержание его чистоты [18, р. 105]. Практика очищения не связана с платоновским катарсисом, а заключается в стирании (ἀπαλείφειν) фальшивых или страстных представлений (φαντασίαι), загрязняющих разумную способность суждения. Объектом дисциплины является не душа как субстанция, а её активность — процесс суждения.

Кардинальное отличие от платоновской парадигмы заключается в следующем: для Платона, как в «Федоне», совершенствование души — это процесс её очищения от тела и чувственного мира для припоминания идей и возвращения к божественному бытию [7, с. 18–19]. Стоический монизм, отвергающий трансцендентный мир, делает иерархический метафизический путь восхождения невозможным. Дж. Купер подчёркивает, что очищение у стоиков — это исправление логических ошибок в материальном мире, а не выход за его пределы [23, р. 242]. Для Марка «свернуться в себя» значит не углубиться в созерцание вечных сущностей, а обратиться к внутреннему логосу, который есть «отросток» (ἀλόφυστος) Логоса мирового. Его самодисциплина направлена на улучшение способности души к правильному различению и суждению в природе.

Аристотелевское воспитание добродетели основано на формировании устойчивых привычек через повторяющиеся праведные поступки в социальной среде полиса. Добродетель — это «средина», определяемая практическим умом в отношении аффектов и действий [20, с. 78]. Этот процесс экстравертен и социален. Этическая работа Марка Аврелия, по М. Нуссбаум, интровертна и сосредоточена на внутреннем согласии или отказе от него [24, р. 359]. Его дисциплина заключается в тихой, постоянной работе ума, которую можно осуществлять в любых условиях, включая придворные, и которая направлена не на формирование привычки к социально приемлемым поступкам, а на достижение истинной независимости (*αὐτάρκεια*) и спокойствия (*ἀταραξία*) посредством контроля над единственной подлинной собственностью каждого человека — его суждениями.

Концепция философа-императора подчеркивает внутренний контроль как источник невозмутимости, что контрастирует с «веком тревоги» Доддса. В эпоху мистических культов, астрологии и веры в демонов, когда искали внешние гарантии спасения, стоическая дисциплина предлагала альтернативу в виде радикального самообладания [1, с. 254]. Источник бедствий — в искажённом суждении, поэтому внешняя сила не вредит, если охранять внутреннюю крепость разума. Комплекс упражнений — техника ментальной гигиены, обезвреживающая вирусы страха, гнева и вождления. Эти техники, включая «разделение» предмета на причинное и вещественное, дедраматизируют восприятие событий и лишают их ложной значимости, порождающей патологические аффекты [25, р. 132]. Самодисциплина души у Марка Аврелия — рационалистическая терапия против иррационального в массовом сознании его эпохи.

Проект самодисциплины и очищения души у Марка Аврелия, являясь вершиной практического стоицизма, представляет собой сложное сочетание различных элементов. Он объединяет раннестоицистский психологизм, превращая его в детализированную аскетическую мышления. Марк Аврелий критически дистанцируется от платоновской метафизики спасения и аристотелевской социальной этики, предлагая вместо них имманентную и индивидуалистическую модель совершенствования. И, наконец, в рамках позднеантичного «возвращения иррационального» этот проект выступает как героическая попытка защитить суверенитет человеческого разума, создавая неприступную цитадель внутренней свободы на основе безупречного самоконтроля.

Заключение

Сравнительный анализ концепции души в философии Зенона Китийского и Марка Аврелия в контексте теории цивилизационного кризиса, предложенной Э.Р. Доддсом, показывает, что перед нами не просто эволюция идей в рамках одной школы, а глубокий парадигмальный сдвиг. Этот сдвиг отражает трансформацию античного мировоззрения от эллинистического периода к эпохе поздней Империи. Он обусловлен нарастанием иррациональной тревоги (*anxiety*) и распадом классической гармонии между человеком и космосом. В результате философия из инструмента познания объективного миропорядка превратилась в способ создания субъективной неуязвимости.

Философия Зенона Китийского, возникшая в ранний эллинизм, была проектом рационализации мира. Он предложил идею целостного космоса, пронизанного разумной пневмой-логосом. Душа — это «теплая пневма», материальное проявление мирового разума, что объясняло её телесность и служило онтологическим обоснованием причинности, этики и космополитизма. Зенон утверждал разумность и провиденциальность мироздания, что давало человеку онтологическую уверенность. Его практика заключалась в исправлении ложных суждений для достижения гармонии с природой космоса. Стоицизм Зенона — это философия космического порядка, где личное спасение достигалось через понимание объективных законов мироздания.

Во II в. н.э. стоицизм пережил радикальную трансформацию. Мир стал восприниматься как чуждый и иррациональный, что привело к внутреннему повороту философии. У Марка Аврелия душа стала не частью космоса, а внутренним руководящим началом (*ἡγεμονικόν*). Космологическая идея мировой души (*κοινὴ ψυχή*) превратилась из научного постулата в инструмент преодоления тревоги. Философия из науки о мире стала аскетикой, закаляющей дух. У Зенона практика заключалась в усвоении истинной физики и логики для достижения апатии. У Марка Аврелия она стала системой духовных упражнений (*ἀσκήσεις*) для поддержания бдительности и

устойчивости. Теперь целью было не достижение абсолютной истины, а выработка экзистенциальной стойкости в условиях хаоса.

Список источников

1. Доддс Э.Р. Греки и иррациональное / пер. с англ., коммент. и указатель С.В. Пахомова. СПб.: Алетейя, 2000. 507 с.
2. Long A.A. *Hellenistic philosophy: Stoics, Epicureans, Sceptics*. Berkeley: University of California Press, 1986. 274 p.
3. Фрагменты ранних стоиков. Т. 1 : Зенон и его ученики / пер. и коммент. А. А. Столярова. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. 230 с.
4. Фрагменты ранних стоиков. Т. 2, ч. 2 : Хрисипп из Сол. Физические фрагменты / пер. и коммент. А. А. Столярова. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2002. 272 с.
5. Sedley D. The Stoic theory of universals // *Southern J. of Philosophy*. 1985. Vol. 23, iss. S1. P. 87–92. <https://doi.org/10.1111/J.2041-6962.1985.TB00428.X>
6. Доддс Э.Р. Язычник и христианин в смутное время: некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина / пер. с англ. А.Д. Пантелеева, А.В. Петрова. СПб.: Гуманит. академия, 2003. 317 с. EDN: VQYMFV.
7. Платон. Собр. соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
8. Аристотель. Соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
9. Long A.A. *Hellenistic philosophy*. N. Y.: Scribner, 1974. 262 p.
10. Rist J. M. *Stoic philosophy*. L.: Cambridge University Press, 1969. 300 p.
11. Sandbach F. H. *The stoics*. N. Y.: Norton, 1975. 190 p.
12. Schofield M. *The Stoic idea of the city*. Cambridge: University Press, 1991. 164 p.
13. Столяров А. А. Стоя и стоицизм. М.: Ками Групп, 1995. 448 с. EDN: SCYGJP.
14. Селларс Дж. Стоицизм : пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. 256 с.
15. Sorabji R. *Emotion and peace of mind: from Stoic agitation to Christian temptation*. Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 2000. 499 p.
16. Аврелий М. Размышления. Л.: Наука, 1985. 256 с.
17. Платон. Собр. соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
18. Hadot P. *The inner citadel: the meditations of Marcus Aurelius*. Cambridge: Harvard University Press, 1998. 351 p.
19. Inwood B. *Ethics and human action in early Stoicism*. Oxford: Clarendon Press, 1985. 348 p.
20. Аристотель. Соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
21. Graver M. *Stoicism and emotion*. Chicago: University of Chicago Press, 2007. 290 p.
22. Gill C. *The structured self in Hellenistic and Roman thought*. Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 2006. 522 p.
23. Cooper J.M. *Reason and emotion: essays on Ancient moral psychology and ethical theory*. Princeton: Princeton University Press, 1999. 588 p.
24. Nussbaum M.C. *The therapy of desire: theory and practice in Hellenistic ethics*. Princeton: Princeton University Press, 1994. 584 p.
25. Annas J. *The morality of happiness*. Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1993. 502 p.

References

1. Dodds E.R. *The Greeks and the irrational*. Trans. from English, comm. and index by S.V. Pakhomov. St. Petersburg: Aletheia; 2000. 507 p. (In Russ.).
2. Long A.A. *Hellenistic philosophy: Stoics, Epicureans, Sceptics*. Berkeley: University of California Press; 1986. 274 p.
3. Stolyarov A.A., transl. and comm. *Fragments of the early Stoics. Vol. 1: Zeno and his students*. Moscow: Greco-Latin Cabinet of Yu. A. Shichalin; 1998. 230 p. (In Russ.).
4. Stolyarov A.A., transl. and comm. *Fragments of the early Stoics. Vol. 2, part 2: Chrysippus of Thessaloniki. Physical fragments*. Moscow: Greco-Latin Cabinet of Yu. A. Shichalin; 2002. 272 p. (In Russ.).

5. Sedley D. The Stoic theory of universals. *Southern Journal of Philosophy*. 1985;23(S1):87-92. <https://doi.org/10.1111/J.2041-6962.1985.TB00428.X>
6. Dodds E.R. *Pagan and Christian in Troubled Times: some aspects of religious practices from Marcus Aurelius to Constantine*. Trans. from English by A.D. Panteleev, A.V. Petrov. St. Petersburg: Humanitarian Academy; 2003. 317 p. (In Russ.). EDN: VQYMF8.
7. Plato. *Collected works*: in 4 vols. Moscow: Thought; 1993, vol. 2. 528 p. (In Russ.).
8. Aristotle. *Works*: in 4 vols. Moscow: Thought; 1976, vol. 1. 550 p. (In Russ.).
9. Long A.A. *Hellenistic philosophy*. New York: Scribner; 1974. 262 p.
10. Rist J.M. *Stoic philosophy*. London: Cambridge University Press; 1969. 300 p.
11. Sandbach F.H. *The Stoics*. New York: Norton; 1975. 190 p.
12. Schofield M. *The Stoic idea of the city*. Cambridge: University Press; 1991. 164 p.
13. Stolyarov A.A. *Stoia and Stoicism*. Moscow: Kami Group; 1995. 448 p. (In Russ.). EDN: SCYGJP.
14. Sellars J. *Stoicism*. Trans. from English. Moscow: Ad Marginem Press; 2025. 256 p. (In Russ.).
15. Sorabji R. *Emotion and peace of mind: from Stoic agitation to Christian temptation*. Oxford, New York: Oxford University Press; 2000. 499 p.
16. Aurelius M. *Reflections*. Leningrad: Science; 1985. 256 p. (In Russ.).
17. Plato. *Collected works*: in 4 vols. Moscow: Thought; 1994, vol. 3. 654 p. (In Russ.).
18. Hadot P. *The inner citadel: the meditations of Marcus Aurelius*. Cambridge: Harvard University Press; 1998. 351 p.
19. Inwood B. *Ethics and human action in early Stoicism*. Oxford: Clarendon Press; 1985. 348 p.
20. Aristotle. *Works*: in 4 vols. Moscow: Thought; 1983, vol. 4. 830 p. (In Russ.).
21. Graver M. *Stoicism and emotion*. Chicago: University of Chicago Press; 2007. 290 p.
22. Gill C. *The structured self in Hellenistic and Roman thought*. Oxford, New York: Oxford University Press; 2006. 522 p.
23. Cooper J.M. *Reason and emotion: essays on Ancient moral psychology and ethical theory*. Princeton: Princeton University Press; 1999. 588 p.
24. Nussbaum M.C. *The therapy of desire: theory and practice in Hellenistic ethics*. Princeton: Princeton University Press; 1994. 584 p.
25. Annas J. *The morality of happiness*. Oxford, New York: Oxford University Press; 1993. 502 p.

Информация об авторе

V.S. Korobeinikov — аспирант, ассистент департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ.

Information about the author

V.S. Korobeinikov — Postgraduate Student, Assistant of the Department of Philosophy and Religious Studies, School of Arts and Humanities, FEFU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2026; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 06.02.2026; approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья
УДК 113; 141
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-22-30>

МОДУЛЯЦИЯ ОНТОЛОГИИ ЭПИКУРЕИЗМА В ПОЭМЕ ЛУКРЕЦИЯ DE RERUM NATURA

Анастасия Валерьевна Перекрестова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
perekrestova@mail.ru

Аннотация. Через призму римской философской традиции рассматриваются онтологические идеи эпикуреизма. Впервые попытка научнообразно репрезентировать картину мира дана в античной поэме Лукреция «О природе вещей». В этом произведении автор, опираясь на Эпикура, выстраивает систематический, целостный образ окружающей действительности. В то время как у Эпикура натурфилософский материал занимает явно подчиненное место, отдавая приоритет этике, у Лукреция он превалирует — его онтология самодостаточна и не просто является полноценной философской отраслью, но и выступает в качестве фундаментальной структуры. Лукреций стремился подвести под свое мировоззрение рациональную основу и формировал ее из стержневых принципов: всё происходящее вокруг совершается в строгом соответствии с природной необходимостью и законами, ничто не возникает из ничего и не творится по божественной воле, мир состоит из атомов и пустоты. Преобладание аллегорических толкований традиционной мифологии в поэме «О природе вещей» — свидетельство того, что Лукреций продолжает распространенную в эллинистической науке и искусстве интерпретацию религии и как бы изнутри выявляет несостоятельность общепринятого в то время мировоззрения. Показано, что для автора греческая философия была интересна вовсе не как отвлеченное умствование, но как рациональное основание жизни и как источник поэтического вдохновения, разбуженного созерцанием окружающего мира. Построенная Лукрецием на основании эпикурейских идей онтология стала матрицей для дальнейшего осмысления картины мира и построения разных моделей Вселенной, его тезисы непосредственно повлияли на выдающихся ученых Нового времени.

Ключевые слова: эпикуреизм, эллинизм, натурфилософия, мировоззрение, первоначало, природа, материя, боги, атомы, пустота, движение

Для цитирования: Перекрестова А.В. Модуляция онтологии эпикуреизма в поэме Лукреция De rerum natura // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 22–30.
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-22-30>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MODULATION OF EPICUREAN ONTOLOGY IN LUCRETIUS'S “DE RERUM NATURA”

Anastasia V. Perekrestova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
perekrestova@mail.ru

Abstract. This article examines the ontological ideas of Epicureanism, refracted through the prism of the Roman philosophical tradition. The first attempt to represent a worldview scientifically was made in Lucretius's ancient poem “On the Nature of Things”. In this work, the author, drawing on Epicurus, constructs a systematic, holistic view of reality. While in Epicurus, natural philosophy is clearly subordinate, giving priority to ethics, in Lucretius it prevails - his ontology is self-sufficient and not only constitutes a full-

fledged philosophical branch but also serves as a fundamental structure. Lucretius sought to establish a rational foundation for his worldview and formed it from core principles: everything that happens around us occurs in strict accordance with natural necessity and laws; nothing arises from nothing or is created by divine will; the world consists of atoms and void. The prevalence of allegorical interpretations of traditional mythology in the poem “On the Nature of Things” demonstrates that Lucretius continues the interpretation of religion common in Hellenistic science and art, revealing from within the inconsistency of the worldview generally accepted at the time. It is demonstrated that the author was interested in Greek philosophy not as abstract speculation, but as a rational foundation for life and a source of poetic inspiration awakened by contemplation of the surrounding world. The ontology Lucretius constructed on the basis of Epicurean ideas became the matrix for further understanding of the worldview and the construction of various models of the universe; his theses directly influenced prominent scholars of the modern era.

Keywords: Epicureanism, Hellenism, natural philosophy, worldview, origin, nature, matter, gods, atoms, emptiness, movement

For citation: Perekrestova A.V. Modulation of Epicurean Ontology in Lucretius's “De Rerum Natura”. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):22-30. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-22-30>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Квалифицировать отдельные произведения в качестве первых в своем роде, а потому новаторских бывает крайне проблематично, но в сокровищнице человеческой цивилизации встречаются такие артефакты, которые однозначно принадлежат к числу *primus inter principies*. К этой категории эпохальных творений можно отнести грандиозную поэму Лукреция *De rerum natura*.

Фактически данное произведение является первым фундаментальным философским сочинением, в котором была предпринята попытка научнообразно и системно репрезентировать картину мира. Автор видит в своем труде великую миссию просвещения и прояснения самых основополагающих онтологических вопросов: «...вещей объясняю начала, / Всё из которых творит, умножает, питает природа» (I, 55–56) [1, с. 9]. Уникальность поэмы Лукреция заключается в том, что она сопрягает в себе несколько масштабных сфер человеческого бытия: философию, физику, биологию, дидактику и, конечно, поэзию. На основе этого И.И. Толстой заключил: «...по своим историческим следствиям творчество Лукреция имело для развития римской мысли, несомненно, перворазрядную важность...» [2, с. 149]. Совершенно обоснованно и логично, что *De rerum natura* — предмет изучения не только фундаментальной философии, но и в меньшей степени входит в компетенцию филологии, соотносясь с самыми ранними образцами античной римской литературы.

Безусловно, практика исследования поэмы за рубежом, в частности в Италии, намного обширнее отечественной. Как отмечает Ф.А. Петровский, благодаря работам ученых Возрождения и французского филолога Ламбина, впервые использовавшего одну из двух основных рукописей и выпустившего комментированное издание Лукреция (Париж, 1563), а также трудам Лахмана, произведшего критический анализ текста, Менро, Дильса, Эрну европейские коллеги обладают прекрасными изданиями, которые могут служить надежной основой при анализе гениального латинского сочинения [2, с. 282].

Поэма Лукреция сохранилась в очень добротных списках. Два из них, относящиеся к IX в. (среди филологов они именуется «продолговатым» и «квадратным»), принадлежат к числу классических образцов рукописной книги, их прекрасные фотокопии в натуральную величину, имитирующие цвет и качество бумаги средневековых оригиналов, Лейденская библиотека прислала в дар Государственной библиотеке им. В.И. Ленина. Ф.А. Петровский подтверждает, что «эти две рукописи являются основным источником для установления текста Лукреция» [2, с. 282]. Известно также, что творение Лукреция не сохранило определенного названия: в общем-то заглавие *De rerum natura* произвольно, и, например, последний итальянский перевод 1944 г. звучит как *Il poema della natura*. С.И. Вавилов приводит любопытный факт: «В одном из двух сохранившихся основных списков поэмы она названа „*De phisica rerum origine vel effectu*“ („О физическом происхождении или образовании вещей“») [2, с. 12].

В некоторых рукописях в качестве автора указывается Лукреций, в других — Тит Лукреций Кар. Ученые-исследователи, в частности Т.В. Васильева, пришли к выводу, что безоговорочно доверия заслуживает только родовое имя Лукреций (его упоминают античные писатели), а собственное имя Тит и прозвище Кар приходится принимать условно, как дань исторически малодостоверной традиции [3, с. 67]. Древняя фамилия Лукрециев хорошо известна из римских летописаний, однако к какой ветви этого рода принадлежал автор поэмы и был ли он свободно-рожденным римским гражданином или отпущенным на волю рабом (по римским обычаям отпущенник получал фамилию господина), в настоящее время установить уже невозможно.

Античных сведений о персоне Лукреция практически не сохранилось, но мы знаем, что он жил в эпоху Гая Юлия Цезаря и умер за 11 лет до убийства римского политика [4, р. 230]. Кроме того, Т.В. Васильева упоминает о биографе Вергилия, который сообщает, что будущий поэт достиг гражданского совершеннолетия в год смерти Лукреция и стал бы прямым наследником его поэтической славы. А в одном из христианских летописаний, в дополнении к «Хронике» Евсевия, на которое указывал еще Ф.А. Петровский, встречается краткая заметка Иеронима о рождении поэта Лукреция, прожившего всего сорок четыре года и страдавшего периодически помрачениями разума, вследствие чего римлянин кончил жизнь самоубийством, бросившись на меч, по другим свидетельствам — отравившись. В светлые промежутки между припадками безумия он написал шесть книг своей поэмы о природе вещей, которая осталась незаконченной и увидела свет лишь благодаря Цицерону, ставшему его первым издателем и редактором.

В последующих переработках этой скупой биографии говорится о тесной и нежной дружбе, связывавшей Лукреция с Марком Цицероном, его братом Квинтом и их ближайшим другом и родственником Помпонием Атикком, известным адресатом серии блестящих цicerоновских писем, убежденным эпикурейцем. В одном из писем Цицерона к брату Квинту действительно можно обнаружить такое замечание: «Поэма Лукреция такова, какой ты ее характеризуюешь в своем письме: в ней много проблесков природного дарования, но вместе с тем и искусства» [2, с. 275].

Едва ли другое поэтическое и научное произведение древности, если вспоминать даже творения Гомера, Еврипида, Евклида, Архимеда, Вергилия и Овидия, донесло до наших дней через тысячелетия такую же фундаментальность и идейную насыщенность, как неувядаемая поэма Лукреция. Академик С.И. Вавилов дает данному труду высочайшую оценку: «Нет никакого сомнения, что великая идея атомизма проникала до Галилея, Ньютона и Ломоносова не посредством разбросанных фрагментов Демокрита и Эпикура, а через гекзаметры Лукреция» [2, с. 10].

Известно, что к моменту написания поэмы были конституированы все жанры философствования, типичные для европейской традиции: первая натурфилософия, тяготеющая к позитивному знанию (милетская школа); первая спекулятивно-умозрительная метафизика (элейская школа); первый опыт мистического философствования (пифагореизм); первый вариант европейского просвещения (софисты); первая система рафинированного идеалистического интеллектуализма (Платон); первая универсальная и всеохватная мировая систематика (Аристотель); первые образцы релятивизма, скептицизма и т. д. Итак, в эпистемологическом арсенале Лукреция находилась богатейшая палитра воззрений и теорий, однако единственно приемлемыми для него оказались взгляды Эпикура.

Вызревание эпикуреизма происходило в начале IV в. до н. э., когда в Афинах возник «Сад» (Keros), в хронологическом порядке оказавшийся первой эллинистической школой. Его основателем и был легендарный Эпикур, ставший знаковой фигурой Античности. «Немногие люди и немногие доктрины, — пишет о философской системе создателя „Сада“ швейцарский эллинист А. Боннар, — вызывали как у современников, так и в последующие времена больше страстности и больше противоположных суждений, чем Эпикур и его ученики» [5, с. 158].

По разным свидетельствам, Эпикуру принадлежало свыше 300 папирусных свитков, представлявших собой сочинения различной тематической направленности. До нас дошли в основном их названия: «О природе», «Об атомах и пустоте», «Об образе жизни», «О конечной цели», «Краткие возражения против физиков», «О критерии, или Канон», а также отрывки из писем и крайне незначительные, мельчайшие фрагменты сочинений [6]. И, конечно, гигантский пласт

информации заключает в себе поэма Лукреция «О природе вещей», которая является основным источником сведений об идеях эпикуреизма.

Распространение эпикуреизма в Риме в республиканское, а затем и в имперское время было связано как с серьезным его усвоением, так и с его искажениями в духе грубоватого гедонизма. Истинный римский эпикуреизм как развитие взглядов основателя «Сада» служил немаловажным идейным фактором. Первым известным нам приверженцем данного учения в Риме был Кай Амафигний, писавший на латинском языке как урожденный римлянин. Показательно, что в I в. до н. э. в окрестностях Неаполя существовала эпикурейская школа, во главе которой стояли Сирон и Филодем [7]. Нам известны также имена таких последователей идей самосского мыслителя, как Марк Помпилий Андроник, Кай Катий, этруск по происхождению, в четырех книгах излагавший постулаты учения. Кроме того, сторонником эпикуреизма был и крупный политический деятель, соперник Цезаря Гай Кассий Лонгин. «Известно также, что среди философских школ, закрытых Домицианом и восстановленных Марком Аврелием, была и эпикурейская», — сообщает А.С. Богомолов [8, с. 288].

Самым значительным после Лукреция представителем эпикуреизма в Риме был, конечно, Филодем, родившийся в Гадаре и впоследствии обосновавшийся в Южной Италии, ученик афинянина Зенона из Сидона. Во времена его деятельности продолжал еще существовать афинский «Сад», который и дал ответвление в Геркулануме. Школа Филодема в Геркулануме просуществовала более двух веков и погибла вместе с самим городом утром 24 августа 79 г. н. э., когда началось катастрофическое извержение Везувия. А.Н. Чанышев допускает, что Лукреций мог быть учеником Филодема [9, с. 233].

Выступая в качестве популяризатора, Лукреций ожидал, что поэтическая форма поможет преодолеть ту ненависть, которую эпикуреизм вызывал у толпы вследствие своей тяжеловесности: «...учение наше / Непосвященным всегда представляется слишком суровым» (I, 943–944) [1, с. 61]. Лукреций видит в своей деятельности высокую миссию, обосновывая свое творчество так: «...учу я великому знанью, стараясь / Дух человека извлечь из тесных теней суеверий» (I, 931–932) [1, с. 59]. Для поэта это стало высшим призванием и даже предназначением, ибо данная мысль повторяется в тексте неоднократно. Цель Лукреций ставит перед собой, как он полагает, чрезвычайно гуманную, поскольку суеверия порождают в душах людей страх, а поэт видит свою задачу и в том, чтобы помочь людям преодолеть любые фобии. Примечательно, что мыслитель глубоко убежден в том, что для реализации подобного плана ему достаточно показать окружающий мир таким, каков он есть на самом деле, ибо страх изгонит «...природа своим видом и внутренним строем» (II, 61) [1, с. 77].

Лукреций осознает, что он в своем учении опирается на греческую философскую традицию и фактически переводит эллинистическое мировоззрение на язык латинской культуры, понимая всю сложность данного мероприятия. Мыслитель озабочен терминологическими трудностями и предупреждает, что «...к новым словам прибегать мне нередко придется / При нищете языка и наличии новых понятий» (I, 138–139) [1, с. 15].

Если касаться преемственности, то необходимо отметить, что Лукреций обходит молчанием взгляды софистов, Сократа, Платона, Аристотеля, стоиков и скептиков, принимая во внимание только материалистическую натурфилософскую традицию в греческой науке. Тем не менее ему известны учения о первоначальности и воды, и воздуха, и земли, а также концепции дуалистического характера, синтезирующие два элемента и провозглашающие их источником всего. Хорошо знаком был поэт и со взглядами Гераклита, объявляющего огонь высшей порождающей субстанцией, и с концепцией о четырех началах Эмпедокла, о котором он отзывается весьма уважительно. Однако, по сути, Лукреций не воспринимает ни одно из вышеназванных учений, а к отдельным из них относится резко отрицательно, для него истинным и единственным миропониманием остается эпикуреизм.

Категорически Лукреций не признает воззрений Гераклита: «...те, кто считал, что все вещи возникли / Лишь из огня, и огонь полагали основой мира, / Кажется мне, далеко уклонились от здравого смысла. / Их предводителем был Гераклит, завязавший сражение, / По темноте языка знаменитый у греков, но больше / Слава его у пустых, чем у строгих искателей правды» (I, 635–640) [1, с. 43].

Достаточно почтительно говорит поэт о «певце» четырех начал, параллельно воспевая Сицилию, которая, с точки зрения автора, не рождала ничего более достойного, чем Эмпедокл, однако «...и он, и все те, о которых мы раньше сказали, / Что и ничтожней его и во многом значительно ниже <...> Все же, дойдя до начатков вещей, потерпели крушение...» (I, 734–740) [1, с. 49]. Главные их ошибки, по мнению Лукреция, состояли в том, что они отрицали существование пустоты, признавая такое явление, как движение. Автор поэмы являлся последовательным приверженцем Эпикура, поэтому для него был нелепым сам факт динамики при отсутствии пространства, где можно реализовать процесс движения.

Другим существенным недостатком античных мыслителей, делающим несостоятельными все их философские системы, Лукреций считал допущение бесконечного деления, которое противоречит всей эпикурейской физике, а потому представляет собой безнадежное заблуждение. Эти явные искажения истины относятся и к учению Анаксагора, у него обнаруживаются и дополнительные просчеты: первоначала неустойчивы, во всем подобны смертным вещам, а следовательно, и сами подвержены небытию. Положения Анаксагора, что все существует во всем, Лукреций вообще высмеивает, называя их «увертками». И вот в качестве истины в последней инстанции, противопоставленной всем ложным натурфилософским выкладкам, поэт провозглашает Эпикура. Правда, как добавляет Т.В. Васильева [3, с. 69], по имени создатель «Сада» назван в поэме лишь один раз: Эпикур своим дарованием превзошел и затмил всех людей так же, как Солнце затмевает звезды (III, 1042) [1, с. 203]. Однако поэма буквально пронизана анонимными восхвалениями самосского мудреца. Так, в первой книге повествуется об эллине, не испугавшемся ни молвы о богах, ни молнии, ни грома, который в то время, когда жизнь людей безобразно влачилась под тягостным гнетом религии, обладая духовной решимостью, взломал затвор природы и, охватив своей мыслью безграничные пространства, объяснил все на свете. В третьей книге восхваляется человек, постигший сущность вещей, благодаря ему «...открылась / Вся природа везде и доступною сделалась мысли» (III, 29–30) [1, с. 145]. Латентно восхваляется философ и в шестой книге как личность, своими великими прозрениями и открытиями избавившая род людской от томлений страха и тревог. Эта личность, в которой легко распознается Эпикур, вызывает у Лукреция «божественную радость», приправленную своеобразным священным трепетом, не переходящим в слепое поклонение и фанатизм. Надо отдать поэту должное — он не грешит излишним доктринерством, хотя и забывает о полезности умеренного скептицизма. Он не догматичен потому, что стремится доказывать и обосновывать каждый свой тезис, приводя максимум возможных аргументов, связывая их в логически стройную систему. И все-таки автору несколько не хватает критичности, поэт неоднократно безапелляционно называет учение Эпикура истинным и достоверным.

Отметим, что Лукреций абсолютно четко и однозначно представляет себе своего главного врага в святом деле освобождения людей от суеверий и связанных с ними неоправданных страхов. Можно сказать, что всё мировоззрение автора векторно направлено против религиозных установок того времени. Поэт достаточно агрессивен по отношению к религии и полностью ее отвергает, поскольку она представляется ему оплотом вредоносных заблуждений, провоцирующих все человеческие беды и неприятности.

Лукреций стремился подвести под свое мировоззрение рациональную основу, опираясь исключительно на объективные факты, которые он дефинировал как законы природы. Действительно, все происходящее вокруг совершается в соответствии с природной необходимостью, ничто не творится при участии божественных сил. Мир, по мнению Лукреция как последовательного эпикурейца, вовсе не является продуктом деятельности высших существ, сфабрикованным для человеческого довольства, поэтому распространенное убеждение относительно креации космоса Деминургом, ставшее популярным с подачи Платона, представляется автору неоправданным: «...не для нас и отнюдь не божественной волею создан / Весь существующий мир: столь много в нем всяких пороков» (II, 180–181) [1, с. 83]. Мир очень далек от совершенства, кроме того, в нем ничто прямо не приспособлено к удовлетворению человеческих нужд, чему подтверждением служит первозданная, непреобразованная природа, а индивид — лишь часть универсума, но не его движущая сила и не цель, ведь люди полностью подчинены законам окружающего и не в состоянии их превзойти или модифицировать. Именно поэтому уче-

ние Лукреция казалось толпе суровым, разрушающим иллюзии людей об избранности среди прочих природных явлений.

Но автор поэмы идет еще дальше, заявляя, что космос не только сотворен без вмешательства богов, но и никак ими не упорядочивается, т. е. миром не управляют, он существует и развивается по собственным законам. Для большей убедительности поэт объясняет отдельные мифы аллегорически: или чисто физически (например, миф о Фазтоне (V, 396–410) [1, с. 305] выражает один из моментов соперничества природных стихий, в результате которого побеждает огонь), или социальными и психологическими факторами. В целом, утверждает Ф.А. Петровский [2, с. 164], в поэме немало мест, в которых творящая природа как будто бы олицетворяется в мифологических образах Венеры, Матери богов, Великой Матери. Лукреций живописует порождающий все живое брак Матери-Земли и Отца-Эфира, любовные объятия Венеры и Марса и т. д., оставаясь даже при своих категоричных взглядах прежде всего поэтом. Абсолютное преобладание аллегорических толкований традиционной мифологии свидетельствует, что Лукреций продолжает распространенную в эллинистической науке и искусстве интерпретацию религии и, овладев поэтической техникой эпоса, как бы изнутри выявляет несостоятельность общепринятого мировосприятия. Это тот случай, когда художественность становится главным оружием научности.

Парадоксально, но факт, что, отвергая религию и теологическое происхождение Вселенной, Лукреций вслед за Эпикуром признает существование богов. В общем-то заявление о бытии внемировых богов в традиции эпикуреизма, о чем уже упоминалось, носит чисто номинальный характер и достаточно условно, тем не менее Лукреций описывает их как абсолютно блаженных и потому бездейственных существ, природа коих «...настолько тонка и от чувства / Нашего столь далека, что едва ли умом постижима» (V, 148–149) [1, с. 291]. Эти кумиры лишены всех функций богов как религиозных объектов: они не творцы и не устроители мира; ими не осуществляется провидение или промысел; фиктивные идолы не умиляют молитвами и не воспринимают благодарность, не властны наказывать людей за злодеяния или вознаграждать за добродетель. Поэтому тщетными и бессмысленными оказываются поклонение богам, традиционное благочестие, а в еще большей степени — ортодоксальное следование обрядовой стороне. Получается, что боги Лукреция даже более иррелевантны миру, чем эпикуровы. Фактически деистическая компонента может рассматриваться как идеализированный образ мудрецов, поскольку в богах мы находим воплощение той самой безмятежности и неозабоченности, которые считаются Эпикуром и, соответственно, Лукрецием оптимальным состоянием человеческого духа, внутреннего настроения личности, но не всякого, а интеллектуально развитого индивида, стремящегося приблизиться к перфекционистскому эталону, отчужденному и опредмеченному в облике столь специфических богов.

В самом начале поэмы, после гимна Венере, Лукреций обращается к Меммию: «...о сущности высших небес и богов собираюсь / Я рассуждать для тебя и вещей объясняю начала» (I, 54–55) [1, с. 9]. В целом вопрос о первоначалах является центральным в поэме, ибо через него развиваются все остальные положения учения, адаптированного для римлян. В этом ракурсе важно отметить, что если у Эпикура, насколько мы можем судить, натурфилософский материал занимает явно подчиненное место, отдавая приоритет этике, то у Лукреция он преобладает — его онтология самостоятельна и выступает не просто полноценной философской отраслью, но иногда и векторной силой [2, с. 128]. Причем «механическая» картина мира Демокрита и Эпикура преобразуется у Лукреция в эстетически насыщенную, эмоционально окрашенную, художественную картину живой природы. И если первым было достаточно для экспликации бытия двух факторов — атомов с присущими им свойствами и пустоты, в которой они движутся, то автора *De rerum natura* в большей степени влечет животворящая, творческая субстанция, выступающая как некое третье незримое и неосязаемое начало. Возможно, этим объясняется и специфика лукрециевской терминологии, ведь у него отсутствует специальная лексическая единица для обозначения греческого понятия «атом» («неделимый»), на что обращают внимание исследователи [8, с. 261]. Как известно, латинской калькой для данного термина служит слово *individuum*, которое ввел в своих изложениях эпикуреизма Цицерон и которым впоследствии пользовались многие римские мыслители. Но Лукреций решил не изобретать неологиз-

мов, а прибегнуть к биоморфным аналогиям, поэтому свои «первоначала», или «первичные тела», он называет «семенами», возвращаясь в терминологическом отношении к Анаксагору. Для поэта неделимость, безусловно, выступает главным свойством атома, однако оно не заслоняет собой других их признаков, а потому он не видит особого смысла в его акцентировании.

Следует отметить, что автор поэмы и сущность данного первоначала понимает несколько в ином ракурсе — естественно, и «для него это „предел раздробления“ (reddita finis)» [8, с. 261], но в то же время «семя» как таковое представляется чем-то вроде модели некоей идеализации. Лукреций полагает, что элементарная частица материи «...совсем не делима на части, / Будучи меньше всего по природе своей; и отдельно, / Самостоятельно, быть не могла никогда и не сможет, / Ибо другого она единая первая доля» (I, 601–604) [1, с. 41]. То есть атом олицетворяет скорее абстрактный предел делимости, своеобразное «идеальное тело», которое всегда будет идентифицироваться как часть более обширного тела. Поэт в данном отношении оказывается не столь конкретен, как его идейный наставник, понимавший первоначало более вещественно и узко, а благодаря более высокой степени спекулятивного осмысления знакомый эйдос приобретает новое наполнение, обогащается дополнительными семантическими оттенками.

Не менее важно и то, что первоначала у Лукреция, как и у Эпикура, вечны и не подвержены изменениям, отмечает В.И. Светлов [2, с. 97]. Они априори не могут содержать в себе ничто, что стимулировало бы метаморфозы, ибо тогда главный принцип сохранения бытия не действовал бы. Поэтому начала не возникают и не погибают, но переходят друг в друга, хотя и не изменяются, кроме того, «семена» не распадаются на части, они абсолютно тверды, «крепки, плотны и вески». Философ убежден, что «...должно пребывать всегда нерушимое нечто, / Чтобы не сгнуло все совершенно, в ничто обратившись» (II, 752–753) [1, с. 117]. К слову, данная позиция не соответствует духу и содержанию современной физики, которая базируется на том, что стационарных, вечных элементов нет ни в макромире, ни в микромире [10, с. 101]. Взаимопревращаемость Лукреций допускал только на уровне вещей, состоящих из первоначал, в то время как наука XX в. провозгласила неустойчивыми и сами элементарные частицы.

Источником всего, что происходит в космосе, является движение основных начал: «...тела основные мнутся / В вечном движеньи всегда» (II, 89–90) [1, с. 79]. Лукреций пытается четко обосновать этот важнейший тезис, помогающий понять всю механику Вселенной, и объясняет динамику первоначал тем, что микрочастицы находятся в беспредельном пространстве, трансфинитной безликой пустоте, где не существует ориентиров и координат: «...телам начал основных совершенно / Нету покоя нигде, ибо низа-то нет никакого, / Где бы, стечение свое прекратив, они оседали» (I, 992–994) [1, с. 63]. Фактически эссенцией доказательства вечного движения первоэлементов и выступает безграничность универсума, его качественные характеристики. Поэт «указывает еще на две важные причины движения первоэлементов» [9, с. 247]: их вес и толчки. Динамика тел в поэме связывается с тяжестью и подразделяется на прямолинейное движение и движение, порождаемое столкновением, вторичное по своей природе в силу того, что служит фактором изменения, прежде всего направления. Взаимодействия, вызываемые весовыми показателями, признаются Лукрецием самыми важными и наиболее интенсивными. Кроме того, вслед за Эпикуром поэт проповедует и спонтанное отклонение атомов, вызываемое к тому же творческой силой материи.

Фундаментом всего мировоззрения Лукреция как эпикурейца является «закон сохранения бытия, сформулированный еще Парменидом в конце VI в. до н. э.» [9, с. 242], ставший важным принципом физики Эпикура — ничто в этом мире не может возникнуть самопроизвольно из небытия. Автор постоянно ссылается на данное положение, неоднократно упоминая о нем в разном контексте, и не дает забыть об идейной доминанте читателю. Только в книге первой эта истина повторяется не менее шести раз: «Из ничего не творится ничто» (I, 150) [1, с. 15], «Из ничего ... ничто не родится» (I, 205) [1, с. 19], «...природа ... в ничто ничего не приводит» (I, 215–216) [1, с. 19], «...невозможно вещам ни в ничто отходить, ни, обратно, / Из ничего вырастать...» (I, 857–858) [1, с. 55] и т. д. Такая идея, будучи квинтэссенцией всей древнегреческой онтологии, оказалась не просто близка Лукрецию по духу, но и, идеально вписавшись в эпикурейскую картину мира поэмы, обрела большую популярность благодаря его тексту. Степень признания тезиса была так велика, что знаменитый латинский афоризм *Ex nihilo nihil fit* («Из

ничего ничто не возникает») приписывают Лукрецию, хотя нигде в оригинале произведения в таком виде эта фраза не встречается. Отрицая превращение бытия в небытие и обратно, эпикуреизм не допускает абсолютного уничтожения, все изменения и перемещения совершаются путем пространственных перемещений атомов, их прибавления где-либо и убавления в другом месте. Эту мысль Лукреций проводит через первую книгу своей поэмы, последовательно и тщательно излагая аргументы — то, что Эпикур ждал в одну краткую и лаконичную формулу, он развивает в семидесяти строках латинского гекзаметра [11, р. 112].

Так распорядилась история, что идеи легендарного Эпикура оказались бессмертными во многом благодаря труду скромного римского поэта, прославившегося исключительно как автор поэмы *De rerum natura*. И в настоящее время творение Лукреция остается величайшим письменным памятником материалистической философии всех времен и народов. Произведения такого масштаба грандиозны не только по своему содержанию, но и по непревзойденной монументальности формы: поэма состоит из 7415 строк, написанных знаменитым дактилическим гекзаметром. Лукреций, как и Цицерон, тщательно заботился о форме изложения своей философии. Он надеялся, что «обаяние Муз», «ясный стих», «сладостный мед поэзии» [9, с. 233] помогут увлечь умы и внимание слушателей и читателей, приковав их к содержанию учения, нелегкого для понимания.

Пронизанная эпикурейскими идеями картина мира в поэме Лукреция и стала матрицей для дальнейшего конструирования модели реальности, ее онтология и космология непосредственно повлияли на Ньютона, Галилея, Бюхнера, Ломоносова и других выдающихся ученых. Вполне говорит за себя тот факт, что немецкий перевод поэмы вышел с предисловием А. Эйнштейна. Не будет преувеличением сказать, что среди тех античных авторов, к естественно-научным трудам которых современные физики относятся с большим уважением, Лукреций (вместе со своим вдохновителем Эпикуром) занимает одно из первых мест.

Поэма Лукреция остается выдающимся памятником античной мысли, представляя собой редкий экземпляр синтеза философии, науки и поэзии. Данное сочинение стало своеобразным мостиком между греческой и римской интеллектуальными традициями, при этом особую значимость имеет то, что автор не просто пересказывает взгляды Эпикура, а переосмысливает его идеи, обогащая их собственными наблюдениями и художественной метафоричностью. *De rerum natura* оказала глубокое влияние на всю последующую европейскую мысль, а онтологические вопросы произведения и сегодня продолжают вдохновлять читателей, провоцируя на размышления о бытии и Вселенной.

Список источников

1. Лукреций. О природе вещей : в 2 т. Т. 1 : Текст поэмы / ред. латин. текста и пер. Ф.А. Петровского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 452 с.
2. Лукреций. О природе вещей : в 2 т. Т. 2 : Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла / сост. Ф.А. Петровский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 698 с.
3. Васильева Т.В. Стоическая концепция природы и поэма Лукреция «О природе вещей» // Эллинистическая философия (современные проблемы и дискуссии) : сб. науч. ст. / отв. ред. Д.В. Джохадзе. М.: Ин-т философии, 1986. С. 66–84.
4. Frank T. The Life and Literature in The Roman Republic. Berkeley: University of California Press, 1971. 258 p.
5. Боннар А. Греческая цивилизация : в 3 т. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. Т. 3. 385 с.
6. Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. и вступ. ст. М.А. Дынника. М.: Изд-во полит. лит., 1955. 240 с.
7. Шахнович М.М. Сад Эпикура: философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 284 с.
8. Богомолов А.С. Античная философия. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. 368 с.
9. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М.: Высшая школа, 1991. 512 с.
10. Латыпов Н.Н., Бейлин В.А., Верешков Г.М. Вакуум, элементарные частицы и Вселенная: в поисках физических и философских концепций XXI в. М.: Изд-во МГУ, 2001. 232 с.
11. Clay D. Lucretius and Epicurus. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1983. 361 p.

References

1. Lucretius. *On the nature of things*: in 2 vols. *Vol. 1: Text of the poem*. F.A. Petrovsky (ed.). Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1946. 452 p. (In Russ.).
2. Lucretius. *On the nature of things*: in 2 vols. *Vol. 2: Articles, comments, fragments of Epicurus and Empedocles*. F.A. Petrovsky (comp.). Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1947. 698 p. (In Russ.).
3. Vasilyeva T.V. The stoic concept of nature and Lucretius's poem "On the nature of things". *Hellenistic philosophy (modern problems and discussions)*. D.V. Jokhadze (ed.). Moscow: Institute of Philosophy; 1986:66-84. (In Russ.).
4. Frank T. *The life and literature in the Roman Republic*. Berkeley: University of California Press; 1971. 258 p.
5. Bonnar A. *Greek civilization*: in 3 vols. Moscow: Foreign Literature Publishing House; 1962, vol. 3. 385 p. (In Russ.).
6. Dynnik M.A., ed. *Materialists of Ancient Greece*. Collection of texts by Heraclitus, Democritus and Epicurus. Moscow: Publishing House of Political Literature; 1955. 240 p. (In Russ.).
7. Shakhnovich M.M. *The Garden of Epicurus: the philosophy of religion of Epicurus and the Epicurean tradition in the history of European culture*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House; 2002. 284 p. (In Russ.).
8. Bogomolov A.S. *Ancient philosophy*. Moscow: Moscow University Publishing House; 1985. 368 p. (In Russ.).
9. Chanyshev A.N. *Lecture course on ancient and medieval philosophy*. Moscow: Higher School; 1991. 512 p. (In Russ.).
10. Latypov N.N., Beilin V.A., Vereshkov G.M. *Vacuum, elementary particles and the universe: in search of physical and philosophical concepts for the 21st century*. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 2001. 232 p. (In Russ.).
11. Clay D. *Lucretius and Epicurus*. Ithaca, New York: Cornell University Press; 1983. 361 p.

Информация об авторе

А.В. Перекрестова — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и мировых религий ДГТУ.

Information about the author

A.V. Perekrestova — Candidate of Science (Philosophy), Senior Lecturer of the Department of Philosophy and World Religions, DSTU.

Статья поступила в редакцию 08.01.2026; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 08.01.2026; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья
УДК 130.3 (091)
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-31-41>

ФИЛОСОФИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ИДЕИ Ф.В.Й. ШЕЛЛИНГА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА ПРАВОСЛАВИЯ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Алексей Валерьевич Сокол

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
mr.sokol_alexey@mail.ru

Аннотация. Рассматривается концепция всеобщей диалектики исторического развития христианства мира Ф.В.Й. Шеллинга в контексте русской религиозно-философской теории социально-нравственного идеала православной общественности и государственности. На основе шеллинговской и методологически родственной ей гегелевской концепции всеобщей диалектики демонстрируется необходимость идейно-философской реформации современного христианского мира. Через развитие диалектического способа мышления универсального христианства («Иоанново христианство», т. е. христианство апостола Иоанна — в терминологии Шеллинга) отвергнута отрицательность протестантизма и утверждена «эпоха Бога — Святого Духа» как система преобразования всех исторических форм христианской духовности в интегральную христианскую цивилизацию. Содержание этой эпохи отразилось в духовном опыте русской религиозной философии Серебряного века, которая обосновала на теоретическом уровне необходимость православной социально-этической традиции как формы христианства, имеющей пасхальный и пневматологический характер. Показано идейно-методологическое влияние диалектики Шеллинга на русскую религиозно-философскую мысль Серебряного века в ее поиске социально-этического идеала православия.

Ключевые слова: философия христианского мира, всеобщая диалектика христианской идеи, православие как Иоанново христианство, идеал православной общественности и государственности

Для цитирования: Сокол А.В. Философия христианской идеи Ф.В.Й. Шеллинга как предпосылка теории социально-этического идеала православия русских философов Серебряного века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 31–41. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-31-41>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

F.W.J. SCHELLING'S PHILOSOPHY OF THE CHRISTIAN IDEA AS A PREMISE FOR THE THEORY OF THE SOCIO-ETHICAL IDEAL OF ORTHODOXY BY RUSSIAN PHILOSOPHERS OF THE SILVER AGE

Alexey V. Sokol

Kuban State University, Krasnodar, Russia
mr.sokol_alexey@mail.ru

Abstract. This article examines F.W.J. Schelling's concept of the universal dialectic of the historical development of world Christianity within the context of his Russian religious and philosophical theory of the socio-moral ideal of Orthodox society and statehood. Drawing on Schelling's and Hegel's methodologically related concept of universal dialectic, the article demonstrates the need for an ideological and philosophical reformation of the modern Christian world. Through the development of the dialectical thinking of universal Christianity (“Johann Christianity,” i.e., the Christianity of the Apostle John, in Schelling's terminology), the negativity of Protestantism was rejected and the “era of God - the Holy Spirit” was affirmed as a

system for transforming all historical forms of Christian spirituality into an integral Christian civilization. The content of this era was reflected in the spiritual experience of Russian religious philosophy of the Silver Age, which theoretically substantiated the necessity of an Orthodox social-ethical tradition as a form of Christianity with an Easter and pneumatological character. The article shows the ideological and methodological influence of Schelling's dialectic on Russian religious and philosophical thought of the Silver Age in its search for the socio-ethical ideal of Orthodoxy.

Keywords: philosophy of the Christian world, general dialectic of the Christian idea, Orthodoxy as Johann Christianity, ideal of Orthodox society and statehood

For citation: Sokol A.V. F.W.J. Schelling's Philosophy of the Christian Idea as a Premise for the Theory of the Socio-Ethical Ideal of Orthodoxy by Russian Philosophers of the Silver Age. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2026;(1):31-41. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-31-41>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Одной из ключевых тем мировой классической философии в ее немецкой и русской формах выступает диалектика развития христианского человечества. Именно она дает не только ключ к пониманию исторического прошлого христианского мира, но и способ понимания его настоящего и будущего. Началом становления этой диалектики выступило творчество выдающегося представителя немецкого классического идеализма Ф.В.Й. Шеллинга, оказавшего значительное влияние на русскую религиозную философию второй половины XIX — начала XX в.

В современном мире, где наблюдается усиление процессов секуляризации, межконфессиональных конфликтов и поиска новых форм духовной идентичности, философия Ф.В.Й. Шеллинга приобретает особую актуальность. Его концепция всеобщей диалектики христианского мира, предполагающая переход от исторических форм христианства (католицизм и протестантизм) к универсальному «Иоаннову христианству» «эпохи Святого Духа», предлагает инструменты для осмысления глобальных вызовов. В условиях кризиса традиционных религиозных институтов и роста экзистенциального нигилизма шеллинговская диалектика помогает осознать необходимость философской реформации христианства как пути к интегральной духовной цивилизации.

Эта актуальность усиливается в контексте русской религиозной философии Серебряного века, чьи идеи о социально-этическом идеале православия (соборность, всеединство, пасхальный характер) резонируют с современными дискуссиями о роли религии в обществе. Например, в постсоветской России и странах Восточной Европы наблюдается возрождение интереса к православной этике как альтернативе либеральному индивидуализму, технократизму, материализму и обществу глобального потребления.

Согласно данным последних социологических исследований, доля тех, кто называет себя православным, составляет от 61 до 67 % [1]. В 2024 г. этот показатель фиксировался на уровне 61 % [2]. Доля активно практикующих традиционно значительно ниже — около 3–10 %; узкая группа (воцерковленные) (причастие раз в месяц и чаще) — 3–5 %; широкая группа (практикующие) (посещение храма хотя бы раз в месяц, соблюдение постов) — 10–15 %. Например, по данным ВЦИОМ за 2024 г., только 12 % опрошенных посещают службы ежемесячно или чаще [3, 4]. Подобная статистика характерна не только для современной России, но и для многих других христианских государств и свидетельствует о глубокой трансформации христианской духовности. Данный феномен требует системного философско-религиоведческого осмысления в рамках диалектического принципа снятия противоречия между традицией и новацией в опыте религиозного сознания и бытия.

Шеллинговская модель, существенно повлиявшая на русских мыслителей, предлагает действительную диалектику эволюции христианского сознания, подчеркивая переход к пневматологической эпохе, где дух объединяет разделенные формы христианства.

Таким образом, исследование позволяет не только реконструировать исторические связи, но и применить их к современным проблемам духовного кризиса и поиска этического идеала в поликультурном мире.

Целью статьи является анализ философии христианской идеи Ф.В.Й. Шеллинга как методологической предпосылки формирования теории социально-этического идеала православия в русской религиозно-философской мысли Серебряного века. Это предполагает демонстрацию диалектического влияния шеллинговской концепции на ключевых русских мыслителей (В.С. Соловьёв, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, Д.С. Мережковский) с акцентом на переходе к «эпохе Бога — Святого Духа» как синтезу исторических форм христианства.

Современные исследования философии Шеллинга и её влияния на русскую религиозную мысль Серебряного века активно развиваются с 2010-х гг., особенно в контексте постсекулярных теорий и диалога между немецким идеализмом и православием. Ключевые направления включают анализ его поздних работ [5], диалектики эпох христианства и рецепции в России.

В отечественной и зарубежной историко-философской науке интерес к наследию Шеллинга и его рецепции в России остаётся устойчивым. Непосредственное значение для нашего исследования имеют работы П.Е. Бойко [6–8] и И.И. Зотовой [9]. Первые посвящены диалектике христианской идеи у Шеллинга и её значению для философской реформации христианского мира, вторые — проблематике шеллинговской концепции энциклопедии наук и спекулятивной философии образования. Исследования философов Санкт-Петербургской школы Е.С. Линькова, А.Н. Муравьёва, А.А. Иваненко, А.Л. Пестова [10–14] актуализируют шеллинговское наследие в контексте современной философии религии. Определённый вклад в изучение отдельных аспектов проблемы вносят такие известные ученые, как А.П. Козырев и П.В. Резвых [15, 16].

Так, Б. Уорд связывает шеллинговскую диалектику с современным либерализмом, подчеркивая её роль в синтезе веры и разума [17]. Э. Уикс описывает влияние мистицизма Бёме на Шеллинга и через него на Флоренского [18]. Ш. Макграт анализирует «позитивную философию» Шеллинга как основу для современной теологии с отсылками к Бердяеву: шеллинговская критика рационализма актуальна для постмодернистской теологии, учитывая данные о росте интереса к пневматологии в протестантских кругах [19].

Но в современной зарубежной науке проблема прямого влияния философии Шеллинга на русскую мысль первой половины XX в. фактически не является самостоятельным актуальным направлением. Она растворена в более общих темах и редко подвергается детальному анализу. Интерес к ней носит скорее эпизодический и контекстуальный характер.

Российская исследовательская традиция обладает более значительным массивом работ, в которых тема влияния Шеллинга упоминается, констатируется или косвенно анализируется. Однако ощущается дефицит крупных исследований, которые бы специально и систематически прослеживали линии этого влияния, механизмы рецепции (переводы, лекции, кружковое чтение) и трансформации идей Шеллинга в оригинальные построения русских философов, особенно в области их социально-философских теорий. Комплексный анализ влияния Шеллинга именно на социально-этический идеал православия в Серебряном веке еще не проведен полностью, что определяет новизну данного исследования.

Ф.В.Й. Шеллинг остаётся одним из наиболее противоречивых и недооценённых мыслителей немецкой классической философии. Его философия, эволюционирующая от натурфилософии раннего периода к философии свободы и философии откровения, представляет собой не столько систематический корпус идей, сколько внутренний путь к постижению абсолютного. В центре позднего творчества Шеллинга находится проблема христианского мира как уникального историко-духовного пространства, в котором Абсолют раскрывает себя человеку.

Философия христианского мира в его интерпретации — масштабная попытка осмыслить историю религии как органический и закономерный процесс раскрытия абсолютного духа. В отличие от рационалистических или позитивистских трактовок религиозного развития, Шеллинг выстраивает динамическую концепцию христианства, в которой каждая историческая форма веры рассматривается в качестве необходимой ступени духовного самораскрытия Бога. Христианская история, таким образом, предстает как процесс, подчинённый внутренней логике становления духа, а не как механическое накопление событий или догматических реформ. Центральным становится тезис, что именно христианство впервые открывает истинную онтологическую и духовную глубину отношения между человеком и Абсолютом, поскольку только в нём Бог раскрывает себя человеческому разуму полно и органически.

Согласно его философскому учению, Божественный разум не противостоит человеческому как внешняя сила и не является лишь трансцендентной сущностью, стоящей над миром; напротив, он обнаруживает себя через человеческое мышление, которое становится подлинным пространством его явленности и реализованности. Идея, лежащая в основании христианства, проявляет себя как триединый процесс: Бог-Отец соответствует логической процессуальности как чистой идее; Бог-Сын — природному, воплощённому аспекту абсолютного; Бог — Святой Дух — духовному синтезу, где мышление достигает уровня всеобщего самопознания. Искусство, религия и философия выступают тремя высшими формами, в которых абсолютный дух поочередно раскрывает свою сущность, преодолевая ограниченность конкретных исторических выражений.

Особую роль в этом процессе играет философия истории, поскольку Шеллинг убеждён, что христианский путь человечества не случаен и не хаотичен. Каждая эпоха духовного развития закономерно вырастает из предшествующей и содержит в себе её внутреннее напряжение, доходя до предела, за которым становится возможным качественный переход. Это происходит благодаря формам мышления, изменяющим облик культуры: от непосредственной интуиции через рефлексию к спекулятивному разуму, который способен объединять объективное и субъективное, конечное и абсолютное. Спекулятивная мысль, по Шеллингу, и есть подлинно зрелое состояние духа, поскольку в ней осуществляется синтез веры, знания и свободы.

В этом контексте философизация христианской идеи предстает не как отход от религии и не как попытка подменить её рациональными конструкциями, а как путь возвращения к её первоначальному смыслу — к её подлинной, логоцентрической природе. Христианская истина, по мысли Шеллинга, нуждается не в повторении догматических формул, а в новом уровне понимания, обогащённом всем опытом человечества — эстетическим, научным, культурным и нравственным. На уровне духа современности христианство не может оставаться лишь религиозной традицией: оно становится собой именно тогда, когда осознаёт собственную всеобщность и универсальность. Это позволяет говорить о своеобразной логико-философской Реформации, в которой христианство раскрывает свой универсальный смысл не только как вера, но и как разумное основание мировой истории.

Важнейшим элементом этой концепции является учение о трех эпохах христианского развития, каждая из которых выражает определённый момент в становлении отношения между человеком и Абсолютом. Первая эпоха, связанная с фигурой апостола Петра, воплощает собой католическую и схоластическую объективность, установленный и догматически закреплённый порядок духовной жизни. Вторая эпоха, ассоциируемая с апостолом Павлом, реализуется в протестантской Реформации, где акцент переносится на внутреннюю свободу личности и субъективную веру. Однако эти две эпохи — лишь необходимые ступени на пути к третьей, наиболее зрелой фазе истории христианства — эпохе Иоанна, которую Шеллинг определяет как «эпоху Святого Духа».

«Иоанново христианство», или христианство Святого Духа, становится у философа своего рода духовным идеалом будущего, в котором христианская истина достигает уровня всеобщего спекулятивного разума. Это не новая конфессия и не очередная реформа, а снятие ограничений как католической объективности, так и протестантской субъективности. В этой новой эпохе христианство должно проявиться как целостная форма духа, объединившая эстетическое, научное и философское измерения бытия. Именно здесь становится ясным, что задачи третьей эпохи неизбежно связаны с преодолением односторонности всех предыдущих форм духовности. Спекулятивный разум как универсальная форма мышления открывает путь к интеграции восточного и западного христианства в синтетическую, конкретно-всеобщую форму мировой христианской цивилизации.

Таким образом, Шеллинг вводит историко-диалектическую схему, согласно которой мировая история христианства развивается в три этапа, соответствующие ипостасям Троицы:

— «эпоха Бога-Отца» — дохристианская духовность, естественное откровение и «религия природы»;

— «эпоха Бога-Сына» — историческое христианство, основанное на внешней положительности, институции, догмате;

— «эпоха Святого Духа» — грядущее откровение, где истина становится внутренней, свободной и рационально универсальной.

Третья эпоха не отменяет предыдущих, а снимает их в духе диалектической логики, поднимая к новому уровню осознанности и разумности.

Следует отметить, что шеллинговское учение о трёх эпохах христианской истории имеет особую актуальность для всей немецкой и русской классической философии религии и философии теологии. Это учение стало ключевым в теологических и философских поисках конца XIX – начала XX в., оказав серьёзное влияние на русскую религиозную мысль: В.С. Соловьёва, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского и др.

По мысли Шеллинга, христианство представляет собой не частную религию, а абсолютную форму духовного знания, в которой Бог впервые раскрывается не как мифологическое или абстрактно-рациональное начало, но как личное, динамическое и свободное бытие. Абсолютное проявляет себя не через внешние формы, а через собственную внутреннюю процессуальность — через Логос. Христианство — кульминация универсальной истории, потому что в нём Божественный разум впервые становится доступен человеческому разуму; триединая структура Абсолюта открывается как структура мировой духовности; человеческая свобода получает онтологическое подтверждение, становясь со-бытием с Абсолютом. Таким образом, христианство — это не догматическая система, а форма самораскрытия абсолютного духа, где мысль и бытие достигают взаимной прозрачности.

Понятие «Иоанново христианство» выражает переход от внешней религиозности к внутреннему духовному разуму с его снятием разделения между мистикой, теологией и философией, преодолением исторических антагонизмов Запада и Востока, осуществлением полноты христианской духовности в мире. Это идеал универсальной духовной цивилизации, где логос и жизнь становятся едиными.

Третья эпоха, согласно Шеллингу, открывает новую форму знания — позитивно-разумное мышление; новый тип религиозности — внутреннее самосознание духа; новый тип культуры — философско-духовную цивилизацию, объединяющую все прежние исторические формы. Данная эпоха характеризуется преодолением абстрактно-рассудочного рационализма, догматического позитивизма, ограниченного мистицизма, исторических церковных расколов. В ней разум становится универсальным принципом религиозной жизни, а духовность — принципом разума. Её смысл заключается в том, чтобы объединить католическую объективность и протестантскую субъективность в конкретно-всеобщем разуме всеобщего православно-христианского миропонимания; снять историческую полярность западного и восточного христианства; раскрыть христианскую идею в её мировом масштабе; привести христианство к внутренней и универсальной полноте. Таким образом, «Иоанново христианство» — это не новая конфессия, а высшая ступень самопознания христианского духа.

Соотнесем эту схему с опытом всеобщей диалектики мышления и бытия как результата исторических форм мирового историко-философского процесса. Как показывает П.Е. Бойко [6, 7], всеобщая диалектика христианского понимания истории предполагает, что каждый новый этап исторического развития является результатом и завершением предыдущего. Новая эпоха возникает лишь тогда, когда предшествующая достигает своей вершины и, долго созревая внутри себя, вступает в фазу упадка. Этот исторический процесс формируется разными типами мышления: интуитивным, рефлексивным и спекулятивным. Последнее представляет собой универсальное разумное мышление, в котором синтезированы оба начала — объективное и субъективное.

Согласно мысли немецкого философа и теолога, на наших глазах неизбежно, постепенно, происходит переход от «эпохи Бога-Сына» к «эпохе Бога — Святого Духа», эпохе конкретно-всеобщего, философского христианства. Его позиция — «вообще христианство в тотальности его исторических ступеней развития ... истинно всеобщая церковь (если „церковь“ здесь еще верное слово), которую можно воздвигнуть только в духе и которая может состоять лишь в совершенном понимании христианства, его действительном слиянии с всеобщей наукой и всеобщим познанием» [5, с. 771–772].

Причем, как полагали в его время многие христианские интеллектуалы, Реформацией христианского мира не завершается идейное развитие христианства. «Реформация, оставившая спекулятивные догмы, какими они передавались в церкви, без рассмотрения, обратилась преимущественно в сторону внутреннего процесса и сотериологических учений, которые, получив в конце концов исключительную важность, породили пиетизм. Внутренний процесс каждый должен пройти сам по себе; единственное, что обще всем, — это путь, исторический ход, который должен поддерживаться в актуальном состоянии благодаря учению, долженствующему быть как раз таки общим для всех, и даже благодаря символическим действиям, праздничным циклам (благодаря культуре), — познание которого только и сохраняет за самой церковью ее объективность и предохраняет от растворения, с одной стороны, в голой, хотя и благочестивой субъективности, с другой стороны, — в пустом всеобщем, чисто рациональном» [5, с. 782].

Отмечая этот необходимый аспект Реформации — начало разумной отрицательности ограниченной формы религиозного представления, философ одновременно показывает и ее собственную ограниченность, и ее «переходный характер» как христоцентрической эпохи «Церкви апостола Павла» к духовной, пневматологической «Церкви Бога — Святого Духа» апостола Иоанна. По словам Шеллинга, пройдя длительный путь своей предыстории в позднем схоластическом Средневековье и Возрождении, Реформация была «наконец удавшимся возвышением фигуры Павла над обладавшим неограниченным авторитетом святым Петром» [5, с. 762].

Таким образом, преобразование христианской идеи в предмет философского осмысления, по мысли Шеллинга, представляет собой возвращение этой идеи к её собственной сущности, первоначальной логоцентрической основе. Но оно не сводится к простому повторению традиционной апологетики христианской истины; напротив, выступает как углублённое понимание универсального духа идеи Христа-Логоса, включающее в себя весь накопленный человечеством историко-культурный опыт и раскрывающее внутреннюю логику мирового процесса в целом. Такого рода движение мысли можно рассматривать как новую форму Реформации христианского мира — не религиозную, а логико-философскую, выраженную в рациональном переосмыслении его духовного содержания. Идея такой философской Реформации в духе учения апостола Иоанна представляет собой вывод и необходимый диалектический результат лекций по философии откровения позднего Шеллинга.

По оценке немецкого мыслителя, религиозная задача нашего времени — превратить христианство из частной религии, в качестве каковой оно было бы не более чем «возвышенным иудаизмом», в религию истинно общечеловеческую, всеобщую религию. «Ибо не потому, что имеется христианство, существует та идея, а, скорее, наоборот, потому что эта идея — самая первоначальная из всех, имеется и христианство. Христианство — порождение, следствие этого изначального отношения. Поэтому самая идея этого отношения необходимо древнее христианства, более того, поскольку христианство не могло со временем появиться без этого, чтобы эта идея уже была в начале, то она стара как мир, даже старше его. Данная идея есть в христианстве в зародыше, в зачатке; историческое христианство, т. е. христианство, как оно является во времени, следовательно, есть лишь развитие этой идеи, без которой не было бы ни мира, ни христианства» [5, с. 316].

Философия христианской идеи Ф.В.Й. Шеллинга получила свое оригинальное и творческое продолжение в опыте русской религиозно-философской мысли Серебряного века. Ее концептуально-методологическое значение для становления социально-этического идеала православия в классической русской философии состоит прежде всего в том, что она впервые указала путь перехода от рассудочной, теоретико-догматической формы христианского сознания к конкретно-всеобщему, пневматологическому осмыслению религиозного опыта. Поставленный Шеллингом вопрос об «эпохе Бога — Святого Духа» превратился не просто в спекулятивное допущение, но в идеальный проект духовного самосознания Церкви будущего — той, которую русские мыслители обозначали как «Иоанново христианство» — форму христианства, ориентированную на Бога — Святого Духа.

Для русской философии рубежа XIX–XX вв. центральной стала идея снятия противоположности между отвлечённым догматизмом и субъективистским индивидуализмом веры. Именно эта проблема в шеллинговской системе решается диалектически: религиозная история мыслит-

ся как процесс внутреннего саморазвертывания абсолютного духа — от объективно-догматического (католического и византийского) момента через субъективно-реформаторский (протестантский) к их синтетическому единству в пневматологической, конкретно-всеобщей эпохе.

Это учение стало методологическим ключом для русских мыслителей конца XIX — начала XX в. В нём был найден способ мыслить православие не как замкнутую конфессию, а как всеединую форму духовного опыта, где восточное и западное начала снимаются в высшем синтезе. Именно эта логика всеединства (в шеллинговском смысле — «снятия противоположностей в духе») позволила мыслителям Серебряного века говорить о православии как универсальном типе христианства.

Таким образом, влияние шеллинговской диалектики на русскую религиозно-философскую мысль эпохи Серебряного века проявилось прежде всего в том, что его схема исторического становления христианства — через три стадии: Петра (католицизм и схоластически ориентированное православие), Павла (протестантизм) и Иоанна (грядущая всеобщая эпоха Бога — Святого Духа) — была воспринята как методологическая основа для нового осмысления православия как живой и динамически развивающейся формы религиозного и социально-духовного бытия.

Русские мыслители, такие как В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и П.А. Флоренский, восприняли шеллинговскую диалектику не как абстрактную спекуляцию, а как инструмент для синтеза западной философии и восточнохристианской традиции, что позволило им разработать теории социально-этического идеала православия. Этот идеал подразумевал не только личное спасение, но и преобразование общества и государства через принципы всеединства, соборности и пневматологического (духовного) творчества, где православие выступает как «Иоанново христианство» — «эпоха Святого Духа», пасхального воскресения и интегрального единства.

Идея Шеллинга о «Церкви Иоанна», завершающей историческую триаду Петра — Павла — Иоанна, получила в России собственное духовное истолкование. У С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и Н.А. Бердяева она становится символом новой соборности, в которой реализуется синтез свободы и благодати.

С.Н. Булгаков прямо указывает на необходимость перехода «от эпохи догмата к эпохе духа», понимая пневматологию как «реализацию Христова дела в истории человечества» [20, с. 250–251]. Эта мысль восходит к шеллинговской идее «положительно-разумного» раскрытия религиозного содержания, где истина уже не дана в форме представления, а познаётся в форме понятия — в живом разуме Церкви как мистического организма.

Тем самым «Иоанново христианство» оказывается не просто мистико-эсхатологической метафорой, но диалектическим завершением всего христианского процесса, его снятием и возвращением к изначальному единству. В этой перспективе православие получает статус философской универсалии, формы «всеобщей религии духа», соответствующей третьей стадии периодизации.

В русской традиции начала XX в. шеллинговская идея «эпохи Бога — Святого Духа» трансформируется в пасхальный идеал христианской культуры — идеал преобразования бытия, победы над «внешним законом» и утверждения живого соборного единства человека и Бога.

П.А. Флоренский развивает эту линию, истолковывая Церковь как «живой организм любви», в котором преодолевается дуализм духа и природы. Его понимание Софии — Премудрости Божией является метафизическим аналогом шеллинговского понятия Абсолюта как живой конкретной тотальности, а сама пневматологическая экклезиология Флоренского есть практическое приложение диалектики Шеллинга к религиозному опыту [21].

У Н.А. Бердяева идея «эпохи Духа» приобретает социально-этическое измерение. История человечества осмысливается им как драма свободы, требующая перехода от принуждения закона к творческой свободе любви. Эта эсхатологическая перспектива — не что иное, как экзистенциальная конкретизация шеллинговского синтеза отрицательного и положительного моментов истории: отрицание догматического прошлого становится условием высшей духовной свободы, где человек становится со-творцом Бога [22].

Особое место в развитии этой линии занимает религиозно-философское творчество Д.С. Мережковского, в котором шеллинговская диалектика получила художественно-историческое воплощение. Он тоже воспринимал историю как последовательное раскрытие трёх эпох: религии Отца (Ветхий Завет, закон, страх), религии Сына (Евангелие, любовь, искупление) и грядущей религии Святого Духа (свобода, преображение, Богочеловеческое царство) [23–25]. Эта схема представляет собой не только богословскую метафору, но и философскую модель всемирно-исторического процесса, глубоко созвучную шеллинговскому учению о трёх эпохах саморазвертывания Абсолюта.

Д.С. Мережковский, развивая эти идеи, утверждал, что христианство в своей исторической форме ещё не завершено: «эпоха Сына» — это лишь переход к «эпохе Духа», в которой произойдёт «внутреннее воскресение материи», преодоление дуализма духа и плоти [23, с. 370–380]. Дух не отрицает природу, а раскрывает её как своё собственное откровение. Для этого философа религия Святого Духа становится не утопией, а метаисторической необходимостью: христианство должно быть доведено до конца, «воплощено в культуре, в государстве, в земной жизни». Его идея «Богочеловеческого общества» является, в сущности, социальной конкретизацией шеллинговской мысли о синтезе Божественного и человеческого, в котором религия становится формой абсолютного самосознания мира. Тем самым Д.С. Мережковский соединяет в едином движении философскую диалектику и эсхатологическую надежду. Он мыслит историю не как простую последовательность событий, а как диалектический процесс, в котором отрицание («эпоха Сына») неизбежно снимается в высшем синтезе любви и свободы («эпоха Духа»). В этой перспективе религия Святого Духа оказывается не абстрактным мистицизмом, а программой всеобщего преображения — тем самым «пасхальным христианством», которое в философском смысле завершает шеллинговскую систему.

Таким образом, Д.С. Мережковский, подобно Шеллингу, стремился к философской реформации христианства, но его путь пролегал через художественно-символическое постижение истории как «третьего завета». Если Шеллинг рационализирует диалектику откровения, то Д.С. Мережковский поэтизирует её, превращая философский синтез в пророческий образ грядущей «Церкви Духа».

Для всех русских религиозных философов, от В.С. Соловьёва до Н.А. Бердяева и Д.С. Мережковского, шеллинговская диалектика служила методологической основой осмысления православия как формы соборной этики. Принцип всеединства, в шеллинговском смысле — конкретного единства различий, стал базой для формулировки идеи православной общественности как духовного организма, объединяющего свободу личности и единство духа.

В этом смысле социально-этический идеал православия Серебряного века можно рассматривать как философское продолжение диалектики Шеллинга. Он выражает снятие противоположностей — Востока и Запада, веры и знания, индивидуального и соборного — в новом типе христианского сознания, который мыслители эпохи определяли как пасхальное, или «Иоанново христианство».

Пасхальный идеал — это не символическое воспоминание о Воскресении, а форма социально-этической онтологии: обновление всего мира в Духе, преодоление тварной конечности в общине любви.

Таким образом, шеллинговская диалектика позволила русским философам рассматривать православие не только как догматическую систему, но как идею духовного общества, в котором нравственная жизнь является формой присутствия Абсолюта в мире. Отсюда — разработка теории «православной общественности» (Булгаков, Франк, Карсавин), где религиозная община понимается как «организм всеединства».

Вместе с тем русская религиозная философия, восприняв шеллинговскую триаду эпох (Отца — Сына — Святого Духа), дополнила её идеей теургического творчества: человек как «икона Троицы» участвует в Божественном действии, и история становится пространством раскрытия Святого Духа в человеческом со-творчестве.

Заключение

Проведенный анализ показал, что шеллинговская концепция всеобщей диалектики христианской идеи дала русской философии Серебряного века новый тип религиозного мышления — мышления не рассудочного и не мистического, а конкретно-всеобщего, в котором логика духа совпадает с логикой истории.

Русские мыслители восприняли шеллинговскую схему как метод построения философии православия, где духовная истина становится одновременно и онтологией, и социальной этикой. В этом смысле «Иоанново христианство» — это не просто мистическая эпоха, а философия духа, в которой снимается антиномия между личным и соборным, между свободой и законом, между Востоком и Западом.

Диалектика христианской идеи, открытая Шеллингом, стала духовным основанием русского религиозного возрождения: она позволила увидеть в православии не архаическую форму веры, а универсальный образ будущего христианства — «эпохи Бога — Святого Духа», в которой будет достигнут фундаментальный принцип всего христианского миропонимания — *theosis* (обожение): «Бог вочеловечился, чтобы человек обожился» [26, с. 257].

Философия христианской идеи Ф.В.Й. Шеллинга сыграла ключевую роль в становлении социально-этического идеала православия в русской мысли Серебряного века. Русские философы творчески развили учение об «эпохе Святого Духа» как периоде интегрального единства, пасхального преображения и пневматологического творчества. Концепции «Иоаннова христианства» (С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский) и «Богочеловеческого общества» (Д.С. Мережковский) стали теоретическим обоснованием православного социального идеала, сочетающего духовную свободу, этику соборности и теургическое преображение мира.

Таким образом, шеллинговская диалектика не только повлияла на религиозно-философский ренессанс в России, но и продолжает оставаться актуальной для современных поисков универсальной духовной цивилизации, основанной на синтезе веры, разума и культуры.

Список источников

1. Богомазова Л. Религия и общество: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025> (дата обращения: 20.10.2025).
2. Русская православная церковь: вероисповедание и воцерковленность. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15172> (дата обращения: 15.06.2025).
3. Дорога к храму. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doroga-k-khramu> (дата обращения: 20.10.2025).
4. Емельянов Н., священник. Сколько в России воцерковленных христиан и почему. URL: <https://pravoslavie.ru/121035.html> (дата обращения: 20.10.2025).
5. Шеллинг Ф.В.Й. Философия откровения / пер. с нем., вступ. ст., примеч. А.Л. Пестова. СПб.: Умозрение, 2020. 888 с. EDN: PBRRAL.
6. Бойко П.Е. Диалектика христианской идеи в философии Шеллинга // Актуальность философского наследия Ф.В.Й. Шеллинга: к 250-летию мыслителя / отв. ред. А.Н. Муравьев, А.А. Иваненко. СПб.: Умозрение, 2025. С. 81–92.
7. Бойко П.Е. Христианство и всеобщая диалектика. О возможности и необходимости научно-философской реформации христианского мира // Диалектика в истории философии и культуры / отв. ред. А.Н. Муравьев, А.А. Иваненко. СПб.: Умозрение, 2023. С. 53–66. EDN: JJUMFD.
8. Бойко П.Е., Зотова И.В. Наука философии как всеобщая диалектика бытия и мышления в учении Г.В.Ф. Гегеля // Вестн. РХГА. 2020. Т. 21, № 4. С. 54–63. EDN: ANGRTJ. <https://doi.org/10.25991/vrgha.2021.2.21.003>
9. Зотова И.В. Общая энциклопедия наук как идея университетского образования в философии Ф.В.Й. Шеллинга // Актуальность философского наследия Ф.В.Й. Шеллинга: к 250-летию мыслителя / отв. ред. А.Н. Муравьев, А.А. Иваненко. СПб.: Умозрение, 2025. С. 198–206.
10. Линьков Е.С. Диалектика субъекта и объекта в философии Шеллинга. СПб.: Умозрение, 2024. 202 с.
11. Муравьев А.Н. Ф.В.Й. Шеллинг на пути к предстоящей гармонии // Актуальность философского наследия Ф.В.Й. Шеллинга: к 250-летию мыслителя / отв. ред. А.Н. Муравьев, А.А. Иваненко. СПб.: Умозрение, 2025. С. 63–71.

12. Иваненко А.А. Система философии тождества (на материале рукописи Шеллинга «Система всей философии и натурфилософии в особенности» (1804–1805 г.)) // Актуальность философского наследия Ф.В.Й. Шеллинга: к 250-летию мыслителя / отв. ред. А.Н. Муравьев, А.А. Иваненко. СПб.: Умозрение, 2025. С. 71–81.
13. Пестов А.Л. Поздняя философия Ф.В.Й. Шеллинга: позитивный негатив, или негативный позитив // Шеллинг Ф.В.Й. Философия откровения / пер. с нем., вступ. ст., примеч. А.Л. Пестова. СПб.: Умозрение, 2020. С. 9–44.
14. Пестов А.Л. Шеллинг и Шеллинг, или Попытка предварительного понятия постшеллинговской философии (приглашение к диалогу) // Актуальность философского наследия Ф.В.Й. Шеллинга: к 250-летию мыслителя / отв. ред. А.Н. Муравьев, А.А. Иваненко. СПб.: Умозрение, 2025. С. 117–130.
15. Козырев А.П. Соловьев и гностики. М.: Изд. Савин С.А., 2007. 544 с. EDN: QWQLDL.
16. Резвых П.В. Шеллинг в свете новейших исследований // Вестн. РУДН. Серия : Философия. 2003. № 1 (9). С. 58–66. EDN: ПУЗКJ.
17. Ward B.K. Redeeming the enlightenment: Christianity and the liberal virtues. Cambridge: William B. Eerdmans, 2010. 230 p.
18. Weeks A. Boehme: An intellectual biography of the seventeenth-century philosopher and mystic. N.Y.: SUNY Press, 1991. 280 p.
19. McGrath S.J. The philosophical foundations of the late Schelling: The turn to the positive. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. 278 p.
20. Булгаков С.Н. Апокалипсис Иоанна: опыт догматического истолкования. Париж: YMCA-press, 1948. 352 с.
21. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: АСТ, 2003. 640 с.
22. Бердяев Н.А. О назначении человека: опыт парадоксальной этики. М.: Амрита-Русь, 2019. 460 с.
23. Мережковский Д.С. Тайна трёх: Египет и Вавилон. Тайна Запада: Атлантида – Европа. М.: Дмитрий Сечин, 2017. 445 с.
24. Мережковский Д.С. Грядущий хам. М.: Эксмо – АСТ, 2018. 130 с.
25. Мережковский Д.С. Царство зверя : трилогия. М.: Эксмо, 2011. 796 с.
26. Афанасий Великий, архиеп. Александрийский. Творения : в 3 т. Т. 1 : Творения апологетические, догматико-полемические, историко-полемические. М.: Сибирская благовонница, 2015. 863 с.

References

1. Bogomazova L. *Religion and society: monitoring*. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025> [Accessed 20th November 2025]. (In Russ.).
2. *The Russian Orthodox Church: religion and churching*. Available from: <https://fom.ru/TSennosti/15172> [Accessed 15th June 2025]. (In Russ.).
3. *The road to the temple*. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doroga-k-khramu> [Accessed 20th October 2025]. (In Russ.).
4. Emelyanov N., priest. *How many churching Christians are there in Russia and why?* Available from: <https://pravoslavie.ru/121035.html> [Accessed 20th October 2025]. (In Russ.).
5. Schelling F.W.J. *Philosophy of revelation*. Transl. from German, introd., notes by A.L. Pestov. St. Petersburg: Speculation; 2020. 888 p. (In Russ.). EDN: PBRRAL.
6. Boyko P.E. Dialectics of the Christian idea in Schelling's philosophy. *The relevance of F.W.J. Schelling's philosophical heritage: on the 250th anniversary of the thinker*. A.N. Muravyov, A.A. Ivanenko (eds.). St. Petersburg: Speculation; 2025:81-92. (In Russ.).
7. Boyko P.E. Christianity and general dialectics. On the possibility and necessity of scientific and philosophical reformation of the Christian world. *Dialectics in the history of philosophy and culture*. A.N. Muravyov, A.A. Ivanenko (eds.). St. Petersburg: Speculation; 2023:53-66. (In Russ.). EDN: JJUMFD.
8. Boyko P.E., Zotova I.V. The science of philosophy as a general dialectics of being and thinking in the teachings of G.V.F. Hegel. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2020;21(4):54-63. (In Russ.). EDN: ANGRTJ. <https://doi.org/10.25991/vrhga.2021.2.21.003>

9. Zotova I.V. General encyclopedia of sciences as an idea of university education in the philosophy of F.W.J. Schelling. *The relevance of F.W.J. Schelling's philosophical heritage: on the 250th anniversary of the thinker*. A.N. Muravyov, A.A. Ivanenko (eds.). St. Petersburg: Speculation; 2025:198-206. (In Russ.).

10. Linkov E.S. *The dialectics of subject and object in Schelling's philosophy*. St. Petersburg: Speculation; 2024. 202 p. (In Russ.).

11. Muravyov A.N. F.W.J. Schelling on the path to the coming harmony. *The relevance of F.W.J. Schelling's philosophical heritage: on the 250th anniversary of the thinker*. A.N. Muravyov, A.A. Ivanenko (eds.). St. Petersburg: Speculation; 2025:63-71. (In Russ.).

12. Ivanenko A.A. The system of the philosophy of identity (based on Schelling's manuscript "The system of all philosophy and natural philosophy in particular" (1804-1805)). *The relevance of F.W.J. Schelling's philosophical heritage: on the 250th anniversary of the thinker*. A.N. Muravyov, A.A. Ivanenko (eds.). St. Petersburg: Speculation; 2025:71-81. (In Russ.).

13. Pestov A.L. The late philosophy of F.W.J. Schelling: positive negative, or negative positive. Schelling F.W.J. *Philosophy of revelation*. Transl. from German, introd., notes by A.L. Pestov. St. Petersburg: Speculation; 2020:9-44. (In Russ.).

14. Pestov A.L. Schelling and Schelling, or an Attempt at a preliminary understanding of post-Schelling philosophy (an invitation to dialogue). *The relevance of F.W.J. Schelling's philosophical heritage: on the 250th anniversary of the thinker*. A.N. Muravyov, A.A. Ivanenko (eds.). St. Petersburg: Speculation; 2025:117-130. (In Russ.).

15. Kozyrev A.P. *Soloviev and the gnostics*. Moscow: Publisher Savin S.A.; 2007. 544 p. (In Russ.). EDN: QWQLDL.

16. Rezvykh P.V. Schelling in light of the latest research. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*. 2003;(1):58-66. (In Russ.). EDN: IYZKJ.

17. Ward B.K. *Redeeming the enlightenment: Christianity and the liberal virtues*. Cambridge: William B. Eerdmans; 2010. 230 p.

18. Weeks A. *Boehme: an intellectual biography of the seventeenth-century philosopher and mystic*. New York: SUNY Press; 1991. 280 p.

19. McGrath S.J. *The philosophical foundations of the late Schelling: the turn to the positive*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2021. 278 p.

20. Bulgakov S.N. *The Apocalypse of John: an essay on dogmatic interpretation*. Paris: YMCA-press; 1948. 352 p. (In Russ.).

21. Florensky P.A. *The pillar and ground of truth: an essay on Orthodox theodicy in twelve volumes*. Moscow: AST; 2003. 640 p. (In Russ.).

22. Berdyaev N.A. *On the purpose of man: an essay on paradoxical ethics*. Moscow: Amrita-Rus; 2019. 460 p. (In Russ.).

23. Merezhkovsky D.S. *The mystery of the three: Egypt and Babylon. The mystery of the West: Atlantis - Europe*. Moscow: Dmitry Sechin; 2017. 445 p. (In Russ.).

24. Merezhkovsky D.S. *The coming ham*. Moscow: Eksmo - AST; 2018. 130 p. (In Russ.).

25. Merezhkovsky D.S. *The kingdom of the beast: a trilogy*. Moscow: Eksmo; 2011. 796 p. (In Russ.).

26. Athanasius the Great, Archbishop of Alexandria. *Works: in 3 vol. Vol. 1: Apologetic, dogmatic-polemical, historical-polemical works*. Moscow: Siberian Bell-ringer; 2015. 863 p. (In Russ.).

Информация об авторе

A.B. Сокол — аспирант кафедры социальной психологии и социологии управления, соискатель кафедры философии, теологии и религиоведения КубГУ.

Information about the author

A.V. Sokol — Postgraduate Student of the Department of Social Psychology and Management Sociology, Competitor of the Department of Philosophy, Theology, and Religious Studies, KubSU.

Статья поступила в редакцию 03.12.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 03.12.2025; approved after reviewing 25.12.2025; accepted for publication 16.03.2026.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 94 (470.6)“15/18”
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-42-49>

ФЕНОМЕН КАЗАЧЕСТВА В ИСТОРИИ ПРИТЕРЕЧЬЯ

Юрий Денисович Алёшин

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
aleshin.japan@mail.ru

Аннотация. Исследуются процессы становления и развития казачества в районах Притеречья. Существует множество подходов и теорий, определяющих как сам феномен казачества, так и факторы, повлиявшие на его зарождение. Споры ведутся вокруг территорий их выселения на Терек. Многие исследователи казачьей старины считают притеречных казаков выходцами с Дона и Рязанской земли. Указывается, что казачество — явление, обусловленное ходом исторического развития как внутри, так и вокруг российской государственности, и представляет собой сплав разнородных российских социальных и этнокультурных элементов, дополненных выходцами из степи и кавказских регионов, искавшими по разным причинам возможности для вольного существования в пределах неустоявшегося пограничья низовий р. Терек. Показана сущностная сторона функционирования казачьей организации, характер взаимодействия казаков последовательно с Московским царством и Российской империей, место казаков Притеречья в проводимой Российским государством колониционной политике. Подчеркивается, что казачество было не только и не столько компонентом военного освоения отдаленных периферий, но и особым вооруженным воинственным народом, созданным жесткими условиями фронта. Поселившись на пограничье, казаки стихийно способствовали расширению государственных рубежей и одновременно были их стражей.

Ключевые слова: гребенские казаки, низовое терское казачество, субэтнос, вольные воины, колонисты, Российское государство

Для цитирования: Алёшин Ю.Д. Феномен казачества в истории Притеречья // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 42–49. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-42-49>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE PHENOMENON OF THE COSSACKS IN THE HISTORY OF THE TEREK REGION

Yuri D. Aleshin

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
aleshin.japan@mail.ru

Abstract. This article explores the formation and development of the Cossacks in the Terek region. Numerous approaches and theories exist to define both the Cossack phenomenon itself and the factors that influenced its origin. Disputes are ongoing around the territories of their resettlement to the Terek. Many researchers of Cossack antiquity believe the Terek Cossacks originated from the Don and Ryazan regions. It is indicated that Cossacks is a phenomenon conditioned by the course of historical development both within and around Russian statehood and represents a fusion of diverse Russian social and ethnocultural elements, supplemented by immigrants from the steppe and Caucasian regions who, for various reasons, sought opportunities for a free existence within the unstable borderlands of the lower Terek River. The article explores the es-

---

© Алёшин Ю.Д., 2026

sential functioning of the Cossack organization, the nature of their interactions successively with the Muscovite Kingdom and the Russian Empire, and the place of the Terek Cossacks in the Russian state's colonization policies. It is emphasized that the Cossacks were not only and not so much a component of the military development of remote outskirts, but also unique armed and warlike people, created by the harsh conditions of the frontier. Having settled in the borderlands, the Cossacks spontaneously contributed to the expansion of state borders and simultaneously served as their guardians.

Keywords: Greben Cossacks, lower Terek Cossacks, subethnos, free warriors, colonists, Russian state

For citation: Aleshin Yu.D. The Phenomenon of the Cossacks in the History of the Terek Region. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):42-49. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-42-49>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

По подсчетам отечественных исследователей, существует около 18 версий происхождения казачества [1; 2, с. 12–14; 3]. Их можно разделить на две категории: казаки — это потомки этнической группы, сформировавшейся в субэтнос (С.М. Соловьев); казаки — автохтоны степной зоны (М.К. Любавский). С.М. Соловьев выводил казаков из исконно русского населения Руси, отправлявшегося на южную «украину», граничившую со степью, так как необходимость выделения людей, «искавших приволья в степи, составлявших передовые дружины колонизации» [4, с. 670], была постоянной.

С точки зрения М.К. Любавского, на границах государства со степью существовали территории, «уже приобретенные инициативой и средствами народа», составлявшего «элементы, стремившиеся оторваться от него [государства] и уйти на вольную волюшку» [5, с. 210–211]. Эти народные элементы представляли собой казачество, которое вело свое происхождение от домонгольских бродников, братавшихся и соединявшихся с разными «отщепенцами тюркотатарских орд ... от них перенимали различные названия, обычаи ... привольная жизнь поглощала навсегда многих людей ... К половине XVI в. эти бродники начинают утверждаться на постоянное жительство, заводят прочную оседлость...» [5, с. 211].

Если обобщить разные точки зрения, бесспорно то, что казаки прежде всего есть феномен фронта, элемент, который формировался стихийно и естественным образом на протяжении достаточно длительного периода и стал следствием как внутренних общественно-государственных, так и внешних военно-политических процессов и событий вокруг России. Казаки были «передовыми русскими бойцами», стремившимися на окраины государства, за черту оседлого жилья, где общая опасность сплачивала их в особый род военного братства [6, с. 11].

Само название говорит об этом — казаки — люди вольные, никому не подвластные, свободные [7, с. 1]. В.Д. Сухоруков характеризовал казаков как отважных наездников, живших набегами и войной, не привязанных к земле и дому [8, с. 32]. «Казачество как лихие конники, с копьями и саблями — на суше и отважные мореходы — на море, представляя передовой оплот великого славяно-русского племени ... осталось победителем над всеми своими многочисленными врагами...» [7, с. 11].

Казачество выросло из сообществ вольных воинов, разбросанных по российским окраинам, поселявшихся в полосе неустойчивого и ещё не оформившегося государственного пограничья, вмещавшего в себя всю гамму разнообразных угроз, а также возможностей вольного пространства, находившегося в переходном состоянии. Доминантой, во многом определявшей образ жизни казаков, был фактор постоянной военной опасности, влиявший на их экзистенциальное состояние и выбор места проживания, избираемого той или иной группой людей, вынужденных формировать военизированные сообщества для обеспечения самозащиты и выживания.

Так, И.Д. Попко считал, что феномен казачества мог быть связан с поисками выхода для большого числа русских людей, не желавших мириться с татарским порабощением и искавших для себя товарищей и поприща, способных вернуть им волю и самоуважение. По мнению этого историка, в казачестве «нашла своё продолжение дружина после того, как татарское порабощение лишило её подобающего места при княжеском столе ... в казачестве долго-долго потом

отыскивал русский человек дружинной замашки, ту волю и ту добрую долю, которые отнял татарин ... когда же не стало свободного вождя — князя, на его место стал атаман» [9, с. 5].

Предоставленные самим себе предприимчивые люди составляли шайки и пускались в «вольное молодечество». Со временем собралась особенная группа казаков-бездомовников, составленная из бойких и смелых людей, выученников «степной воли и тревоги, нужды и добычи, существование которых в разных видах» никогда не прекращалось. Они спускались в низовья Дона и гуляли по Волге в надежде собрать добычу в ордынских улусах [9, с. 7]. Казаки из бывших «осиротелых» княжих дружинников, носители военного братства и молодечества, «не свычные с трудом черных пашенных людей» [9, с. 9], направлялись во многие отдаленные и укромные места, добирались до Каспийского моря и его побережья, в том числе до устья р. Терек, недостижимого для погони московских людей.

Военизированность и охранительно-оборонительная направленность вольных сообществ (в данном случае — на Северо-Восточном Кавказе) вызваны неустойчивостью взаимодействий и агрессивным характером ситуативных субъектов, населявших порубежное пространство и линию фронта или претендовавших на их контроль, видевших там поле для удалства и пожизны примерно со второй половины XVI в., когда начали формироваться общины вольных терских и гребенских казаков [1]. Совокупность факторов окружавшей естественной и социально-культурной среды расселения казаков содействовала становлению их организации в виде милитаристских сообществ с выборной системой управления и демократическими порядками в повседневном существовании. Как отмечает И.В. Бочарников, «главными критериями в процессе отбора — принятия в казаки — было соответствие установленным в казачьих общинах морально-этическим нормам и боевым качествам» [1]. С этнографической точки зрения состав казаков был многонациональным: славяно-русский элемент пополнялся выходцами с ближних и отдаленных «украин», в пределах которых организовывались казачьи городки [10, с. 11–12].

Казаки обладали личной свободой и социальным равенством. Главным властно-управленческим органом общины являлся казачий круг, на котором обсуждались и принимались решения, касавшиеся организации внутренней жизни, избирались атаманы и другие должностные лица, творился суд. Там же обсуждались вопросы внешнего характера. В повседневной жизни военизированный быт сочетался с аграрно-производственной деятельностью.

Когда пределы Московского царства раздвинулись до побережья Каспийского моря, русские соприкоснулись с миром кавказских народов и форпостами под персидским влиянием. Тогда же на южном порубежье Русского государства стал формироваться своеобразный «пояс безопасности», который вольно или невольно (стихийно) составили казачьи общины, защищавшие себя и одновременно южные пределы России от многочисленных агрессивных сообществ, которыми всегда наполнено фронтное порубежье. Е.П. Савельев писал, что «казаки отстояли для России весь юг...» [7, с. 3]. Поселившись на гребнях гор между реками Терек и Сунжа, казаки первоначально «Гребенского войска как организованной единицы ещё не составляли» [6, с. 17]. Но исторически так случилось, что куда бы ни бежали русские выселенцы, «за ними по пятам шло русское царство» [6, с. 17], а И.Д. Попко дополнил эту отмеченную тенденцию: «куда ни забегут русские люди, хотя бы „самодурью“ без видимой государственной цели, туда придет и русское царство» [9, с. 1].

В правление царя Ивана IV Грозного (1533–1584 гг.) началось сближение интересов Русского государства и казаков, расселявшихся вдоль р. Терек. Он первым из российских государей осознал значение казаков как естественного союзника в борьбе с враждебными силами, концентрировавшимися на южных оконечностях расширявшихся границ страны. Сообщества казаков выступали на стратегически важных направлениях реализации государственных интересов форпостом и колонизаторским инструментом растущего Русского государства. Иван Грозный стал приручать казачью стихию к сотрудничеству государственной организации и свободолюбивой вольницы, постепенно осознававших необходимость друг в друге в условиях беспокойных «украин», в данном случае — на Терекке [1].

Убегая от государства, казаки невольно создавали ему новые границы и оказывались сами в его рубежах, приобретая роль передового форпоста государственных целей. По мнению

В.А. Потто, «роль эта не являлась для них чем-нибудь неожиданно новым ... Отсюда был уже один только шаг до образования вольного казачьего войска» [6, с. 17].

Исследователи казачьей истории высказывают различные мнения по поводу происхождения казаков, расселившихся в северо-восточной части Северного Кавказа, прежде всего тех, кто осваивал низовья р. Терек. Причина разномыслия кроется в том, что отсутствуют какие-либо письменные документы или свидетельства, которые можно было бы предъявить в качестве доказательств той или иной точки зрения. Большая часть ранней истории терских казаков опирается на устные предания самих казаков, искаженные временем и причудливыми поворотами человеческой памяти.

Что же касается казачьих общин, поселившихся на гребнях гор, то, судя по картине их исторического прошлого, это выходцы с Дона, выделившиеся из основного войска [6, с. 17; 11, с. 138–140; 12, с. 3–5]. С другой стороны, И.Д. Попко считал гребенских казаков представителями Рязанской земли, не согласными с присоединением своей родины к Московскому государству [9, с. 18].

А.А. Ржевуский объединяет обе гипотезы ранней истории терского и гребенского казачества, высказывая мнение об их общем происхождении из субстрата рязанских, донских и волжских молодецких людей, водившихся с ушкуйниками, которым расширение пределов Московского царства грозило немилостью властей. Одновременно он подчеркивает, что этот разномастный контингент, по крайней мере часть его, достигнув устья р. Терек, не остался там, а продолжил свой путь и поселился на гребнях гор при впадении р. Аргун в р. Сунжу [13, с. 8–9].

Эти казаки крепко держались на своих гребнях, получая подмогу от кабардинских князей, земли которых прикрывали от татар и турок. Казакам в том деле также много помогали жившие по соседству чеченцы, у них гребенские казаки брали себе жен [13, с. 11]. Домашний быт тоже складывался под сильным влиянием соседей. Часто казаки возводили себе жилье в виде саклей, внутреннее убранство которых мало отличалось от горского (чеченского). Казаки вслед за горцами упражнялись в джигитовке для поддержания должного уровня военной сноровки в новых кавказских условиях.

Расположение казачьих поселений на гребнях гор отвечало стратегической и хозяйственной целесообразности. Терек обеспечивал связь с Каспийским морем и Волгой, откуда могла прийти помощь от новых вольных людей и куда можно было уйти в поисках спасения при опасном для гребенских казаков развитии событий. В окрестных лесах водилась в изобилии дичь, а в речках, сбегавших с гор в Терек, обитало немало рыбы. Как отмечает Л.Б. Заседателева, «охота, рыбная ловля, сбор дикорастущих плодов, которыми так богат был новый край, имели сначала большее значение, чем приусадебное земледелие огороднического типа» [14, с. 187].

Ситуация кардинально изменилась к исходу XVII в. Бывшие в приятельстве с гребенскими казаками чеченцы сделались их злейшими врагами [15, с. 26–27]. Положение казаков так невыгодно изменилось, что им пришлось переселиться за Терек. Кроме того, одна часть кабардинцев приняла русское подданство, другая отказалась признавать над собой начальство России, что спровоцировало гражданское междоусобие между кабардинцами, в которое неизбежно были втянуты казаки.

В сложившейся обстановке никакой мирный труд не мог более существовать без вооруженной охраны, тем более что набеги горцев подорвали под корень казачье хуторское хозяйство. Например, постоянно растущий натиск чеченцев вынудил казаков переселиться за р. Сунжу и оттуда отвечать встречными набегами на чеченцев, жечь их хутора и отгонять их скот. Неприязнь и вражда между ними постепенно росли и приняли вид почти непреходящей непримиримости. Эти события подтолкнули терских и сунженских казаков к мысли о создании казачьего войска, объединившего бы все их отдельные небольшие общества. Тогда же образовались первые 5 станиц гребенских казаков — Червлённая, Щедринская, Старогладковская, Новогладковская, Курдюковская, к которым постепенно прибавились станицы Калиновская, Николаевская, Шелковская, Гребенская и Шелкозаводская. По мнению В.А. Потто, ст. Червлённая располагалась в наиболее безопасном месте, огражденном другими казачьими городками, куда отсылались все пленные и выбегавшие с гор [6, с. 21].

Несмотря на государеву службу, казаки продолжали совершать налеты на горских соседей не только в качестве ответной меры, должной урезонить беспокойных соседей. Как отмечал В.А. Потто, «такие налеты, составлявшие поэзию казачьей жизни, воспитывавшие дух их ... предпринимались ими не для одной добычи, не по нужде „добыть себе зипунов“, а просто из лихого молодечества, из желания окурить порохом молодежь, незнакомую ещё с боевыми опасностями...» [6, с. 29]. В данном случае явственно обнаруживалось влияние горских соседей на гребенских казаков. При этом тот же В.А. Потто подчеркивал, что гребенские казаки «никогда не жили за счет мирных обитателей русской земли, а только за счет врагов своего народа, своего отечества ... эта характерная черта, прошедшая через всю историю войска красною нитью» [6, с. 30].

Совсем иным было происхождение низового терского казачества, первоначальный контингент которого составляли беглые, безродные, бездомные, гулящие люди — так называемые воровские казаки, сбегавшиеся со всех концов Московского царства. В этой связи Терек представлял собой локацию, значительно удаленную от метрополии и потому удобную для индивидуальной миграции или миграции малых групп. Терек поглощал на протяжении длительного времени большое число разного рода этнических отщепенцев, сделавшись «этническим котлом», в котором варилось особенное общество, отражавшее транзитные формы своего происхождения. По мнению Л.Б. Заседателевой, транзитным центром людской перевалки стал Дон, который время от времени разбрасывал разноликие социальные элементы в низовье Волги, Яика и Терека [14, с. 179].

В устье р. Терек вольные сообщества находили удобные зимние стоянки и обильные рыбные и охотничьи угодья и промыслы, за счет которых кормились. Там же укрывались те, кто спасался от преследования царских воевод, очищавших Волгу от разбоев. Многих терских поселенцев эта локация привлекала потому, что была отделена от Московской метрополии широкой полосой южных степей, на которой кочевали скотоводческие народы — ногайцы, астраханские татары, северокавказские турки, которые своим существованием прикрывали их присутствие на Тереке, делали их незаметными для московских царей.

Сюда стекались также выходцы из кабардинцев, кумыков, чеченцев, ногайцев, армян, поляков, грузин, закубанских черкесов и многие другие беглецы, не особенно афишировавшие свое этническое и социальное происхождение. Все они вместе со славяно-русским элементом были людьми одного пошиба, а потому легко находили общий язык и уживались друг с другом [13, с. 12]. Эти люди, «переродившись со своими затеречными соседями, приняли их одежду, образ жизни и даже некоторые обычаи, что явилось у них простым результатом общего закона применения к тем или другим условиям жизни» [6, с. 13].

Помимо этнического многообразия терские казачьи общества отличались чрезвычайной подвижностью и «наклонностью к морскому молодечеству, школой для которого был рыболовецкий промысел» [13, с. 13]. Тесно общаясь с горскими народами, казаки перенимали от них определенные черты военного быта, методы ведения войны и набегов/баранта [16, с. 60].

В нижнем течении Терека образовалось потаенное и безопасное убежище для всех и всяких бывших не в ладах с обычаями и законами людей, забравшихся «в непролазную глушь приречных камышей» [6, с. 21], чтобы скрыться там от врагов и залечить свои раны, отлеживаясь в куренях (шалашах). Терские казаки, совершая набеги, захватывали женщин и расселялись по берегам Терека. Семейные казаки составляли наиболее устойчивую часть местного казачества, численность и состав которого постоянно менялись, так как бездомные и бродящие казаки часто отплывали на Волгу и так же часто приплывали с Волги на Терек.

В отличие от гребенских казаков, православных в своем большинстве, низовое разноплеменное и разнопородное казачество не имело каких-либо общих духовных скреп, кроме общности судьбы. Долгое время жили они «разбросанными юртами по разметам терского устья и держались ватагами по ближайшим островам для производства рыбного промысла» [6, с. 22], а также морского молодечества (пиратства), осуществлявшегося ими по Волге и Каспию, во время которого многие гибли и тонули. Завладев и укрепившись на о. Чечень в Каспийском море, находившемся от берега «на полдня парусного плавания» [13, с. 13], казаки получили возможность контролировать значительные участки моря и побережья.

После возведения по воле Ивана Грозного в 1567 г. на левом берегу р. Терек крепости Терский город, или Терки, казаки, принеся присягу русскому царю, стали там отбывать государственную службу, состоявшую из объездов, несения караулов на заставах, охраны речных переправ и походов вместе с царскими войсками против Тарковского шамхала [6, с. 10]. Кроме того, многие служилые люди неславянского происхождения сопровождали торговые караваны и посылались в разведку в шамхальские, кабардинские и ногайские земли — на Куму, Кубань и даже в Крым [9, с. 10]. То есть Терское казачье войско образовалось позднее Гребенского казачьего войска и проживало в низовьях Терека, около моря, и на гребнях никогда не появлялось.

Между тем турецкий султан был очень обеспокоен и недоволен появлением терских казаков, которые стали много вредить «турским» людям: «на перевозах и в топких местах на них нападают, а иных в полон емлют» [6, с. 28]. Потому по указаниям из Стамбула терские казачьи городки подвергались частым опустошениям со стороны кубанских и крымских татар, к ним присоединялись и шамхальские люди. К тому же Терское войско вынесло немало бедствий из-за наводнений и болот.

С середины XVII в. на Терек устремились раскольники-старообрядцы. Смуты в России способствовали постоянному пополнению рядов гребенских и терских казаков. Туда же подались остатки отряда Ивана Заруцкого после взятия Астрахани московскими ратными людьми. Беглецы-старообрядцы поселялись в городках гребенских казаков, в то время как в ряды низового казачества вливались беглые крестьяне и прочая гольтыба из Московского царства. На Терек также ссылались разного рода опальные элементы, литовские и ливонские пленные, к которым примыкали искавшие воли «гулящие» люди. Однако из-за местных условий к началу петровского времени из этого потока едва ли выжила третья часть [13, с. 16].

Взятие Азова Петром I в 1696 г. в терских и гребенских станицах праздновали так же, как и в Москве. Для терских и гребенских казаков это событие стало утешением за многие казачьи головы, положенные ранее под Азовом. Русские границы устремились на юг — «в сторону Кубани и Кавказа» [3, с. 58]. Для российских государей Кавказ «был ключом, без которого невозможно было овладеть обширными равнинами и запретить их от вторжений все новых и новых племен и народов...» [10, с. 7]. Потому казаки, располагавшиеся у кавказских границ, сделались «не войском, делающим только кампанию, а скорее воинственным народом, созданным Россией и противопоставленным ею воинственным народам Кавказа» [10, с. 8], они являлись одновременно «пионерами русского владычества на Кавказе» [13, с. 3].

По мнению Н.А. Смирнова, «поселения вольных русских людей на Тереке (гребенские казаки) с самого начала своего существования были связующим звеном России с народами Северного Кавказа, в частности с кабардинцами» [17, с. 26] и тарковскими кумыками. По мере сближения интересов казаков и Российского государства казачество из статуса вольных людей постепенно переходило в служилое сословие московских царей, а затем государей Российской империи [2, с. 3], сделавшись не только надёжным стражем южного порубежья, но и колонизатором новых пространств, раздвигавшим границы России в южном и восточном направлениях. Что касалось Кавказа, то дело России там долгое время в течение XVII–XVIII вв. не было окончательно упрочено и продолжалось почти исключительно силами и отвагой казаков [18, с. 15].

Как отметил В.А. Потто, «до Петра Великого служба правительству, совместно с его войсками, входила в расчет вольного казачества в общем и главном — по свойству его русской природы, исповеданию православной веры и тяготению к своему царю и отечеству» [6, с. 1]. В связи с этим «казак-колонизатор явился вернейшим слугою Российского государства, а государство, в свою очередь, стремилось поддерживать своего пионера. Ни казаку не удержаться бы перед горцами без помощи государства, ни государству не завоевать бы Кавказа с одною регулярной армией без помощи оседлого казака» [19, с. 93], сделавшегося к указанному времени «довольно значительной и сильной народной общиной» [7, с. 8], способной предложить свою службу Российскому государству в борьбе с их общими врагами. С этого момента ни одно военно-политическое событие, совершавшееся на Кавказе по воле российских монархов, не проходило без участия терских и гребенских казаков. Одновременно при быстром ходе Петровских реформ «бесследно стали исчезать старинные порядки, а вместе с ними бесповоротно уходило в область преданий и время вольного казачества» [6, с. 1]. Возникавшее среди казаков

и старообрядцев-раскольников недовольство новым положением дел проявлялось в редких бунтах, которые быстро подавлялись железной рукой российского самодержца. Утверждалось правило безусловного повиновения царю.

Список источников

1. Бочарников И.В. Феномен казачества в истории российского отечества. URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/fenomen-kazachestva-v-istorii-rossijskogo-otchestva/?ysclid=mh7njq8v6t273631010> (дата обращения: 27.10.2025).
2. Гордеев А.А. История казачества. М.: Вече, 2006. 640 с. EDN: SDSVGD.
3. Черников В.В. Казачество в истории России. М.: Айрис-пресс, 2013. 160 с.
4. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен : в 18 кн. М.: Мысль, 1989. Кн. 3, т. 5–6. 783 с.
5. Любавский М.К. История русской колонизации, или Как возникла империя. М.: Вече, 2021. 288 с.
6. Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801). Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1912. Т. 1. 383 с.
7. Савельев Е.П. Древняя история казачества : ист. исследование. Новочеркасск: Донской печатник, 1915. Ч. 1, вып. 1. 56 с.
8. Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского : в 2 т. Новочеркасск: Войсковой стат. ком., 1867. Т. 1. 322 с.
9. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен : ист. очерк. Вып. 1 : Гребенское войско. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1880. 1. 527 с.
10. Потто В.А. Кавказская война : в 5 т. М.: Центрполиграф, 2006. Т. 1. 527 с.
11. Ригельман А.И. История или повествование о донских казаках. М.: Университетская тип., 1846. 165 с.
12. Бентковский И.В. Гребенцы. М.: Рус. типо-лит., 1889. 39 с.
13. Ржевуский А.А. Терское казачье войско. М.: Вече, 2014. 400 с.
14. Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.) : ист.-этнограф. очерки. М.: МГУ, 1974. 424 с. EDN: WIJWTR.
15. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1872. Вып. 6. С. 1–62.
16. Северный Кавказ в составе Российской империи / Д.Ю. Аропов [и др.]. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
17. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М.: Соцэргиз, 1958. 244 с.
18. Лазарян С.С. Становление предпринимательства в регионе КМВ. 1780–1917 гг. Пятигорск: Спецпечать, 2003. 196 с. EDN: TADFHF.
19. Владыкин М.Н. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу: с приложением карты Кавказа с железными дорогами : в 2 ч. М.: Тип. И.И. Родзевича, 1885. Ч. 1. 366 с.

References

1. Bocharnikov I.V. *The phenomenon of the Cossacks in the history of the Russian fatherland*. Available from: <https://nic-pnb.ru/analytics/fenomen-kazachestva-v-istorii-rossijskogo-otchestva/?ysclid=mh7njq8v6t273631010> [Accessed 27th October 2025]. (In Russ.).
2. Gordeev A.A. *History of the Cossacks*. Moscow: Veche; 2006. 640 p. (In Russ.). EDN: SDSVGD.
3. Chernikov V.V. *Cossacks in the history of Russia*. Moscow: Iris-press; 2013. 160 p. (In Russ.).
4. Solovyov S.M. *History of Russia from ancient times: in 18 books*. Moscow: Thought; 1989, book 3, vol. 5–6. 783 p. (In Russ.).
5. Lyubavsky M.K. *History of Russian colonization, or How the empire arose*. Moscow: Veche; 2021. 288 p. (In Russ.).
6. Potto V.A. *Two centuries of the Terek Cossacks (1577-1801)*. Vladikavkaz: Printing House of the Terek Regional Government; 1912, vol. 1. 383 p. (In Russ.).
7. Savelyev E.P. *Ancient history of the Cossacks: historical research*. Novocherkassk: Don Printer; 1915, part 1, iss. 1. 56 p. (In Russ.).
8. Sukhorukov V.D. *Historical description of the Land of the Don Army: in 2 vols*. Novocherkassk: Military Statistics Committee; 1867, vol. 1. 322 p. (In Russ.).
9. Popko I.D. *Terek Cossacks from ancient times: historical essay. Issue 1: Greben Army*. St. Petersburg: Printing House of the Department of Appanages; 1880, vol. 1. 527 p. (In Russ.).
10. Potto V.A. *Caucasian War: in 5 vols*. Moscow: Centerpoligraf; 2006, vol. 1. 527 p. (In Russ.).
11. Rigelman. *History or narrative of the Don Cossacks*. Moscow: University Printing House; 1846. 165 p. (In Russ.).
12. Bentkovsky I.V. *Grebentsy*. Moscow: Russian Typo-Lithography; 1889. 39 p. (In Russ.).
13. Rzhhevusky A.A. *Terek Cossack Army*. Moscow: Veche; 2014. 400 p. (In Russ.).

14. Zasedateleva L.B. *Terek Cossacks (mid-16th - early 20th centuries): historical and ethnographic essays*. Moscow: Moscow State University; 1974. 424 p. (In Russ.). EDN: WIJBTP.
15. Laudaev U. Chechen tribe. *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1872:(6):1-62. (In Russ.).
16. Aropov D.Yu. et al. *The North Caucasus as part of the Russian Empire*. Moscow: New Literary Review; 2007. 460 p. (In Russ.).
17. Smirnov N.A. *Russia's policy in the Caucasus in the 16th - 19th centuries*. Moscow: Publishing House of Social and Economic Literature; 1958. 244 p. (In Russ.).
18. Lazaryan S.S. *Formation of entrepreneurship in the Caucasian Mineral Waters Region. 1780-1917*. Pyatigorsk: Special printing; 2003. 196 p. (In Russ.). EDN: TADFHF.
19. Vladykin M.N. *Guide and companion on a journey across the Caucasus: with an appendix map of the Caucasus with railways*: in 2 parts. Moscow: I.I. Rodzevich Printing House; 1885, part 1. 366 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.Д. Алёшин — аспирант Института подготовки кадров высшей квалификации ПГУ.

Information about the author

Yu.D. Aleshyn — Postgraduate Student of the Institute for Training of Highly Qualified Personnel, PSU.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 28.01.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья
УДК 94

Из истории Южного федерального университета

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-50-56>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНСКОГО СТРОИТЕЛЬНОГО ОТРЯДА «ГВОЗДИКА» РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1970–1980-е ГОДЫ

Людмила Анатольевна Антонова^{1✉}, Виктория Владимировна Лобова²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ lantonova@sfedu.ru[✉]

² vvlobova@sfedu.ru

Аннотация. Рассматривается формирование и становление студенческих строительных отрядов (ССО). Характеризуется история зарождения движения, его роль в университетской системе образования. На примере работы ССО Ростовской области показан вклад движения в социальную и воспитательную составляющую университетской жизни. Анализ базируется на изучении материалов фонда Государственного архива Ростовской области, Центра документации новейшей истории Ростовской области и газеты «За советскую науку». Особое внимание уделяется исследованию деятельности женского строительного отряда Ростовского государственного университета (ныне — Южный федеральный университет) «Гвоздика» как уникального явления в истории ССО. Развитие ССО сегодня в Южном федеральном университете подтверждает преемственность традиций и их адаптацию к современным условиям высшего образования.

Ключевые слова: движения, отряды, университет, студенты, студенческая жизнь, работа, труд, «Гвоздика»

Для цитирования: Антонова Л.А., Лобова В.В. Деятельность женского строительного отряда «Гвоздика» Ростовского государственного университета в 1970–1980-е годы // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 50–56. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-50-56>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ACTIVITIES OF THE WOMEN'S CONSTRUCTION TEAM “CARNATION” AT ROSTOV STATE UNIVERSITY IN THE 1970s AND 1980s

Lyudmila A. Antonova^{1✉}, Victoria V. Lobova²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ lantonova@sfedu.ru[✉]

² vvlobova@sfedu.ru

Abstract. The article examines the formation and development of student construction teams (SCTs). It outlines the history of the movement's origins and its role within the university education system. Using the example of student construction teams in the Rostov region, the article highlights the movement's significance in the social and educational aspects of university life. The analysis is based on the study of materials from the State Archive of the Rostov Region fund, Documentation Center of Recent History of the Rostov Region, and the newspaper “For Soviet Science”. Special attention is paid to the study of the activities of the women's construction team of the Rostov State University (now Southern Federal University) “Carnation” as a unique phenomenon in the history of SCTs. The development of the SCT today at Southern Federal University confirms the continuity of traditions and their adaptation to modern conditions of higher education.

Keywords: movements, teams, university, students, student life, work, labor, “Carnation”

For citation: Antonova L.A., Lobova V.V. Activities of the Women's Construction Team "Carnation" at Rostov State University in the 1970s and 1980s. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):50-56. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-50-56>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Феномен студенческих строительных отрядов (ССО) представляет собой одну из самых ярких и противоречивых страниц в истории советского общества. Это было масштабное социальное, экономическое и воспитательное явление, которое на несколько десятилетий стало неотъемлемой частью жизни высшей школы и всей страны. Движение ССО — это уникальный сплав государственной необходимости, комсомольского романтизма, суровой реальности и мощного личностного становления. Его изучение позволяет не только понять механизмы мобилизации молодежи в СССР, но и увидеть, как энергия, идеализм и организационный талант молодого поколения могут быть направлены на решение грандиозных народно-хозяйственных задач.

Историей ССО занимались многие исследователи [1–3]: ими отражены организационные аспекты движения, раскрыт его воспитательный потенциал, показаны региональные особенности строительных отрядов, позволяющие раскрыть специфику данного феномена в разных частях страны. Но нет отдельных работ, посвященных женскому строительному отряду «Гвоздика» Ростовского государственного университета (РГУ) (ныне — Южный федеральный университет (ЮФУ)). Источниками для нашего исследования послужили материалы Государственного архива Ростовской области, отчеты кафедр и профкома, где есть упоминания о строительных отрядах, в том числе о деятельности отряда «Гвоздика» [4]. Материалы фонда Центра документации новейшей истории Ростовской области, которые дополняют архивную базу исследования, содержат информацию о формировании ССО Ростовской области, их деятельности, достигнутых результатах и участии в социалистических соревнованиях [5–8]. Ценным источником является университетская газета «За советскую науку» [3, 9–14]. За изучаемый период (1971–1981 гг.) нами выявлено около семи публикаций, где отражена информация об отрядах — их деятельности и достигнутых результатах. Авторами статей выступили корреспонденты самой газеты, а также участники строительных отрядов. Разнообразный материал газет и архивов позволяет реконструировать историю ССО «Гвоздика», различные стороны стройотрядовской жизни и его традиции.

В современных российских условиях студенческое движение возродилось, пусть и в измененном виде. Сегодня в ЮФУ работают студенческие педагогические, строительные, сельскохозяйственные, информационные, сервисные и другие отряды. Они служат особым инструментом для развития трудовой деятельности, формируют навыки в профессиональном ракурсе, способствуют организации работы в группах студенческих сообществ. Традиции, правила и идейная составляющая студенческих отрядов передаются из поколения в поколение и до сих пор представляют собой важную часть студенческой жизни.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения исторического опыта ССО как уникального явления в системе высшего образования и молодежной политики. Особую ценность представляет изучение опыта женского отряда «Гвоздика», который демонстрирует возможности реализации творческого и профессионального потенциала студенток в условиях трудового коллектива.

Существуют разные мнения относительно феномена ССО. Одни считают, что это отрицательная сторона преобразований того периода, поскольку учащихся учебных учреждений принуждали работать на государство [2], другие же выражают мнение, что ССО — положительный элемент советской политики, так как это давало людям возможность выехать за пределы родного края, приобрести новые знакомства, расширить общение за пределами университетских аудиторий. Некоторые авторы выдвигают гипотезу, что для многих студентов, задействованных в трудовой деятельности, это было неплохим способом заработка.

Движение ССО возникло не на пустом месте. Его корни уходят в послевоенные годы, когда вся страна, включая студентов, восстанавливала разрушенное хозяйство. Однако в тот период студенты работали в составе обычных трудовых коллективов, не имея собственной организации.

Переломным моментом стала инициатива группы студентов-физиков Московского государственного университета в 1958 г., предложивших трудиться на целине на договорной основе. Это был ключевой шаг от стихийного энтузиазма к созданию системного движения [15, с. 227].

Уже в 1959 г. 339 студентов МГУ работали в совхозах Казахстана, именно 1959-й официально считается годом рождения ССО. Очень быстро движение обрело свои отличительные черты и атрибуты: форму, символику, устав и стройную организационную структуру.

Сущность движения ССО невозможно свести лишь к экономическому показателю — объему выполненных строительно-монтажных работ, хотя эти цифры действительно впечатляют. Гораздо важнее была социальная и воспитательная составляющая. ССО стали настоящей школой жизни и кузницей управленческих кадров. Молодые люди на собственном опыте узнавали, что значит заключать договоры, ставить задачи, распределять ресурсы и нести ответственность за своих товарищей.

Яркой иллюстрацией этого феномена является история отряда «СНИП» Иркутского политехнического института. Будущие инженеры-строители в 1967 г. всего за два месяца возвели в глухой тайге пос. Новая Игирма среднюю школу на 320 мест, хотя по нормам на это требовалось четыре с половиной месяца [15, с. 227]. При этом многие студенты имели высокие профессиональные разряды, подтвержденные строгой комиссией. Помимо школы, отряд построил теплотрассу, магазин, гараж и выполнил множество других работ.

Расцвет движения пришелся на 1970-е гг. В этот период ССО стали неотъемлемой частью всех крупнейших всесоюзных ударных комсомольских строек. Студенты работали не только по строительным специальностям, появились специализированные отряды проводников, энергетиков, связистов, реставраторов, педагогов.

В Ростовской области стройотрядовское движение студентов было одним из самых крупных на территории СССР. Численность в конце 70-х гг. XX в. — на пике развития движения — составляла более 20 тыс. чел. Студенты из Донского края трудились не только на территории области, но и в разных уголках Советского Союза. Они строили дома, школы, народно-хозяйственные помещения, принимали участие в возведении ГЭС и автотранспортных дорог.

Например, отряды «Энергия» Новочеркасского института и «Связь» Таганрогского радиотехнического института принимали активное участие в электрификации Ростовской области и значительно ускорили процессы телефонизации и радиофикации. В 1970 г. в области появился еще один отряд — «Транстрой», созданный студентами Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта: его участники строили железные дороги не только в Донском крае, но и на территории многих регионов СССР [1, с. 259]. Проводились ударные дни, когда ССО работали бесплатно. Бойцы ССО «Парус-71» Таганрогского радиотехнического института 15 августа 1971 г. объявили, что все средства, заработанные в этот день, перечислят в фонд фестиваля, посвященного 50-летию образования СССР [5, л. 100]. Самые лучшие работники ССО вузов Ростовской области поощрялись путевками. Так, часть студентов в период с 2 января по 6 февраля 1973 г. была отправлена на отдых в Болгарию [6, л. 36].

В 1969 г. студенты Новочеркасского политеха выступили с призывом ко всем студентам страны принять участие во всесоюзной программе «Комсомол — сельской школе». Главной задачей становилось укрепление материально-технической базы средней школы, строительство новых учебных заведений и оснащение их современным оборудованием. Несмотря на трудности с нехваткой финансирования и рабочей силы, стройотрядовцы старались выполнить все возложенные на них обязательства [1, с. 259]. За период осуществления программы стройотрядами было построено более 20 школ в регионе. Таким образом они способствовали развитию образования в Ростовской области.

Существенна помощь студенческих отрядов и объединений старшеклассников в проведении общественно-политической работы на селе. Десятки тысяч лекций и выступлений отрядных агитбригад были проведены для тружеников села области. Патриотическое движение «Комсомол — сельской школе» стало традиционной формой помощи студенческих отрядов селу. Только за четыре года 9-й пятилетки бойцами ССО построено 47 школ и 581 простейшее спортивное сооружение для сельских ребят, 567 школьных помещений отремонтировано, пода-

рено сельским школьным библиотекам 86 тыс. книг [8, л. 31]. Каждый год работы ССО отмечался качественным ростом, дальнейшим укреплением и развитием [7, л. 7].

Студенты РГУ поддержали стройотрядовское движение. Например, согласно профсоюзным и кафедральным отчетам 1974 г., в период трудового семестра было организовано 20 строительных отрядов, из них 8 трудились в Ростовской области. Было прочитано 247 лекций, проведен 31 концерт, организовано 5 лагерей для детей сельских тружеников, 9 консультационных пунктов для выпускников сельских школ [4, л. 18]. В Карельской АССР студенты-физики отремонтировали 3 школы, клуб, правление птицефабрики [4, л. 176]. Студентами-целинниками было освоено 132 тыс. р. при плане 80 тыс. р. [4, л. 36].

Студенческая жизнь РГУ помимо периода обучения включала и так называемый третий семестр, летний период работы в строительном отряде. Уже в декабре, как правило, осуществляли отборы и утверждали командное звено студенческих отрядов. Весной проводились занятия областной школы командного звена, где командиры и комиссары проходили полный курс обучения [10, с. 1]. Летом бойцы стройотрядов после медицинского осмотра приступали к работе. В Ростовской и Кировской областях хорошо знают почерк отрядов «Гвоздика», «Олимп», «Гренада», «Интер» [13, с. 2].

Особого внимания заслуживает первый женский строительный отряд «Гвоздика», созданный в 1971 г. при РГУ. Идея девичьего стройотряда вдохновила многих студенток, которые горячо желали принять участие в патриотическом движении молодежи и выполнении планов 9-й пятилетки. Отряд был сформирован из студенток пяти факультетов: физического, химического, философского, экономического, механико-математического. В первый год деятельности, летом 1971 г., перед отрядом «Гвоздика» стояла непростая задача — провести штукатурные работы в школе колхоза «Заря» Белокалитвинского района Ростовской области.

Ранее студенческие отряды помогали только при строительстве объектов, в итоге строили много, но не все объекты вводились в эксплуатацию, так как не выполнялись при этом отделочные работы. Поэтому именно на такие работы и отправлялись девичьи строительные отряды. Штукатурные и малярные работы, проведенные в школе колхоза «Заря» стройотрядом «Гвоздика», были оценены приемной комиссией на «хорошо».

Как вспоминает Л.А. Панасенко, директор Центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи Аксайского района, в 1975 г. она была студенткой первого курса отделения психологии РГУ и активно участвовала в деятельности студенческих отрядов: «Это была хорошая школа жизни для нас, „тепличных“ детей ... чтобы попасть в женский стройотряд „Гвоздика“, нужно было постараться. В университете действовали курсы, на которых нас учили штукатурить. И вот только тех девочек, у которых это получалось, брали в стройотряд. У меня получилось. Штукатурить научилась так, что потом дома применяла навыки. И в стройотрядах хорошо платили, больше, чем на уборке овощей» [Цит. по: 16].

Параллельно со штукатурными работами проводилась агитационно-пропагандистская деятельность, которой в 1971 г. заведовала студентка второго курса физического факультета Ирина Френкель: агитбригадой было прочитано 25 лекций местному населению, проведено 3 встречи, активно работал консультационный пункт, отремонтирован памятник Неизвестному Солдату, оборудован химический кабинет в новой школе [12, с. 3].

В дальнейшем виды и методы деятельности стройотряда расширялись. В клубе, мастерских и даже на полевом стане читались лекции местному населению на разную тематику, так как в «Гвоздике» были представлены многие факультеты РГУ. Проводились многочисленные культурно-массовые мероприятия. Местная сельская молодежь посещала костры и праздники стройотряда. Отряд осуществлял шефство над комсомольской организацией совхоза. Еще одним ярким направлением работы отряда на селе была профориентация, взаимодействие с детьми. На протяжении трех лет отряд помогал трудновоспитуемым подросткам, несколько лет в ст. Буденновской существовал пионерский лагерь «Спутник», в котором вожатыми были члены «Гвоздики» [3, с. 3].

Ребята из «Гвоздики» выезжали на сборы в соседние пионерские лагеря, где рассказывали об университете, исполняли любимые студенческие [9, с. 4] и свои авторские песни под гитару.

Каждый год студентки различных факультетов помогали выпускникам местных школ готовиться к поступлению в вузы, в Ростовский государственный университет [3, с. 3].

В 1974 г. отряд девушек «Гвоздика» освоил 180 % капитальных вложений, отработано около 6000 человеко-дней (при плане 500 человеко-дней), прочитано 140 лекций для населения при плане 100 лекций [4, л. 37].

Со временем у «Гвоздики» возникают свои традиции, которые будут долгое время составлять особенность и силу отряда. Сознательная дисциплина, навыки в работе, песни и легенды, а также особый «лирический ключ» взаимоотношений, открытых и искренних, которые передавались от одного поколения «гвоздичек» к другому. Несмотря на то что состав отряда ежегодно обновлялся на 50–70 %, сложившиеся традиции не были утрачены, напротив, они крепили и развивались. При этом в состав отряда входили и иностранные студентки. В 1974 г. в строительных отрядах РГУ принимали участие 20 студентов из ГДР и один студент из Сирии [4, л. 91].

Отряд «Гвоздика» играл важную роль в жизни села. Студентки понимали и всегда помнили, что являются представителями университета, студенчества, самой активной и сознательной части молодежи, и выезжали на село с новым зарядом энергии, знаний, интересными задумками [9, с. 4].

Девушки из «Гвоздики» работали умело и быстро, обеспечивая высокое качество. Об этом говорит и девиз отряда: «Целина — это жизнь без бантиков, вся насквозь пропахшая потом. Иностранное слово „романтика“ здесь по-русски звучит как „работа“» [14, с. 4]. Получая задание, они вначале выполняли ту работу, в которой совхоз нуждался в первую очередь, даже если она была тяжелой и низкооплачиваемой. При этом ремонт школ и памятников «Гвоздика» делала всегда бесплатно. Среди ее объектов — механические мастерские, кормоцех, фермы, школы, клубы, памятники, больницы, интернат, пионерский лагерь [9, с. 4].

Одиннадцать лет отряд работал в Пролетарском районе Ростовской области. Десятки домов, других зданий и объектов были оштукатурены руками девушек из «Гвоздики». В 1980 г., например, в составе отряда насчитывалось 28 студенток, командиром была выбрана выпускница юридического факультета Люба Гордиенко, для которой это была уже четвертая целина. Работали в ст. Буденновской Пролетарского района Ростовской области. За два месяца освоено 112 тыс. р. В фонд солидарности перечислено 750 тыс. р. Девушки из «Гвоздики» отремонтировали начальную и среднюю школы в станице, сельскохозяйственные объекты, квартиры, детский сад, безвозмездно потрудились бригада штукатуров в детском доме «Малютка» г. Пролетарска. Как обычно, «Гвоздика» оказала помощь сельским труженикам и в заготовке сена. В конце июля жители станицы с удовольствием посмотрели концерт художественной самодеятельности, посвященный десятилетию отряда [3, с. 3].

Периодически состав «Гвоздики» обновлялся: уходили одни, приходили другие — первокурсники и второкурсники экономического, физического, механико-математического, филологического факультетов РГУ. Общее количество человек в отряде примерно оставалось на уровне 25–28. В 1981 г., например, отряд состоял из 25 девушек, комиссаром отряда выбрали пятикурсницу мехмата Олю Шамайло. За два месяца одиннадцатого трудового лета было освоено 115 тыс. р., отремонтировано 12 сельскохозяйственных объектов, школа, школа-интернат, детский сад. В шести квартирах проведены штукатурные работы. За время работы отрядом перечислено в фонд солидарности 750 тыс. р. В числе первых в списке отряда записан секретарь парткома РГУ 1939–1941 гг. Д.Н. Шишов, погибший в 1941 г. при защите Ростова [14, с. 4].

За свою деятельность отряд «Гвоздика», его командиры и работницы не раз получали почетные награды. В 1973 г. отряд награжден грамотой ЦК ВЛКСМ, три члена отряда удостоены звания «Ударник 9-й пятилетки». Таня Марченко и Вера Алаторцева награждены медалью «За трудовую доблесть» [2, с. 4]. За семь лет деятельности с момента создания стройотряда пять лет «Гвоздика» удерживала переходящее знамя обкома комсомола. В 1979 г. отряд «Гвоздика» во главе с Любой Гордиенко по итогам трудового семестра вновь завоевал переходящее Красное знамя обкома ВЛКСМ [10, с. 1]. Третье женский отряд РГУ был удостоен переходящего Красного знамени областного штаба ССО. Вера Алаторцева награждена медалью «За трудовое отличие» [3, с. 3]. В 1981 г. третий раз подряд отряд занял почетное третье место в социалистическом соревновании ССО области [11, с. 2]. Традиции, заложенные участницами «Гвоздики»,

продолжают жить в современных студенческих отрядах, сохраняя лучшие практики прошлого и адаптируясь к новым условиям.

ССО «Гвоздика» — это не просто отряд, а живая традиция, соединяющая прошлое и будущее, труд и сострадание, личный вклад и общественное признание. Это пример того, как труд, инициатива и добровольчество могут стать движущей силой социальных изменений и вдохновения для молодёжи. История стройотряда «Гвоздика» неразрывно связана с историей Южного федерального университета, накопленный им опыт студенческой занятости дает возможность сохранять, продолжать и приумножать те добрые традиции, которые заложили его участницы. Деятельность «Гвоздики» — одна из страниц истории ССО, раскрывающая специфику, важность и значимость данного феномена.

В целом к 80-м гг. XX в. студенческое движение оставалось достаточно активным. Студенческие отряды Ростовской области обрели разнообразный характер. Они создавались почти во всех сферах жизни. Много студентов принимали участие в автодорожном строительстве, создавались художественные отряды, некоторые ребята увлекались историей, проводили раскопки, реставрировали памятники и оформляли музеи. Студенты того периода были наиболее активными в общественной системе, создавалось множество проектов и выдвигались предложения по увеличению производительности труда. Донские ССО сыграли заметную роль в развитии Ростовской области и других регионов СССР. Деятельность отрядов затрагивала все сферы общества.

Однако к середине 1980-х гг. в движении начали накапливаться кризисные явления. Принцип добровольности все чаще нарушался, участие в ССО стало рассматриваться многими исключительно как источник летнего заработка. Практика распределения средств по коэффициенту трудового участия давала сбои, процветали формализм и финансовые нарушения. Эпоха перестройки привела к потере популярности ССО и фактическому распаду этой всесоюзной системы.

Несмотря на все перипетии и сложности, ССО СССР внесли довольно значимую лепту в жизнь нашей страны и заложили основу для ныне действующего движения «Российские студенческие отряды». Во многом благодаря данной организации огромное количество студентов и школьников получают в настоящее время первые трудовые навыки в различных сферах экономики, работают на промышленных предприятиях, в аграрном и строительном секторах и многих других отраслях. Студенческие отряды принимают весьма активное и живое участие в волонтерских движениях, оказывают поддержку и помощь участникам специальной военной операции, их семьям и ветеранам.

С годами Российские студенческие отряды завоевывают все больше сердец молодежи, а вместе с тем формируют социально ответственное, сплоченное трудом и едиными целями патриотическое общество, которое будет во многом задавать и определять в будущем основные векторы развития страны и её поколений в целом.

Список источников

1. *Еременко О.А.* Студенческие строительные отряды Ростовской области 1960–1980 гг.: страницы истории // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 258–263. EDN: OYMCNP.
2. *Платонов Ю.П.* Студенческие отряды: психологические очерки. Л.: Лениздат, 1988. 174 с.
3. *Семигук Е.* Проверь себя, поверь в себя. Третий трудовой: день за днём // За советскую науку. 1980. № 26. 13 окт. С. 3.
4. Отчеты о выполнении соцобязательств коллективом университета за 1974 год // Государственный архив Ростовской области. Ф. Р. 46. Оп. 1. Д. 15103.
5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р. 173. Оп. 20. Д. 138.
6. ЦДНИРО. Ф. Р. 173. Оп. 22. Д. 4.
7. ЦДНИРО. Ф. Р. 173. Оп. 23. Д. 19.
8. ЦДНИРО. Ф. Р. 173. Оп. 23. Д. 23.
9. *Баницикова О.* Цвети, «Гвоздика» // За советскую науку. 1977. № 23. 27 июня. С. 4.
10. *Ермаков П.* Верим в надёжность рук // За советскую науку. 1980. № 20. 16 июня. С. 1.
11. Красное знамя обкома ВЛКСМ вручено женскому студенческому строительному отряду РГУ «Гвоздика» // За советскую науку. 1981. № 5. 23 февр. С. 2.

12. Марченко Т. Быть такому отряду. Выступление участника VII областного слёта студентов-целинников // За советскую науку. 1971. № 30. 25 окт. С. 3.

13. Семигук Е. 25 миллионов рублей освоено за пятилетку бойцами студенческих отрядов // За советскую науку. 1981. № 5. 23 февр. С. 2.

14. Семигук Е. Оставим на память города. Наш труд тебе, Октябрь // За советскую науку. 1981. № 27. 7 нояб. С. 4.

15. Темников В.Г., Третьяков И.Д. Студенческие строительные отряды: история и перспективы // Изв. Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 3. С. 227–238. EDN: YLJSWD. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2018-3-227-238>

16. Семibrатова Е. Первый психолог района // Победа. 2023. 3 марта. URL: <https://pobeda-aksay.ru/2023/03/03/pervyj-psixolog-rajona/?ysclid=mljexqzzyd118002378> (дата обращения: 11.12.2025).

References

1. Eremenko O.A. Student construction teams of the Rostov Region in the 1960s - 1980s: pages of history. *Theory and Practice of Social Development*. 2011;(5):258-263. (In Russ.). EDN: OYMCHP.

2. Platonov Yu.P. *Student teams: psychological essays*. Leningrad: Leningrad Publishing House; 1988. 174 p. (In Russ.).

3. Semiguk E. Test yourself, believe in yourself. The third labor period: day by day. *For Soviet Science*. 1980;(26):3. (In Russ.).

4. Reports on the fulfillment of social obligations by the university staff in 1974. *State Archive of the Rostov Region*. Fund R. 46. In. 1. File 1510. (In Russ.).

5. *Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region* (hereinafter - CDCHRR). Fund R. 173. In. 20. File 138. (In Russ.).

6. CDCHRR. Fund R. 173. In. 22. File 4. (In Russ.).

7. CDCHRR. Fund R. 173. In. 23. File 19. (In Russ.).

8. CDCHRR. Fund R. 173. In. 23. File 23. (In Russ.).

9. Banshchikova O. Bloom, "Carnation". *For Soviet Science*. 1977;(23):4. (In Russ.).

10. Ermakov P. We believe in the reliability of hands. *For Soviet Science*. 1980;(20):1. (In Russ.).

11. The Red Banner of the Komsomol Regional Committee was awarded to the female student construction team "Carnation" at RSU. *For Soviet Science*. 1981;(5):2. (In Russ.).

12. Marchenko T. Such a team should exist. Speech by a participant of the 7th Regional Rally of student virgin-landers. *For Soviet Science*. 1971;(30):3. (In Russ.).

13. Semiguk E. 25 million rubles mastered over the five-year plan by student team members. *For Soviet Science*. 1981;(5):2. (In Russ.).

14. Semiguk E. We'll leave cities as a memory. Our labor is for you, October. *For Soviet Science*. 1981;(27):4. (In Russ.).

15. Temnikov V.G., Tretyakov I.D. Student construction teams: history and prospects. *Proceedings of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2018;14(3):227-238. (In Russ.). EDN: YLJSWD. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2018-3-227-238>

16. Semibratova E. The first psychologist of the district. *Victory*. 2023. March 3. Available from: <https://pobeda-aksay.ru/2023/03/03/pervyj-psixolog-rajona/?ysclid=mljexqzzyd118002378> [Accessed 11th December 2025]. (In Russ.).

Информация об авторах

Л.А. Антонова — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений ЮФУ.

В.В. Лобова — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений ЮФУ.

Information about the authors

L.A. Antonova — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of History and International Relations, SFedU.

V.V. Lobova — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of History and International Relations, SFedU.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-57-62>

ВООРУЖЕНИЕ КАЗАКОВ В ПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ 1806–1807 ГОДОВ

Андрей Вадимович Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

Andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Аннотация. Рассматриваются боевые действия казаков и других иррегулярных частей российской армии в войне с Наполеоном в 1806–1807 гг. На основе мемуаров иностранцев и военной документации русской армии анализируется практически неизученная проблема вооружения донских казаков луками и стрелами. На примере башкирской конницы, использовавшей луки и стрелы во время Наполеоновских войн, исследуется эффективность такого оружия. Выявлено, что данный вид оружия применялся в тот период весьма широко и считался достаточно действенным.

Ключевые слова: казаки, лук, стрелы, башкиры, французы, иррегулярная конница, результативность стрельбы

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2026 г., № гр. проекта 124012200178-4.

Для цитирования: Венков А.В. Вооружение казаков в польской кампании 1806–1807 годов // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 57–62. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-57-62>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

COSSACKS WEAPONS DURING THE POLISH CAMPAIGN OF 1806-1807

Andrey V. Venkov

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,

Rostov-on-Don, Russia

Andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Abstract. This article examines the combat actions of Cossacks and other irregular units of the Russian army in the war against Napoleon in 1806-1807. Based on the memoirs of foreigners and military documentation of the Russian Army, the virtually unexplored issue of arming the Don Cossacks with bows and arrows is analyzed. Using the example of the Bashkir cavalry, who used bows and arrows during the Napoleonic Wars, the effectiveness of such weapons is examined. It is revealed that this type of weapon was widely used during that period and was considered quite effective.

Keywords: Cossacks, bow, arrows, Bashkirs, French, irregular cavalry, shooting effectiveness

Acknowledgements: the publication was prepared as part of the implementation of the state assignment for the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2026, project number 124012200178-4.

For citation: Venkov A.V. Cossacks Weapons During the Polish Campaign of 1806-1807. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):57-62. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-57-62>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В данной статье, опираясь на различные источники, в том числе мемуары участников боевых действий, рассмотрим проблему вооружения казаков во время польской кампании 1806–1807 гг., в частности использование лука и стрел.

Среди исследований особо хочется отметить статью А.В. Ярового [1], посвященную месту и роли лука и стрельбы из лука в культуре донских казаков. Автор привлек большой историографический материал по использованию лука казаками, описал его типы и способы стрельбы, раскрыл знаково-символический и ритуальный аспекты лука в мировоззрении донских казаков. Однако практическое применение лука и стрел в войнах начала XIX в. в статье, на наш взгляд, затронуто мало, да в этом и не было необходимости, учитывая заявленную тему. Тем не менее использование лука и стрел в Наполеоновских войнах — проблема достаточно интересная.

В 1806 г. очередная антифранцузская коалиция — Англия, Россия, Пруссия, Швеция, Саксония — стала готовиться к активным военным действиям, но Наполеон опередил, ударив по Саксонии и Пруссии. Пруссаки и саксонцы в течение нескольких недель были разгромлены. Русские войска успели лишь вступить на отошедшую некогда к Пруссии территорию Польши. В ноябре-декабре 1806 г. начались бои между русской и французской армиями к востоку от Варшавы.

Россия в это же время вела войны с Турцией и Ираном, поэтому войск, направленных против Наполеона, было мало, и французы сразу же перешли в наступление, стремясь окружить русские войска.

Наполеон очень быстро разработал план. 9 (21) декабря французы выступили. Их левый фланг в составе корпусов маршалов Нея, Бернадота и конницы Бессьера пошел к Страсбургу, чтобы отбросить уцелевшие прусские войска и затем обойти русских с севера. Маршалы Султ и Ожеро со своими корпусами двинулись от Плоцка к Сохачину, против войск генерала М.Б. Барклая де Толли, командовавшего тогда частью русского авангарда. Сам Наполеон с корпусом Ланна, гвардией и кавалерией Мюрата направился к корпусу маршала Даву, уже вступившему в бои с передовыми русскими частями, к селению Чарнову. Тем самым он стремился обойти русские войска с юго-востока.

Вечером того же дня М.Б. Барклай де Толли доложил о движении французов от Плоцка на Плоньск и на его позиции, что французы сбивают его посты на правом берегу р. Вкры, казаки из полка Иловайского 9-го ведут перестрелку, но уже подаются назад.

Адъютант французского начальника штаба маршала Бертье Л.Ф. Лежён писал в своих мемуарах: «Эти первые стычки были довольно оживленными, и они дали нам понять, что предстоит проделать трудную кампанию среди грязи, льда и лесов» [2, с. 97]. Казаки сразу же были выделены адъютантом: «И вот именно среди обширных сосновых лесов и мутных болот, уходивших под ногами на большую глубину, мы повстречали казаков, калмыков, киргизов, татар и вообще всех детей Урала, которых уже видели год назад при Аустерлице» [2, с. 97]. В декабре 1806 г. в противостоящих французам войсках были донские полки Иловайского 9-го и 10-го, Ефремова 3-го, Папузина, Грекова 9-го и 18-го и полк Попова 5-го; ни киргизов, ни татар, ни других «детей Урала» среди русских войска в Польше в качестве отдельных отрядов не было. Не было их и под Аустерлицем. Видимо, казаки, одетые зимой достаточно произвольно, показались Лежёну киргизами и татарами.

Одна из битв декабря 1806 г. — сражение при Голымыне — привлекла наше внимание. 14 (26) декабря утром русские войска заняли высоты около этого городка. Здесь их настиг французский авангард маршала Мюрата, растянувшийся по непроходимой от грязи дороги, и первые атаки французов русские отбивали легко. Зато перед сумерками к полю боя прибыл сам Наполеон с целым корпусом относительно свежих солдат маршала Ожеро — и французы усилили атаки.

А.П. Ермолов считал, что русским надо было атаковать с самого начала боя: «Неприятель начал перестрелку. Войска его были в малых силах и по большей части состояли из кавалерии под начальством принца Мюрата ... Против восьми его пушек имели мы до восьмидесяти орудий, вся 5-я дивизия нашлась излишнею по тесноте местоположения и составляла резерв, тогда как неприятель не имел других стрелков, кроме спешенных конных егерей. Совершенно от нас

зависело уничтожить принца Мюрата, но мы довольствовались пустою перестрелкою, и Мюрат был атакующим» [3, с. 65].

Увы, Мюрат «служил всегда целью неприятелю и удивлял самих казаков блистательно своею храбростью» [4, с. 1], но так и не был уязвлен в эту кампанию.

Наконец, ночью генералы Д.С. Дохтуров и Д.В. Голицын, отбив французские атаки, отвели свои войска к Макову, на северо-восток от Голымина.

В сражении русские потеряли 785 чел. (83 убитых, 499 раненых и 203 пропавших без вести), французы — 1213 чел. (110 убитых, 1103 раненых) [5, с. 71].

И по результатам боя вдруг возник очень интересный вопрос. Адьютант маршала Бертье, прекрасный художник Л.Ф. Лежён в своих воспоминаниях написал: «На следующее утро, в ожидании сигнала к выступлению, мои товарищи предложили нарисовать на стене помещения, которое мы занимали, одну из сцен вчерашнего боя. Они снабдили меня кусочками угля, и я набросал дюжину людей и коней в натуральную величину, изобразив тех своеобразных казаков, которые оглушали нас своими криками и осыпали стрелами при Голымине. Мои товарищи, восхищенные сходством получившегося рисунка, подписали внизу фамилию его автора. Но в это время сигнал трубача „По коням!“ помешал мне закончить работу. Совершенно случайно оказалось, что дом этот принадлежал хозяину местного постоялого двора, и славный поляк, ценя память о французах, заботливо сохранил данный набросок и назвал свое заведение „У французских казаков“» [2, с. 99].

Комментарий В.Н. Шиканова к этой части воспоминаний гласит: «Луки со стрелами, конечно же, не состояли на вооружении казачьих полков. Скорее речь идет о неких подразделениях иррегулярной конницы в составе русской армии» [2, с. 111].

В казачьих полках, входивших в русские корпуса, сражающиеся с Наполеоном, действительно числились 252 калмыка, но они были равномерно распределены по полкам и отдельной воинской части не составляли [6, с. 166]. Что касается целых иррегулярных полков из Оренбургского, Уральского, Ставропольского калмыцкого войск, полков из исецких казаков, башкир, тептяр и ногайцев, то они начали мобилизацию по рескрипту от 9 ноября 1806 г., а на театр военных действий прибыли лишь к лету 1807 г. [6, с. 272].

Зато наше внимание привлек приказ М.И. Платова от 27 февраля 1807 г.: командирам полков иметь по 30 ружей на полк, запастись таким количеством ружей и «раздать тем казакам, кои умеют из них стрелять» [7, с. 85], и этих казаков никуда из полков не командировать.

Кстати, Матвей Иванович продемонстрировал в Тильзите Наполеону стрельбу из личного лука, в том числе с лошади на рыси, что требует постоянного упражнения.

И прусский гвардейский уланский ротмистр фон Ганцауге, служивший с казаками в 1813–1814 гг., вспоминал: «Большую часть последней кампании против французов я был прикомандирован к донским казакам. В это время они были очень мало знакомы с употреблением огнестрельного оружия. Но во время движения по Западной Европе они оценили все выгоды, им доставляемые, особенно при действиях на пересеченной местности, и понемногу вооружились французскими ружьями» [8, с. 368].

Зимняя кампания под Варшавой закончилась практически ничьей. Как писал Ф. Меринг, «обе стороны были охвачены неприятным ощущением того, что здесь столкнулись противники, непобедимые друг для друга» [Цит. по: 9, с. 190].

Боевые действия продолжились на территории Восточной Пруссии. Казачьи войска возглавил прибывший на фронт М.И. Платов. Да и количество казачьих войск на театре военных действий резко увеличилось. Но Наполеон на этот раз переиграл своих противников и нанес русским войскам поражение под Фридландом 2 (14) июня 1807 г. Отход русских войск из Восточной Пруссии к своим границам прикрывал М.И. Платов с казаками.

Донской генерал А.К. Денисов, единственный из казаков, кто оставил мемуары об участии казаков в этой войне, писал, что Платов, «можно почти сказать, не сходил с лошади» [10, с. 270].

4 (16) июня М.И. Платов получил приказ задержать наступление французов по течению р. Прегель и сжег мост через реку. В этот день нагрянула неожиданная поддержка. Из глубин России подходили подкрепления. Из Оренбургской губернии были направлены на войну

10 тыс. башкир и 1-й Тептярский полк. Командовал ими полковник князь Ураков. «Два полка башкир успели принять участие в боевых действиях под Тильзитом» [11, с. 40]. И.И. Михайловский-Данилевский писал, что подоспели две башкирские 5-сотенные команды и Ставропольский калмыцкий полк [12].

Прибывшие были посланы в арьергард к Платову, который с 8 утра отбивал атаки французов. Тот разделил свой арьергард на 4 отряда. Башкиры вместе с Атаманским полком вошли в 4-й отряд, который держался в резерве. Отряды казаков М.И. Платов расположил вдоль реки, а пехоту и артиллерию с 5 эскадронами гусар он поставил в колоннах на большой дороге близ леса.

Около полудня французы переправились против платовского левого фланга и двумя колоннами двинулись: одна — вдоль Прегеля, чтоб отрезать платовский корпус, вторая — через Таплакен на восток. Эту колонну у Велау и Таплакена встретили донские полки Астахова 4-го, Селиванова 2-го и Ефремова 3-го. А с колонной, стремившейся отрезать платовский корпус, сразились башкиры. Они сыграли роль введенного в бой резерва. «По усердной просьбе их, были они введены в дело и пустили в неприятеля несколько сот стрел» [12, с. 343]. В журнале боевых действий отмечалось: «Башкирцы и калмыки, задержав перестрелкою следование неприятеля, потом тучею стрел и удачною атакою совершенно остановили оно» [13, с. 57].

Что касается деталей боя, то башкиры поступили примерно так же, как казаки. Одна группа с ружьями вступила с французами в перестрелку. Стеля, башкиры стали отступать «и разохотили французские эскадроны к преследованию новых невиданных ими людей» [14, с. 103]. Они выманили французов к деревне Колм, где в засаде были еще две команды. Одна накрыла атакующих тучей стрел, другая с пиками ударила с фланга. «Башкирцы гнали кавалерию до самой пехоты» [14, с. 103]. То есть зарвавшуюся французскую конницу банально опрокинули конницей. Но историки впоследствии придали делу некий романтический оттенок: «Изумленная новостью оружия, которым против нее действовали, французская конница отступила» [12, с. 343].

Появление на поле боя вооруженной луками и стрелами конницы было встречено очевидцами неоднозначно. Д.В. Давыдов ее высмеял: «В этот день, как будто для развлечения нас от неблагоприятных обстоятельств, прибыло в арьергард несколько башкирских полков, только что пришедших в армию. Вооруженные луками и стрелами, в вислоухих шапках, в каких-то кафтанах вроде халатов и на лошадях неуклюжих, малорослых и тупых, эти жалкие карикатуры удалых черкесских наездников присланы были в арьергард, — как нас уверяли тогда, — с намерением поселить в Наполеоне мысль о восстании на него всех народов, подвластных России, и тем утешить его...» [15, с. 234]. Будущий поэт-партизан старался быть объективным: «...я не спорю, что тучи уральцев, калмыков, башкирцев, ринутых в объезд и в тыл неприятельским войскам, умножат ужас вторжения» [15, с. 234]. Но общий вывод был неутешительным: «Как бы то ни было, но французы и те из русских, которые впервые увидели башкирцев, встретили их единодушным смехом, — достойное приветствие воинственной красотой — безобразия, просвещением — невежества» [15, с. 235]. И тут же Д.В. Давыдов привел анекдот: «На перестрелке взят был в плен французский подполковник, которого имя я забыл. К несчастью этого подполковника, природа одарила его носом чрезвычайного размера, а случайности войны пронзили этот нос стрелою насквозь, но не навьлет; стрела остановилась ровно на половине длины своей» [15, с. 235]. Башкир узнал свою стрелу и просил, чтоб ему дали выдернуть ее, но тогда лицо француза было бы обезображено. Собравшиеся вокруг раненого русские офицеры пригласили врача, и тот распилит стрелу. В итоге «французский нос восторжествовал над башкирскою стрелою» [15, с. 235].

Видимо, далеко не все французы встретили появление башкирских конников смехом. Позже, после заключения перемирия, адъютант Лежён наблюдал за этими «народами Севера»: «Их стрелы пробивали яблоко с дистанции в сто шагов чаще, чем наши pistolетные пули — пуговицу с двадцати пяти» [2, с. 136].

С башкирами связаны и последние схватки на берегах пограничного Немана. Парламентеры за Неман к Наполеону были посланы еще до полного окончания боев. Известно, что князь П.И. Багратион и сам командующий русскими войсками Л.Л. Беннигсен отправили французам письма о перемирии. Таким образом, «прибывший парламентар прекратил сражение, и полки

донские последовали к Тильзиту» [14, с. 114]. Неприятель никак не мог выдавить всех казаков с прусского берега. «На левом берегу Немана осталось не более полусотни казаков, которые забавляли еще его авангард...» [16, с. 259]. Д.В. Давыдов так описал их переправу: «Наконец все войска без исключения перешли через Неман, кроме нескольких десятков казаков, ближайших к фланкерам неприятельским и с ними перестреливавшихся. Послано было приказание им прикннуть поспешнее к войскам, перешедшим уже за реку. В самую эту минуту французские конно-егеря и драгуны показались в городе и бросились за ними. Казаки скакали, не примечая, что передовой из преследователей, с саблей наголо, был сам Мюрат; но они успели уже коснуться до правого берега Немана, когда он только что вскакал на мост. Мост вспыхнул почти под мордой красивого коня его и в миг обнялся пламенем» [15, с. 239].

Генерал П.Д. Иловайский 2-й дал свою версию этих боев. Когда началась переправа, казачьи полки пошли через мост, а Ставропольский калмыцкий и башкирские команды до 1000 чел. еще оставались. Саперный офицер уже поджег мост. Генерал приказал потушить и переправить оставшихся [17, л. 10]. «Сам же по зажженному мосту проехал в виду обеих армий» [17, л. 11].

Французские очевидцы подтверждают версию П.Д. Иловайского 2-го. Лежён вспоминал, что 7 (19) июня Мюрат «вступил в Тильзит, несмотря на целую тучу калмыков и татар, которые метко пускали в нас стрелы, издавая при этом громкие крики. А потом вся эта конница кочевников галопом ускакала за деревянный мост в Тильзите и поспешила его сжечь за собой» [2, с. 133].

Что касается результативности стрельбы из луков, то она зависела от обстоятельств их применения. Генерал М. Марбо, сам раненный под Лейпцигом стрелой в ногу, отметил, что башкиры чаще всего стреляли издали навесным огнем, как бы «по площадям», и тогда пущенные вверх стрелы, падая сверху на французов, «обычно наносили только очень легкие ранения» [18, с. 674]. Но при прицельной стрельбе по конкретной одиночной мишени последствия были иными. Так погиб унтер-офицер Меслен из полка Марбо – «стрела вошла в грудь и вышла из спины!» [18, с. 674].

Возможно, на эффективность стрельбы из лука влияло еще одно обстоятельство, замеченное фельдмаршалом А.А. Прозоровским у крымских татар еще во второй половине XVIII в.: имущественное расслоение и деление сообщества на рядовых членов и профессиональную военную верхушку. «А что принадлежит до татар, то оных многочисленно быть может примерно так, как бы великое число посадить русских мужиков на лошадей, так бы сие представляло татарское войско. К тому же оне худо вооружены и лошади весьма плохи, только к нужде крепки. А выбирается из них некоторое число доброконных и зажиточных, которых называют оне панцырники, как и в самом деле они все в панцырях» [19, с. 181]. Такие же процессы могли протекать и в многочисленном башкирском войске, прибывшем в театр военных действий.

Таким образом, судя по источникам, лук и стрелы использовались в боях с Наполеоном достаточно широко и не только калмыками и башкирами, но и казаками и были достаточно действенным видом оружия. Степень использования этого оружия казаками нуждается в дополнительном исследовании.

Список источников

1. Яровой А.В. «Стрела его сагайдачная, как по меточке, в грудь вонзается»: сагайдак-лук в культуре донских казаков: историко-культурологический аспект // *Казаковедение*. 2025. Т. 1, № 1. С. 16–27.
2. Шиканов В.Н. Луи Франсуа Лежён. Воспоминания офицера империи. М.: Клио, 2024. Т. 1. 360 с.
3. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.А. Федорова. М.: Высшая школа, 1991. 463 с.
4. Сухомлинов В.А. Мюрат Иоахим-Наполеон, король обеих Сицилий. СПб.: Тип. А. Бенке, 1896. 63 с.
5. Шиканов В.Н. Первая польская кампания. 1806–1807. М.: Рейтар, 2002. 320 с.
6. Максимов К.Н., Очиров У.Б. Калмыки в Наполеоновских войнах. Элиста: Джангар, 2012. 519 с. EDN: SJESZP.
7. Корягин С.В. Прусская кампания 1806–1807 гг. (зимняя). М.: Древлехранилище, 2014. 650 с.
8. Денисон Дж. История конницы. М.: АСТ, 2001. Кн. 1. 480 с.
9. Бешанов В.В. Шестьдесят сражений Наполеона. Мн.: Харвест, 2000. 511 с.
10. Записки донского атамана Адриана Карповича Денисова. Главы XVIII–XIX. 1800–1807 // *Русская старина*. 1875. Февраль. С. 237–271.

11. Рахимов Р.Н. История тептярских конных полков. Уфа: Китап, 2022. 168 с.
12. Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб.: Тип. штаба Отдельного к-са Внутренней стражи, 1846. 455 с.
13. Абрамов М.Ю., Корягин С.В. Прусская кампания 1806–1807 гг. (весенняя). М.: Древлехранилище, 2014. 256 с.
14. Чуйкевич П.А. Подвиги казаков в Пруссии: с планом театра военной кампании 1807 года и многими любопытными анекдотами. СПб.: Мед. тип., 1810. 124 с.
15. Давыдов Д.В. Соч. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. 612 с.
16. Майков П.М. Записки графа Л.Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1900. 268 с.
17. Государственный архив Ростовской области. Ф. 341. Оп. 1. Д. 444.
18. Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо. М.: Эксмо, 2005. 736 с.
19. Записки генерал-фельдмаршала Александра Александровича Прозоровского, 1756–1776 / гл. ред. А.Л. Налепин. М.: Ред. альманаха «Рос. архив», 2004. 781 с.

References

1. Yarovoy A.V. “His Sagaidash arrow, as if on target, pierces the chest”: the Sagaidak bow in the culture of the Don Cossacks: a historical and cultural aspect. *Cossack Studies*. 2025;1(1):16-27. (In Russ.).
2. Shikanov V.N. *Louis François Lejeune. Memoirs of an Imperial Officer*. Moscow: Klio; 2024, vol. 1. 360 p. (In Russ.).
3. Fedorov V.A., comp. *A.P. Yermolov's notes. 1798-1826*. Moscow: Graduate school; 1991. 463 p. (In Russ.).
4. Sukhomlinov V.A. *Murat Joachim-Napoleon, King of the Two Sicilies*. St. Petersburg: Printing House of A. Benke; 1896. 63 p. (In Russ.).
5. Shikanov V.N. *The First Polish Campaign. 1806-1807*. Moscow: Reiter; 2002. 320 p. (In Russ.).
6. Maksimov K.N., Ochirov U.B. *Kalmyks in the Napoleonic Wars*. Elista: Jangar; 2012. 519 p. (In Russ.). EDN: SJESZP.
7. Koryagin S.V. *The Prussian Campaign of 1806-1807 (Winter)*. Moscow: Antiquities Repository; 2014. 650 p. (In Russ.).
8. Denison J. *The history of cavalry*. Moscow: AST; 2001, book 1. 480 p. (In Russ.).
9. Beshanov V.V. *Sixty battles of Napoleon*. Minsk: Harvest; 2000. 511 p. (In Russ.).
10. Notes of the Don Ataman Adrian Karpovich Denisov. Chapters XVIII-XIX. 1800-1807. *Russian Antiquity*. February 1875:237-271. (In Russ.).
11. Rakhimov R.N. *History of the Teptyar cavalry regiments*. Ufa: Kitap, 2022. 168 p. (In Russ.).
12. Mikhailovsky-Danilevsky A.I. *Description of the second war of Emperor Alexander with Napoleon in 1806 and 1807*. St. Petersburg: Printing House of the Headquarters of the Separate Corps of the Internal Guard; 1846. 455 p. (In Russ.).
13. Abramov M.Yu., Koryagin S.V. *The Prussian Campaign of 1806-1807 (Spring)*. Moscow: Antiquities Repository; 2014. 591 p. (In Russ.).
14. Chuykevich P.A. *The exploits of the Cossacks in Prussia: with a plan of the theater of the military campaign of 1807 and many curious anecdotes*. St. Petersburg: Medical Printing House; 1810. 124 p. (In Russ.).
15. Davydov D.V. *Essays*. Moscow: State Publishing House of Fiction; 1962. 612 p. (In Russ.).
16. Maykov P.M. *Notes by Count L.L. Bennigsen on the war with Napoleon in 1807*. St. Petersburg: Printing House of the Partnership “Public Benefit”; 1900. 268 p. (In Russ.).
17. *State Archive of the Rostov Region*. Fund 341. In. 1. File 444. (In Russ.).
18. Marbo M. *Memoirs of General Baron de Marbo*. Moscow: Eksmo; 2005. 736 p. (In Russ.).
19. Nalepin A.L., ed. *Notes of Field Marshal Alexander Alexandrovich Prozorovsky, 1756-1776*. Moscow: Editorial Board of the Almanac “Russian Archive”; 2004. 781 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Венков — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории казачества ЮНЦ РАН.

Information about the author

A.V. Venkov — Doctor of Science (History), Professor, Chief Researcher of the Laboratory of the Cossacks, SSC RAS.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья
УДК 94(470+571)"17/1917
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-63-68>

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР ПИСЬМА И РАСКРЫТИЕ ОБРАЗА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПОМЕЩИКА В ЖУРНАЛИСТИКЕ Н.И. НОВИКОВА

Елизавета Евгеньевна Глазунова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
elv@sfedu.ru

Аннотация. Типичная личность определенного исторического времени может быть выражена в источнике в образе автора письма. Поэтому рассматривается подобный образ, представленный в русской журналистике Н.И. Новиковым. Его герой, провинциальный помещик Трифон Панкратьевич, отражен в письмах, которые он посылал своему сыну Фалалею, и предстает как набожный воинствующий крепостник, не воспринимавший культуру Просвещения, воспитанный в традиционной дворянской культуре прошлого времени и убежденный в своем праве угнетать зависимых людей, как и его сын Фалалей. Такой литературный герой проецировал представления большинства русских дворян второй половины XVIII в.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, Россия, Н.И. Новиков, журнал «Живописец», сатирические образы помещиков

Для цитирования: Глазунова Е.Е. Литературный жанр письма и раскрытие образа провинциального помещика в журналистике Н.И. Новикова // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 63–68. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-63-68>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE LITERARY GENRE OF LETTER AND THE REVEALING OF THE IMAGE OF A PROVINCIAL LANDLORD IN THE JOURNALISM OF N.I. NOVIKOV

Elisaveta E. Glazunova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
elv@sfedu.ru

Abstract. A typical personality of a particular historical period can be expressed in a source through the character of the letter's author. Therefore, a similar character, presented in Russian journalism by N.I. Novikov, is examined. His hero, the provincial landowner Trifon Pankratyevich, is reflected in the letters he sent to his son Falalei and is portrayed as a devout, militant serf-owner who rejected the culture of the Enlightenment, raised in the traditional noble culture of the past, and convinced of his right to oppress dependents. He is very pleased that his son Falalei was raised in the same spirit. This literary hero reflected the views of most Russian nobles of the second half of the 18th century.

Keywords: Age of Enlightenment, Russia, N.I. Novikov, magazine "Painter", satirical images of landowners

For citation: Glazunova E.E. The Literary Genre of Letter and the Revealing of the Image of a Provincial Landlord in the Journalism of N.I. Novikov. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):63-68. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-63-68>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Интересная личность, черты характера и судьба которой окажутся объектом научного исторического исследования, необязательно может быть взята из исторической реальности, отраженной в источниках, прежде всего в письменных, как в документах, так и в нарративах. При определенных условиях подобной личностью может стать литературный герой, в частности из-за его соответствия реальным людям своего времени и характерной для него культуры. «Герой нашего времени», — так может сказать автор литературного произведения о своем герое. Но для этого необходимо, чтобы в созданном им образе сочетались черты культурно-исторической реальности, отражающие типичное и особенное. Если в литературном образе не будет типичного, то он окажется вырванным из исторического контекста времени, к которому его относил автор. Если же в нем не будет чего-то индивидуального и особенного, то он едва ли вызовет читательский интерес. Для создания подобных образов автор должен очень хорошо знать социально-культурную среду своего времени, понимать людей, относящихся к нему, и видеть особенности их культуры.

Исключительно яркие и запоминающиеся герои русской литературы создавались в произведениях писателей эпохи Просвещения. Первым в ряду таких писателей стоит, несомненно, Д.И. Фонвизин, комедии которого, особенно «Недоросль», и в наши дни можно с интересом читать и с успехом ставить на театральной сцене. Менее известными, но не менее яркими являются герои, созданные сознанием и художественным воображением журналиста и писателя Н.И. Новикова на страницах его журналов. Прежде всего это были образы помещиков, защищавших свое право на владение зависимыми людьми и тиранию в их отношении, образы резко сатирические. Несомненно, художественная литература не может быть слепком с действительности, она лишь подчеркивает наиболее значимые и существенные черты в общественной жизни. Тем более это относится к литературе сатирической. Неслучайно такой мастер советской комедии, как историк Д.Н. Альшиц, указывал в своей беседе с одним высокопоставленным партийным работником: «Сатира не зеркало, а увеличительное стекло», и это — «жилище отрицательного героя» [Цит. по: 1, с. 165]. Все это со всей очевидностью относится к сатирическим образам помещиков из журналов Н.И. Новикова.

Один из них представляется наиболее выразительным и острым в социокультурном отношении — образ деревенского помещика Трифона Панкратьевича. На него неслучайно обратил внимание советский исследователь творчества Н.И. Новикова Г.П. Макогоненко. Сведения о предшествовавшей биографии помещика, приведенные Н.И. Новиковым, весьма типичны для социальной среды, к которой он принадлежал. Служил он приказным, но был вскоре уволен со службы за взятки, однако кое-какой капитал сумел себе составить. Н.И. Новиковым отмечалась такая особая черта его личности, как осознание своих дворянских прав, которые он высоко ценил, не сомневаясь в справедливости такого устройства, при котором дворянам принадлежали права в отношении зависимых от них людей. Для Трифона Панкратьевича была характерна набожность в сочетании с элементарным здравым смыслом, основанным на простейших бытовых наблюдениях, лежавших в основе его простейшего жизненного опыта. Этот опыт убедил его в том, что попы склонны к обману и жульничеству. Однако ввиду ограниченности своего мышления помещик никак не мог понять, почему он не может увеличить свои владельческие доходы на основе принудительного труда крепостных. Все его меры, соответствовавшие хозяйственному мышлению крепостника, сводились к увеличению барщинных работ до пяти дней в неделю, а также к телесным наказаниям, но это не давало тех результатов, к которым он стремился [2, с. 190].

При этом один сюжет в сконструированном Н.И. Новиковым эпистолярном творчестве этого помещика имеет особое значение для понимания не только особенностей характера этого литературного героя, но и его места в социальной среде — провинциальном поместном дворянстве. Это становится очевидным при раскрытии специфики его культуры, которая проявляется в его письмах своему сыну Фалалею. Сам по себе сюжет, относящийся к этому герою и отражающий свойства его личности, несложный и чисто журналистский, учитывая деятельность Н.И. Новикова. Опубликованы эти письма в журнале «Живописец» Н.И. Новикова, издававшемся в 1772–1773 гг. Согласно сюжету, в деревню к Трифону Панкратьевичу приехал какой-то его знакомый, который, помимо всего прочего, привез ему несколько номеров этого журна-

ла. Когда Трифон Панкратьевич ознакомился с журналом, он страшно возмутился и об этом написал в письме Фалалею. Негодование его было вызвано тем, что помещиков в одной из публикаций журнала «называют ... тиранами». Для опровержения этого утверждения у него нашелся логический и сильный, по его мнению, аргумент. Как он писал в своем письме сыну, «в старину тираны бывали некрещенные и мучили святых», и ссылаясь на «Четьи-Минеи» [3, с. 336]. Под тиранами он имел в виду римских императоров. Сведениями о них как мучителях известных первых христиан, которых затем причисляли к лику святых, были полны сочинения средневековых авторов — и эти сюжеты были хорошо известны и стали частью европейской христианской культуры.

Свою аргументацию Трифон Панкратьевич развивал и приводил еще один убедительный, на его взгляд, аргумент. По его словам, «а наши мужики ведь не святые, как же нам быть тиранами?» [3, с. 336]. Следовательно, полагал Трифон Панкратьевич, «тиранами» могли быть только те, кто «мучили святых», и больше никто. Можно было, следовательно, мучить так, чтобы терпели «наши мужики», но «тиранами» при этом не считаться. Поэтому помещик, рассуждающий в соответствии со своей владельческой логикой и некоторым набором знаний священной истории, не считал себя тираном и подобные свои действия, от которых страдали мужики, тиранией. Все те, кто помещиков обвиняет в тирании в отношении своих людей, писал Трифон Панкратьевич, пытаются «умничать».

Мало, однако, оказалось Трифону Панкратьевичу ссылки на Четьи-Минеи, потребовалась для подкрепления своих нехитрых мыслей ссылка на самого Господа. А также на очень распространенное в дворянской среде мнение о крестьянах, которое вообще было принято за истину, не подлежащую сомнению. Решительно отвергая точку зрения журнала, он писал: авторы «Живописца» хотят, «чтобы мужики богатели, а мы бы, дворяне, скудели, да этого и господь не приказал». Воля для крестьян, по его мнению, вредна и опасна. «Дай-ка им [крестьянам] волю, так они и не ведь что затеют», — уверял он [3, с. 336].

До деревенской глуши, в которой обитал Трифон Панкратьевич, доходили слухи о наличии среди весьма немногочисленного просвещенного дворянства мнения о недопущении владельческой тирании в отношении зависимых людей и о пользе крестьянской вольности и собственности для всего общества, в том числе для самих помещиков. Конечно, писем глубоко просвещенного дворянина, дипломата и ученого, князя Д.А. Голицына своему родственнику — вице-канцлеру и дипломату, князю А.М. Голицыну — он читать не мог. Но кое-что слышал о некоторых мыслях, конечно же, ничего не зная о самом Д.А. Голицыне. Между тем этот автор, глубоко обеспокоенный положением в государстве и отношениями между помещиками и крестьянами, писал в одном из своих писем в 1765 г. о необходимости решительных действий со стороны власти, «которая защитила бы крестьянина от тирании русского помещика». Такая мера необходима, так как без нее «невозможно было бы осуществление малейшей меры относительно земледелия, искусств, ремесел и денежного обращения или внутренней торговли» [4, с. 53], учитывая теорию прогресса, распространенную в эпоху Просвещения. Д.А. Голицын советовал помещикам перевести своих крестьян с барщины на оброк и задавал дворянству вопрос: «Разве наши оброчные деревни не богаче барщинных?» [4, с. 34], ответ на который был для него очевиден. Польза крестьянской собственности, по его мнению, в том, что «собственность рождает уверенность и спокойствие духа», что именно благодаря ей у человека, в том числе у крестьянина-собственника, «развивается любопытство», и цитировал Д. Юма: «порождается всякого рода знание в искусствах, торговле и науках» как раз благодаря собственности [Цит. по: 4, с. 35, 36].

Еще дальше князь Д.А. Голицын пошел в письме 1767 г., когда написал о необходимости уничтожения в государстве «рабства». Причем этот вопрос, постепенно становившийся актуальным, ученый князь ставил в этом письме на практическую основу. Он даже как бы обращался к императрице, зная, что его адресат дает ей эти письма на прочтение. Как он отмечал, «разумный и просвещенный законодатель должен наблюдать и выжидать время и обстоятельства, чтобы дать своему предприятию почву твердую и наименее сомнительную», тщательно оберегать такое важное дело «как от неумеренной поспешности, так и от излишней медлительности».

И если первый, по его словам, «великий шаг» в деле отмены крепостного права, считал он, «сделает государыня», то это будет очень важно «для блага государства» [4, с. 41].

Подобное тому, что было представлено в «Живописце», как считал Трифон Панкратьевич, мог опубликовать в журнале только «какой-нибудь немец, а православный этого не написал бы» [3, с. 336]. Для автора этих строк и его многочисленных сторонников из дворянства, не затронутого культурой Просвещения, аргумент выглядел сильным. На самом деле всякая новизна, проникающая в устоявшуюся русскую жизнь со стороны, есть нечто очень чуждое и вредное, непонятное русскому человеку, разрушающее устои его налаженной жизни и быта. Ясно, что это мог внести только «какой-нибудь немец», враждебно настроенный по отношению к России. Русское дворянство, которое в ходе европеизации XVIII в. видело значительно больше иностранцев, чем в предыдущем столетии, и нередко было раздражено этим обстоятельством, часто усматривало «немецкое засилье», такие слова из письма Трифона Панкратьевича были полностью понятны. Но для Н.И. Новикова, составившего текст этого письма на основании знакомства с рядом подобных реальных дворянских писем, такой аргумент служил показателем темноты и непросвещенности и, следовательно, выступал в качестве сатирического эпизода, в котором отражались мысли и настроения подобных дворян. Кроме того, Н.И. Новиков показывал, как автор этого письма частные интересы дворян-крепостников выдавал за интересы всей России в целом.

Фантазией и талантом Н.И. Новикова было создано еще одно письмо того же помещика к своему сыну Фалалею. В нем помещик пустился в воспоминания и с умилением писал о развлечениях сына в юности, «сидя под любимым твоим дубом», который рос в поместье. Старый крепостник перебирал в памяти, как его Фалалеюшка «забавлялся: вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих ... Куда какой ты был проказник смолоду!» Как радовался сам, наблюдая все это: «Как, бывало, примешься [ты] пороть людей, так пойдет крик такой и хлопанье, как будто за уголовное в застенке секут, таки бывало, животики надорвем от смеха» [3, с. 363]. Замечание, сделанное как бы мимоходом о «застенке», где «секут», было очень характерно не только в отношении сатиры, касающейся заядлого и уверенного в своих правах крепостника, и вотчинных порядков. Оно было значительно шире по своему смыслу и касалось порядков в государстве вообще, находившихся в вопиющем противоречии с культурой Просвещения, в пользу которой выступала императрица в своем наказе Уложенной комиссии. Но главенствующей идеей Просвещения оказалось не столько распространение в обществе просвещения, что вообще-то само по себе важно и очень полезно, сколько признание «прав человека и гражданина», выраженное в соответствующей декларации 1789 г., появившейся через 15 лет после писем Трифона Панкратьевича, в начале Великой французской революции. Автор письма, таким образом, несмотря на свое неразвитое сознание, на уровне социального подсознания ощущал, насколько новые идеи опасны для старых порядков, сколько крайне негативного для него они могут нести в себе. На это и указывал Н.И. Новиков читателям своего журнала.

Помимо общей проблемы состояния государства и общества в эпоху Просвещения при существующем крепостном праве, в письме Трифона Панкратьевича затрагивалась еще одна важная, но частная проблема, которой в новой культуре придавалось очень большое значение, — воспитание. В этой связи воспитание Фалалея в условиях крепостного быта можно было оценить словами просвещенной современницы, княгини Е.Р. Дашковой: «Воспитание сие не только не полезным, но и вредным называться может» [5, с. 132].

Конечно, два письма Трифона Панкратьевича своему сыну Фалалею являются литературными произведениями, а автор и получатель письма — литературными героями. Но, как редактор «Живописца» и других своих журналов, выдвигавших актуальные вопросы общественной жизни и ставших по этой причине популярными, Н.И. Новиков хорошо знал и подобные письма, и их авторов, деревенских помещиков, на которых оба героя данного его произведения были похожи. В этом проявляется их типичность как выразителей культуры и социальных воззрений своей среды и своего времени.

Но наряду с типичным в образе главного героя, автора письма Трифона Панкратьевича, ясно проступает индивидуальность, позволяющая отнести его, используя историко-типологический

метод, к определенному культурно-историческому типу русского дворянства своего времени. К дворянству просвещенному, также включавшему в себя отдельные культурно-исторические типы, он не относится и полностью к нему враждебен, не принимая Просвещения с его культурой. Но и к таким дворянам, которые были героями комедии «Недоросль» Д.И. Фонвизина, как госпожа Простакова, брат ее Скотинин и сын Простаковой Митрофанушка, его причислить нельзя. Это были помещики как бы дикие, не затронутые культурой не только новой, просветительской, но и из традиционной культуры взяли немного, только то, что основано на традиционных способах ведения хозяйства и власти над зависимыми людьми. В отличие от них Трифон Панкратьевич имеет знания, относящиеся к культуре церковной, о святых мучениках и их мучителях, в роли которых выступали римские императоры в первые века существования христианства. Такие помещики готовы были отстаивать свои владельческие права в отношении своих зависимых людей с использованием этих знаний и с опорой на логическое мышление, с привлечением причинно-следственных связей. То, что такие логические доводы были убедительными только для них и их сторонников, их совершенно не беспокоило. Демонстрация такого культурно-исторического типа среди русского дворянства эпохи Просвещения Н.И. Новикову в полной мере удалась, и просвещенный читатель «Живописца» из числа дворян, не принимавших господской тираннии, вполне узнавал в этом герое некоторых соседей по своему поместью.

Некоторые особенности имеет также отнесение к определенному культурно-историческому типу сына Трифона Панкратьевича Фалалей. По своей возрастной категории он принадлежал к молодому поколению, как и герой фонвизинского «Недоросля» Митрофанушка, который не представляется, однако, до такой степени отталкивающим типом, как Фалалей, вешавший собаку и принимавшийся «пороть людей». Но так или иначе по поводу подобных молодых дворян герой «Недоросля» Стародум, честный и долго служивший дворянин, произнес с горечью: «Вот злонравия достойные плоды!» [6, с. 177]. Как и все просветители, внимательные к педагогике и ее идеям, Д.И. Фонвизин и Н.И. Новиков предлагали тем самым взглянуть на особенности воспитания дворянских детей с этой точки зрения, обратить серьезное внимание дворянской общественности на педагогическую запущенность этих детей.

Убедительность созданных Н.И. Новиковым образов Трифона Панкратьевича и его сына Фалалея очевидна. Выдающийся журналист еще во второй половине XVIII в. выразил проблемы общества в созданных им литературных образах — задолго до того, как исключительная роль языка в культуре стала получать теоретическое обоснование [7, с. 217, 218]. По существу, не только понимание роли языка, но и мастерство в воссоздании языка литературных героев выделяло писателя высокого уровня в разнообразной литературной среде своего времени. Н.И. Новиков владел этим языком, как видно из его литературного творчества, в полной мере. Язык писем Трифона Панкратьевича, сконструированный Н.И. Новиковым, позволяет представить и сделать узнаваемым социальный и культурный облик помещика, живущего в деревне, воспитанного на традиционной религиозной культуре, восходившей еще ко времени Московского государства, и твердо уверенного в своем праве владеть людьми, пользоваться их трудом и наказывать их по собственной воле.

Оба участника переписки, Трифон Панкратьевич и его сын Фалалей, относятся к людям второго плана в событиях второй половины XVIII в. Кроме того, что мы о них знаем из двух писем, более ничего не известно. Тем не менее вполне можно представить черты их личности и место в обществе, характерные для большинства дворянства екатерининского времени, позиция которого по крестьянскому вопросу и крепостному праву стояла на пути назревавших в стране реформ. И на этом основании подобные герои второго плана могут представлять интерес для современного читателя и исторической науки наших дней.

Список источников

1. Мининков Н.А. Даниил Натанович Альшиц: гражданин, историк, писатель. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. 256 с. EDN: AGNTLY.
2. Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л.: Гослитиздат, 1951. 544 с.
3. Сатирические журналы Н.И. Новикова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 616 с.

4. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. : в 2 т. М.: Госполитиздат, 1952. Т. 1. 712 с.
5. Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб.: МГИ, 2001. 455 с.
6. Фонвизин Д.И. Недоросль // Собр. соч. : в 2 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 1. С. 105–177.
7. Аналитическая философия : учеб. пособие / под ред. М.В. Лебедева, А.З. Черняка. М.: Изд-во РУДН, 2006. 621 с.

References

1. Mininkov N.A. *Daniil Natanovich Alshic: citizen, historian, writer*. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publishing House; 2020. 256 p. (In Russ.). EDN: AGNTLY.
2. Makogonenko G.P. *Nikolay Novikov and the Russian Enlightenment of the 18th century*. Moscow; Leningrad: State Publishing House of Fiction; 1951. 544 p. (In Russ.).
3. *Satirical magazines by N.I. Novikov*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1951. 616 p. (In Russ.).
4. *Selected works by Russian thinkers of the second half of the 18th century*: in 2 vols. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1952, vol. 1. 712 p. (In Russ.).
5. Dashkova E.R. *On the meaning of the word "education". Essays, letters, and documents*. St. Petersburg: Moscow State Institute; 2001. 455 p. (In Russ.).
6. Fonvizin D.I. *The minor. Collected works*: in 2 vols. Moscow, Leningrad: State Publishing House of Fiction; 1959;1:105-177. (In Russ.).
7. Lebedev M.V., Chernyak A.Z., eds. *Analytical philosophy*. Training manual. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia Publishing House; 2006. 621 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.Е. Глазунова — ассистент кафедры отечественной истории Средних веков и Нового времени Института истории и международных отношений ЮФУ.

Information about the author

E.E. Glazunova — Assistant of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Institute of History and International Relations, SFedU.

Статья поступила в редакцию 13.12.2025; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 13.12.2025; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья
УДК 93/94
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-69-80>

САКРАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БОЕВОГО ОПЫТА РОССИЙСКИХ СОЛДАТ В 1914–1915 ГОДАХ

Евгений Сергеевич Голованов

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия
golevserg@mail.ru

Аннотация. Анализируются сакрально-мифологические аспекты боевого опыта военнослужащих русской армии в начальный период Первой мировой войны (1914–1915 гг.). В центре внимания находится процесс трансформации традиционных религиозных представлений в синкретическую систему, выполнявшую функции психологической адаптации и мобилизации личности в экстремальных условиях. Опираясь на концепцию религиозного прагматизма У. Джеймса, рассматриваются механизмы, посредством которых сакральные объекты (иконы, нательные кресты) и тексты (псалмы, апокрифические молитвы) приобретали функциональный характер, превращаясь в инструменты практической защиты и средства эмпирической верификации идеи Божественного покровительства. Предпринимается попытка реконструкции иерархии фронтовых верований: от официальных церковных символов до народных магических практик и талисманов. На основе этнографических и архивных источников анализируются феномены коллективных видений и сюжеты о чудесном спасении, которые служили для комбатантов подтверждением транслируемой на официальном уровне установки на Божественное покровительство. Особое внимание уделено социальной дифференциации фронтового сознания, выраженной в противопоставлении массовой мифологизации опыта и рационализма офицерского корпуса. Сделан вывод, что устойчивость данной мифологической системы зависела от регулярного подтверждения фактами личного выживания. Изменение характера войны и рост военных неудач привели к постепенной деактуализации этой картины мира и её замещению иными объяснительными моделями.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, фронтовая повседневность, «окопная религиозность», религиозный прагматизм, мифологизация войны, нуминозный опыт, сакральные артефакты, народное православие

Для цитирования: Голованов Е.С. Сакрально-мифологический аспект боевого опыта российских солдат в 1914–1915 годах // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 69–80. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-69-80>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

SACRED AND MYTHOLOGICAL ASPECT OF THE COMBAT EXPERIENCE OF RUSSIAN SOLDIERS IN 1914-1915

Evgenii S. Golovanov

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia
golevserg@mail.ru

Abstract. This article examines the sacred and mythological aspects of the combat experience of Russian Army soldiers during the initial period of the First World War (1914-1915). The focus is on the process of transformation of traditional religious ideas into a syncretic system that performed the functions of psychological adaptation and mobilization of the individual in extreme conditions. Based on the concept of religious pragmatism by W. James, the mechanisms by which sacred objects (icons, pectoral crosses) and texts (psalms, apocryphal prayers) acquired a functional character are examined, turning into instruments of practical protec-

tion and means of empirical verification of the idea of Divine patronage. The article attempts to reconstruct the hierarchy of front-line beliefs: from official ecclesiastical symbols to folk magical practices and talismans. Based on a wide range of ethnographic and archival sources, the article analyzes the phenomena of collective visions and stories of miraculous rescues, which served as confirmation for combatants of the official commitment to divine protection. Particular attention is given to the social differentiation of frontline consciousness, expressed in the contrast between the mass mythologization of experience and the rationalism of the officer corps. It is concluded that the stability of this mythological system depended on regular confirmation of personal survival through facts. The changing nature of war and the increase in military failures led to the gradual deprecation of this worldview and its replacement by other explanatory models.

Keywords: World War I, Russian Empire, front-line everyday life, trench religiosity, religious pragmatism, mythologization of war, numinous experience, sacred artifacts, folk Orthodoxy

For citation: Golovanov E.S. Sacred and Mythological Aspect of the Combat Experience of Russian Soldiers in 1914-1915. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):69-80. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-69-80>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Анализ фронтовой повседневности Первой мировой войны показывает, как длительное психологическое напряжение меняло сознание солдат. Пытаясь адаптироваться к экстремальной обстановке и найти смысловую опору под прямой угрозой смерти, комбатанты не только рационализировали свой опыт, но и обращались к «окопной религиозности» и мифологизации войны. Государство использовало религию для легитимации конфликта, однако солдаты воспринимали эту пропаганду преимущественно через призму традиционного крестьянского мировоззрения. Широкое присутствие во фронтовой повседневности предметов культа, от личных образов до нательных крестов, создавало условия для неизбежной проверки значения сакрального реальным опытом уже в первый год войны.

Проблематика духовного состояния армии в годы Первой мировой войны получила освещение в трудах Е.С. Сенявской, О.С. Поршневой и В.Б. Аксенова [1–3]. Авторы, анализируя систему представлений комбатантов, зафиксировали связь между традиционной религиозностью и крестьянским происхождением солдатской массы, рассматривая данные практики преимущественно в контексте морального духа и влияния государственной пропаганды. Немного иной ракурс представлен в зарубежной историографии [4–6], где рассматриваются вопросы устойчивости традиционных сакральных образов и актуализации мистических форм восприятия в условиях военного конфликта эпохи модерна. Подчеркивается, что именно обращение к религии и мифу позволило участникам войны сохранить целостную картину мира, когда рациональные объяснения оказались бессильны. Эту линию развивает О. Дэвис, который в рамках концепции «сверхъестественной войны» показал, что в пространстве фронта магия и религия стали не пережитками прошлого, а действенными партнерами технического прогресса [7]. Опираясь на данные подходы, мы смещаем фокус на антропологию «окопной веры», рассматривая её как синкретическую систему, в которой сакральные объекты и тексты трансформировались в инструменты практической защиты и эмпирической верификации идеи Божественного покровительства.

Понять логику этого процесса помогает концепция «религиозного прагматизма» У. Джеймса. Он полагал, что ценность веры зависит не от происхождения или догматической чистоты, а от ее практической пользы — способности давать человеку душевное равновесие и помогать выживать [8, с. 12]. В условиях тяжелых боев солдаты воспринимали собственное спасение как эмпирическое доказательство того, что война носит сакральный характер. Именно поэтому официальная религиозно-патриотическая пропаганда казалась комбатантам убедительной: она регулярно подтверждалась их личным опытом выживания. Ярче всего эта вера проявлялась, когда среди разрушений солдаты находили уцелевшие предметы культа или нетронутые места поклонения, считая это материальным воплощением чуда.

Именно в рамках такой установки на поиск осязаемой защиты солдаты меняли отношение к традиционным иконам, нательным крестам и текстам молитв. Поступая на фронт через церковные, благотворительные или семейные каналы, такие артефакты становились инструментами

практического действия, своего рода символической броней. Обладая ими, солдат мог рационально объяснить, почему он уцелел при массированном обстреле. При этом устойчивость веры в подобную защиту обеспечивалась спецификой отбора свидетельств: нарратив о чуде формировался и транслировался исключительно уцелевшими комбатантами, тогда как случаи гибели носителей сакральных предметов исключались из коммуникативного поля, не разрушая мифа о гарантированной неуязвимости.

В отличие от стран Западной Европы, радикальная смена повседневности в российском обществе не привела к формированию широкого рынка светских оберегов. Если на Западе производство талисманов и маскотов было встроено в развитую культуру потребления, то в российской среде доминировал опыт более традиционной религиозности. Коммерциализации здесь подвергались преимущественно предметы православия или апокрифические тексты, что было популярно и в мирное время [9, с. 1508]. В первую очередь это были нательные кресты, молитвенники или образки, полученные в качестве родительского благословения, — именно эти предметы чаще всего фигурируют в солдатских и внешних свидетельствах [10, с. 4]. Артикуляция защиты здесь осуществлялась через сакрально-бытовой уклад, где перечень даров ограничивался преимущественно канонической религиозной атрибутикой, «заряженной» авторитетом Церкви или семьи.

Русское духовенство рассматривало массовое обеспечение армии предметами культа как одну из приоритетных задач. В частности, Белгородский монастырь направил в действующие войска и лазареты более 168 тыс. брошюр и листовок; дополнительно было роздано свыше 25 тыс. образков раненым и проходящим солдатам, а также 20 тыс. — в период первой мобилизации [11, с. 428; 12, с. 1983]. Подобная институциональная поддержка обеспечила широкое присутствие православной символики во фронтовом быту, при этом её основная функция оставалась защитной — создание символического барьера перед внешней физической угрозой.

Важно отметить, что такие практики не были новшеством Первой мировой войны, а опирались на сложившиеся традиции. Сюжеты о чудесном спасении благодаря священным или символическим предметам отражают глубокую преемственность российской военной культуры, основы которой закладывались еще в эпоху петровских преобразований и укреплялись на протяжении последующих лет [13, с. 16]. В начале Первой мировой войны произошло совмещение внутреннего запроса солдат на поиск символической защиты и усилий государственных и церковных институтов по включению религии в военный дискурс. Это взаимодействие обеспечило значимость сакральных элементов в сознании участников на начальном этапе конфликта, позволив временно привести личный опыт солдат в соответствие с концепцией священной войны.

Уже в первый год войны возник устойчивый нарратив о действенности такой защиты. Репрезентативным примером может служить описание боя под Нова-Гурой, в рамках которого «...подполковник Тимофеев ... сам ходил во главе своих небольших, но стойких сил, и не смела вражья пуля задеть закаленного сердца героя. Его непромокаемый плащ и солдатская шинель носят на себе чудесные признаки. Пуля пробилла плащ и шинель, ударила в чистый образок и вышла на свободу через левый рукав. „Вот смотрите, — показывал теперь подполковник Тимофеев деревянный образок, обвязанный продырявленной тряпочкой, — этот образок дал мне отец, когда я поступал в корпус; мне было десять лет; смотрите, вот этот крестик был привязан к образку; видите, что нижний кончик отбит; отбит и уголок деревянного образка; я заметил только после; откуда, думаю, дырка на тряпочке“» [14, л. 5 об.].

Такие истории строились на повторяющейся схеме: экстремальная ситуация — вмешательство сакрального объекта — устранение угрозы — обретение солдатом статуса «чудом спасенного» и последующий успех, чаще всего военный. При этом достоверность чуда часто зависела от происхождения предмета. Анализируя практики использования талисманов, О. Дэвис отмечает, что защитные свойства приписывались не столько физическим характеристикам объекта, сколько самому акту дарения. Значимость оберега определялась личной связью между дарителем и получателем, а также эмоциональным контекстом и напутствиями, сопровождавшими передачу вещи [7, р. 147; 15, с. 177].

Роль вещественного доказательства чуда часто играла солдатская шинель (реже — иной элемент обмундирования). Она воспринималась не как активное средство защиты, а как веще-

ственное доказательство уже произошедшего события, подтверждающее факт уцеления человека. Сюжет таких свидетельств строился на сопоставлении: ткань шинели оказывалась повреждена огнем противника, тогда как тело оставалось невредимым или получало лишь легкое ранение. Шинель не считалась сакральным предметом, но служила наглядным подтверждением того, что солдат избежал гибели в ситуации, когда она казалась неизбежной. В этой точке восприятие события часто смещалось от религиозного чуда к светским, но также мифологизированным категориям «военная удача» или «фатализм», позволявшим объяснить случайный характер спасения [16, л. 40; 17].

Рассказы о чудесном спасении, возникавшие во фронтовой среде, выходили за рамки устного общения и получали широкое освещение в прессе. Примечательно, что эти сюжеты не были достоянием исключительно церковной печати [18, с. 17]. Газеты и журналы охотно публиковали описания фронтовых чудес, так как они соответствовали официальным идеологическим установкам, представлявшим войну как священную и полную чудес. Личный опыт солдатского спасения гармонично дополнял ключевые положения государственной пропаганды — стремление к победе и идею нравственного возрождения нации [19, с. 1322].

Особое место в системе фронтовых представлений занимали подарки от членов императорской семьи. Посещения лазаретов, сопровождавшиеся беседами с ранеными и раздачей образков, служили способом репрезентации сакрального характера власти. Как отмечает Б.И. Колоницкий, официальная риторика не ограничивалась созданием образа «простой сестры милосердия», наделяя, в частности, Александру Фёдоровну почти сверхъестественными, целительными качествами [20, с. 188]. В одном из апологетических изданий того времени автор задавался риторическим вопросом: «Отчего не допустить, что вся нежность Ее сердца, все страстное желание облегчить боль страдальца таинственным флюидом не изливается с Ее рук?..» [21, с. 20].

В подобном контексте дар, полученный непосредственно из рук императрицы, воспринимался не только как знак личного покровительства, но и как физический носитель сакральных свойств. Характерен случай капитана 196-го пехотного Инсарского полка П. Троицкого, которому Александра Фёдоровна в апреле 1915 г. вручила образок Спасителя. Спустя несколько недель офицер получил ранение в грудь, однако образок задержал шрапнельную пулю. Произошедшее было истолковано как подтверждение защитных качеств подарка, что вызвало массовый спрос на аналогичные «царские образки», которых в полку было роздано около тысячи штук [22, с. 137–138]. Факт уцеления в данной системе представлений рассматривался не как случайная удача, а как свидетельство покровительства, связывающего религиозную сферу с фигурой монарха. Представление о членах императорской семьи как носителях сакральной силы неоднократно воспроизводилось в течение всей войны.

Помимо вещественных оберегов, прагматическую роль во фронтовой повседневности играли сакральные тексты. Прежде всего это были широко тиражируемые молитвенные листки с 90-м псалмом или «Молитвой воина, идущего в бой». Хотя факт получения текста в дар от семьи или Церкви оставался важным, сам механизм защиты здесь был более сложным, чем в случае с иконой. Использование текста требовало от солдата активного участия: считалось, что защита активизируется в момент ритуального действия — чтения или тактильного контакта с листком в ситуации опасности [23, с. 127]. В отличие от нательного креста текст становился инструментом, дававшим человеку чувство контроля над неопределенностью боевой обстановки.

Для традиционного крестьянского мировосприятия текст мог являться не просто просьбой к Богу, а самостоятельным защитным действием: буквальные обещания защиты в 90-м псалме трактовались как гарантия безопасности [24, с. 710]. Подтверждением служили свидетельства из личного опыта или рассказы сослуживцев. Случаи, когда носители текста оставались невредимыми в столкновениях, закрепляли за молитвой репутацию эффективного средства защиты.

В системе верований важен был и сам религиозный ритуал. Прагматическое значение массовой молитвы и таинств перед боем учитывалось как военным командованием, так и духовенством в качестве способа поддержания психологической устойчивости армии [25, с. 463]. В частности, ради этой цели на фронт были допущены старообрядческие священники [26, л. 120; 27, с. 879]. Подобные меры свидетельствуют о готовности власти идти на компромиссы в церковных вопросах ради сохранения дисциплины и волевых качеств личного состава.

В ситуациях, когда высокое психологическое напряжение вело к потере управления войсками, молитвенная практика могла стать инструментом восстановления коллективного единства. Репрезентативный пример — атака 11-го гренадерского Фанагорийского полка на артиллерийскую батарею, описанная в рапорте прапорщика Аничкова. Находясь под интенсивным перекрестным огнем, когда наступление остановилось, офицеры столкнулись с неэффективностью уставных команд: стандартного призыва «Вперед, ура!» оказалось недостаточно. Чтобы мобилизовать солдат, командир обратился к религиозным символам, приказав снять фуражки и пропеть «Отче наш» [14, л. 10 об.]. Этот коллективный ритуал способствовал восстановлению дисциплины и превратил разрозненную массу людей в организованное подразделение.

Последующий призыв — «Кто верует в Христа — за Царя, матерей и отцов вперед!» — объединил в рамках одной команды религиозные чувства, лояльность государству и личные привязанности. Это позволило преодолеть психологический барьер: гренадеры смогли подняться в атаку и захватить позиции противника. Примечательно, что молитва выполняла функцию перехода к состоянию психологического покоя и после боя: согласно источнику, завершив столкновение, участники вновь «помолились, пропев „Спаси, Господи, люди Твоя“», восстанавливая порядок и внутреннее равновесие [14, л. 10–11]. Кроме того, молитва служила средством идентификации по линии *свой — чужой*. Способность субъекта, принадлежащего к вражеской армии, воспроизвести православный текст или совершить крестное знамение меняла восприятие его личности: из категории безусловного врага солдат переходил в разряд единоверца, что нередко спасало ему жизнь [14, л. 16–21].

Не менее наглядно эффективность этого метода идентификации проявлялась в случае полной потери координации — во время ошибочных обстрелов своих подразделений, когда визуальное различие между своими и чужими стиралось. Характерным свидетельством этого служит рапорт штабс-капитана Руссена (33-й пехотный Елецкий полк) о бое 16 августа 1914 г. при переправе через реку Гнилая Липа. Оказавшись в ситуации «полного хаоса», когда русские части попали под перекрестный огонь собственной артиллерии и смежных подразделений, а солдаты «потеряли голову» из-за трофейного вражеского знамени и начали бегство, офицеры прибегли к сакральной коммуникации [14, л. 17–18]. Осознавая неэффективность уставных сигналов, Руссен отдал приказ петь, аргументируя это тем, что «нас наши услышат ... и перестанут стрелять». Коллективное исполнение гимна «Боже, Царя храни!», перешедшее в стихийное пение молитвы «Спаси, Господи, люди Твоя», послужило надежным средством опознания. Согласно источнику, именно в момент совместной молитвы кризисная ситуация разрешилась: стрельба со стороны своих немедленно прекратилась, а воинский порядок был восстановлен [14, л. 19–20].

В основе многих мифологических сюжетов лежит феномен, который можно определить как непосредственное ощущение реальности невидимого [8, с. 44]. Речь идет о субъективном восприятии контакта с высшими силами, не поддающемся рациональному объяснению. В начальный период войны в системе представлений участников фронта актуализируются мистические образы, воплощающиеся в форме индивидуальных и коллективных видений — знамений в виде крестов или образов святых [11, с. 426–427].

Наиболее известным эпизодом такого рода стало «Августовское чудо». В сентябре 1914 г. в период тяжелых отступательных боев в районе Восточной Пруссии и современной Польши различные подразделения русской армии, в частности лейб-гвардии кирасиры под г. Марьямполе [28, с. 730] и донские казаки в Августовских лесах, наблюдали в ночном небе явление Божией Матери с Младенцем [29, с. 107]. Хотя само видение предшествовало успешной Августовской операции, в сознании солдат события прочно связались. Значимость этого эпизода привела к его официальному рассмотрению Святейшим синодом, который в 1916 г. благословил «чествование в храмах Божиих и домах верующих икон, изображающих означенное явление Божией Матери русским воинам» [29, с. 194]. Подобные сюжеты, тиражируемые в печати и устной традиции, воспринимались как подтверждение участия высших сил на стороне России, способствуя легитимации войны как «священной» и укреплению уверенности солдат в победе.

Помимо Богородицы, в качестве знамений фигурировали образы креста [30, с. 443], Николая Чудотворца [31, с. 222] и Серафима Саровского [32, с. 276; 33, с. 134]. В прессе описывались и

видения на стороне противника, которые неизменно трактовались как предвестие его поражения [34, с. 63]. Распространение этих сюжетов в тылу влекло за собой общее признание достоверности мистического опыта [35, с. 5]; нередко использовались исторические аналогии, например знамение креста императору Константину [36, с. 784]. Несмотря на трактовки психиатров [37, с. 329–330], определявших данные явления как коллективные галлюцинации, не терялось из виду чудесное восприятие, во многом позиционирующееся как эффективное средство поддержания морального духа армии [38, с. 1258].

Однако в народной среде существовали и скептические трактовки. Примером может служить случай крестьянина Якова Медниса, который подвергал сомнению эффективность небесного заступничества. Согласно показаниям свидетелей, Меднис указывал на технологическое преимущество противника, а на упоминания о защите святых отвечал скептически: «...Вы говорите, что вас защищает Николай Чудотворец и другие святые, а тут однажды немцы показали русским войскам на воздухе икону Божией Матери — и когда русские сгруппировались у нее, то германцы их всех разбили; вот как защищают вас ваши боги» [39, л. 127].

Еще одной формой проявления религиозного сознания, если руководствоваться понятиями У. Джеймса, стала фиксация событий, которые в рамках «сверх-верования» интерпретировались как свидетельства индивидуального изумления при виде покровительства высших сил [8, с. 176]. Эти рассказы строились на противопоставлении разрушительной силы современных вооружений и необъяснимой сохранности святынь: в ситуациях, где угроза объекту оценивалась как критическая, снаряд либо не затрагивал святыню, либо наносил значительные повреждения, не задевая при этом сам артефакт.

Характерный пример — опубликованное письмо полковника одного из петроградских полков, чей штаб подвергся интенсивному обстрелу тяжелой артиллерией. Согласно свидетельству офицера, после прямого попадания гранаты в балку потолка стена комнаты была разрушена, однако икона Тайной вечери, находившаяся в эпицентре взрыва, «даже не покачнулась». При повторном обстреле, когда от ударов тяжелых снарядов часть стены обрушилась и удерживавший икону гвоздь полностью обнажился, образ сохранил прежнее положение, а находившиеся в помещении люди остались невредимы. Личная интерпретация события автором письма подтверждает прагматическую логику этого опыта: «Если бы я был неверующим, то после этого жарко стал бы верить во Христа» [40, с. 300]. Подобные случаи, демонстрировавшие неуязвимость сакрального объекта перед лицом технологического превосходства врага, немедленно инкорпорировались в мифологический нарратив, становясь его заметной частью.

На развитие фронтовой мифологии влияли и природные явления, однако государство стремилось контролировать их восприятие. Показательным примером является солнечное затмение 8 (21) августа 1914 г., полоса которого прошла непосредственно через русский театр военных действий. Военно-политическое руководство сочло его угрозой для дисциплины, опасаясь, что тьма вызовет панику, поскольку «в историях предыдущих войн солнечные затмения, которые были для сражавшихся неожиданными, оказывали огромное влияние на исход сражений» [41, л. 24]. Вследствие этого была развернута превентивная кампания по разъяснению сугубо астрономической природы феномена, чтобы «предупредить войска избежать превратных толкований» [41, л. 26; 42, с. 4]. Судя по имеющимся свидетельствам, эта дискурсивная контрстратегия, основанная на научном мышлении и отвергающая индивидуальные религиозные интуиции как пережитки, оказалась в значительной степени успешной: солдатский дискурс не получил полноценной мифологемы или нарратива, касающихся солнечного затмения, хотя есть примеры попыток его нарративного оформления [43, с. 16].

Схожий характер имела трактовка появления кометы. В отличие от затмения, эффект которого в публичном дискурсе стремились сгладить, комету, напротив, пытались представить предвестником войны и грядущих испытаний [44, с. 6; 45, с. 594]. Однако это событие не нашло значимого отклика в солдатской среде: в источниках личного происхождения реакция на это явление не отражена в отличие от тылового дискурса. Данные случаи демонстрируют, что не всякое необычное событие становилось частью солдатских верований. Для усвоения феномена требовалось его соответствие внутренним ожиданиям комбатантов и включение в понятные им категории чуда или иных смысловых точек.

Однако если масштабные небесные явления нуждались в определенном внешнем истолковании, то в повседневном фронтовом быту поиск психологической опоры нередко обращался к более осязаемым формам связи с защищенным пространством — прежде всего к дому и родной земле. Распространенным артефактом комбатанта был мешочек с землей, взятой у порога или крыльца родного дома при проводах, что обозначало границу своего мира. Этот предмет выступал связующим звеном, облегчавшим тоску по дому [15, с. 184]. Практика помещения земли в обувь или ритуального посыпания ею окопа во время артобстрела представляла собой попытку психологически освоить пространство войны [46, с. 8–9]. Данный ритуал позволял солдату в условиях прямой угрозы жизни сохранять ощущение связи с домом и давал надежду в случае гибели быть похороненным «на своей земле». Тем не менее символическое значение этого артефакта было двойственным: в ряде локальных традиций земля интерпретировалась не как защита, а как символ скорой гибели («везет себе гроб» [15, с. 185]).

Параллельно функционировала другая смысловая связь, соединяющая фронт и тыл через символику пищи: хлеб — дом — защита. Кусочек хлеба, зачастую вместе с солью или монетой, выступал как материализованный носитель родительского благословения [47, с. 14]. Отламывание от общего каравая перед отправкой рекрута символизировало сохранение частицы коллективного тела семьи. Зашитый в одежду, иногда в тайне от носителя, этот предмет трансформировался в связующий символ, который, однако, не получил нарративного оформления в солдатском дискурсе, выступая скорее как персональный символ связи с домом.

Иным элементом сакрально-магических практик в солдатской среде было бытование апокрифических текстов, среди которых особое место занимал «Сон Богородицы». В его текст могут быть включены «Сказание о 12 пятницах», «Свиток Иерусалимский» и др. [48, с. 632]. Его популярность, как давно отмечало духовенство, объяснялась универсальностью и выраженным прикладным характером обещанных чудодейственных свойств [49, с. 20]. Исторически этот текст функционировал в народной среде как универсальный оберег, и опыт фронта не изменил его основного назначения. Репутация наиболее действенного текста закрепилась за ним задолго до войны, что подтверждается даже в критических отзывах того времени, отличавших его от прочих «летучих молитв»: «Читающий и всегда носящий при себе „Сон Богородицы“ решительно от всего будто бы застрахован... <...> Чудодейственность „Сна Богородицы“ поразительна и рассчитана на все случаи в жизни человека» [50, с. 523; 51, с. 523–524].

Широкое распространение апокрифа постоянно поддерживало конфликт между народной религиозностью и официальной церковной позицией. Духовенство систематически пыталось дискредитировать эту практику, осуждая «Сон Богородицы» как неканонический текст, распространяемый по нелегитимным каналам: через коробейников, странников и стихийный обмен [52, с. 280]. Однако в условиях, когда схожими прагматичными свойствами наделялись каноничные молитвы, строгая граница между «дозволенным» и «запретным» размывалась. Как отмечает О. Дэвис, опыт войны способствовал синкретической реакции на удачу и накопительному подходу к личной защите [7, р. 216–217]. В результате апокрифические тексты получали дополнительную легитимность в солдатской среде, воспринимаясь как столь же действенное средство защиты.

На фронте бытовали и другие неканонические молитвы, часто распространявшиеся в форме «писем счастья» [53, с. 491]. Проблему представляли содержащиеся в этих текстах требования: солдату предписывалось выполнение трудоемких процедур, таких как многократное переписывание и рассылка определенному числу адресатов в жесткие сроки, что в условиях фронта было невыполнимо. Однако с точки зрения мифологического сознания можно предположить, что именно эта сложность парадоксальным образом повышала ценность текста. Высокий «порог вхождения» текста или символа, как замечал М. Элиаде, превращал взаимодействие с ним в подобие ритуала инициации [54, с. 186]. Трудности исполнения наделяли такую молитву особой значимостью, создавая у солдата ощущение обладания более мощным и качественным сакральным инструментом, чем общедоступные церковные обряды. Впрочем, эта же особенность имела и негативную сторону. Структура «писем счастья» не только обещала защиту, но и, подобно архаическим ритуалам, угрожала наказанием в случае неисполнения предписаний. Страх перед карой за неспособность вовремя разослать молитву необходимому числу товарищей мог

оказывать на моральное состояние солдат деморализующее воздействие, порой более сильное, чем угроза наступления врага или бытовые лишения [55, л. 126].

Важную роль в понимании солдатского мировосприятия играют этнографические изыскания И.И. Ульянова, непосредственно фиксировавшего фронтовой опыт. В ходе своих исследований он выделил такую форму религиозного прагматизма, как практика клятвенных обещаний, или обетов. В пограничной ситуации, когда «смятенный дух война начинает искать ... опорные пункты» [46, с. 6], солдат прибегал к стратегии договора с высшими силами.

Механизм осмысления здесь строится на попытке рационализировать случайность выживания через этическую категорию. Солдат, опираясь на укорененные пласты христианской морали, формирует цепочку эквивалентности: моральное преображение — Божественная протекция — жизнь. Клятва изменить поведение в лучшую сторону выступает как валюта, которой оплачивается чудо спасения. В случае выживания, которое интерпретировалось как принятие обета высшими силами, субъект, как правило, стремился к исполнению обещанного, хотя были и случаи накопительных клятв, когда солдаты «перед одним боем дают одно обещание, и, если Бог сохранит, перед другим — другое и т. д.; пока живы, перед каждым боем дают все новые и новые обещания» [46, с. 7].

Но не все артефакты из традиционной народной культуры оказались одинаково востребованы в условиях индустриальной войны; некоторые из них не выдержали конкуренции с более мощными религиозно-магическими практиками. Примером может выступить подкова — традиционный элемент крестьянского быта, устойчиво ассоциировавшийся в народной культуре с удачей и благополучием [56, с. 330]. Такая находка трактовалась как доброе предзнаменование [57, с. 314], а священнослужители с критикой отмечали суеверную практику зашивать ее в шинель перед отправкой на фронт [58, с. 15]. Однако анализ солдатских нарративов выявляет принципиальное различие в восприятии этого предмета по сравнению с другими оберегами. Также на Западном фронте клевер, подкова и число 13 функционировали как «портбонёры» [7, р. 140], а в российском публичном дискурсе они не обладали должной защитой. В отличие от многочисленных историй о «Сне Богородицы» или родной земле, сюжеты о чудесном спасении, приписываемом именно подкове, практически отсутствуют. Исходя из этого, подкова, оставаясь символом удачи, не смогла трансформироваться в сознании солдат в надежный инструмент защиты. Несмотря на свою прочность, которая, казалось бы, делала ее подходящим оберегом, ее символика оказалась слишком абстрактной. Перед лицом артиллерийского огня архаичное верование в общую удачу уступало более конкретным и строгим религиозно-магическим практикам, обещавшим физическое спасение.

Наконец, на низшей ступени этой иерархии верований находились животные, выполнявшие функцию талисмана/маскота. Выбор был типичен для сельской среды и включал собак, кошек, иногда мелкий скот [59, с. 599; 60, с. 18]. В данном случае магическая составляющая представляется минимальной. Бытование полковых маскотов также служило проявлением прагматического отношения к сверхъестественному, однако уровень экзистенциальных ожиданий от подобной формы защиты предположительно оставался невысоким. Хотя в массиве источников зафиксированы отдельные сюжеты о животных-спасителях, подобные мотивы не получили концептуального развития и сохранили статус периферийных элементов фронтовой мифологии. Отношение к ним носило скорее факультативный характер: эффективность маскота не воспринималась в качестве приоритетного залога спасения. Вероятнее всего, такие талисманы были элементом солдатской коллективной идентичности, а их основная функция заключалась в эмоциональной разгрузке и поддержании связи с привычной мирной жизнью.

Вместе с тем было бы неверным полагать, что сакрально-мифологические практики полностью исчерпывали фронтовую действительность. За пределами массового солдатского сознания мифологизация опыта не была универсальной. В источниках личного происхождения, прежде всего в письмах офицеров и унтер-офицеров, фиксируется иная, сугубо рационалистическая интерпретация событий. Профессиональная подготовка позволяла этой группе объяснять факт выживания не вмешательством высших сил, а конкретными факторами: остротой слуха, своевременным предупреждением или грамотными действиями командования [61, л. 82, 146].

Таким образом, сакрально-магический комплекс, сложившийся в русской армии в начальный период войны (1914–1915 гг.), представлял собой нечто большее, чем механизм психологической адаптации. Функционируя по логике религиозного прагматизма, данная система превращала случаи необъяснимого спасения в эмпирическое подтверждение идеи Божественного покровительства. Обладая выраженной патриотической направленностью, этот синтез церковной догматики и народной веры достигал пика актуализации в моменты боевых столкновений, придавая им сакральное измерение. Однако жесткая привязка данной системы представлений к постоянному подтверждению через чудо предопределила ее уязвимость: с переходом к затяжной позиционной войне и ростом военных неудач отсутствие сакральных подтверждений привело к снижению значимости этой картины мира и ее постепенному замещению иными объяснительными моделями, более соответствующими изменившейся реальности фронтового быта.

Список источников

1. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с. EDN: TVNACT.
2. *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 365 с. EDN: RXKVJJ.
3. *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое лит. обозрение, 2020. 992 с.
4. *Фассел П.* Великая война и современная память / пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 470 с.
5. *Winter J.* Sites of memory, sites of mourning: the Great War in European cultural history. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 310 p.
6. *Hayward J.* Myths & legends of the First World War. Stroud: Sutton, 2005. 205 p.
7. *Davies O.* A supernatural war: magic, divination, and faith during the First World War. Oxford: Oxford University Press, 2018. 284 p.
8. *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта / пер. с англ. В.Г. Малахеевой-Мирович, М.В. Шик. М.: Журн. «Рус. мысль», 1910. 518 с.
9. *Стельмашенко М.*, священник. Сообщения // Новгородские епарх. ведомости. 1899. № 22. С. 1507–1509.
10. Материнское напутствие // Рус. инвалид. 1914. № 228. С. 4.
11. Деятельность монастырей Курской епархии в нынешнюю отечественную войну в течение ее первого года // Курские епарх. ведомости. 1916. № 35/36. С. 425–429.
12. Отклики духовенства на нужды переживаемого времени // Полтавские епарх. ведомости. 1914. № 37. С. 1982–1987.
13. Праздник о победе, Богом дарованной всероссийскому самодержцу Петру Великому, над шведским королем Карлом XII в 1709 году, 27 июня // Полтавские епарх. ведомости. 1863. № 13. С. 8–22.
14. Российский государственный военно-исторический архив (ранее – РГВИА). Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2960.
15. *Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России: опыт этнографического анализа. М.: Новое лит. обозрение, 2005. 374 с. EDN: QOZOUZ.
16. РГВИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 230.
17. *Анисимов М.С.* Записки дневника // Прожито: электр. архив. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479654> (дата обращения: 20.11.2025).
18. Молитвослов русского солдата // Огонек. 1915. № 8. С. 17.
19. Крест спас // Воронежские епарх. ведомости. 1914. № 52. С. 1320–1322.
20. *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 664 с. EDN: QPORVV.
21. *Зарин А. Е.* Наши царицы и царевны во Вторую отечественную войну. Пг.: Русь, 1916. 32 с.
22. *Розанов Н.*, священник. Знаменательное явление // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1916. № 5. С. 137–138.
23. *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России : сб. тр. / сост. и вступ. ст. Л.Н. Виноградовой. М.: Индрик, 1994. 270 с. EDN: UCBQGT.
24. Нечто о мистике на войне // Вольные епарх. ведомости. 1915. № 48/49. С. 709–710.
25. Священник и войны // Владикавказские епарх. ведомости. 1914. № 20. С. 463.
26. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 110. Оп. 4. Д. 3622.
27. Старобрядческие священники в армии // Старобрядческая мысль. 1914. № 9. С. 879.
28. *Стратонович И.*, священник. Знамение Богородицы и Ее помощь русскому христоролюбивому воинству // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1914. № 21. С. 730.
29. Заступничество Богородицы за русских воинов в Великую войну 1914 года. Августовская икона Божией Матери / сост. А. Фарберов. М.: Ковчег, 2010. 336 с.

30. Чудесное явление креста // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 13/14. С. 443–444.
31. *Андроник*, еписк. Сим побеждай! // Пермские епарх. ведомости. 1915. № 8/9. С. 221–222.
32. *Клитин Н.*, прот. Поучение на 2-й день Св. Пасхи // Киевские епарх. ведомости. 1915. № 12/13. С. 274–277.
33. Молитва и война // Рязанские епарх. ведомости. 1916. № 3. С. 133–135.
34. Чудесное на войне // Саратовские епарх. ведомости. 1915. № 1/2. С. 63.
35. В народе // Сиб. жизнь. 1916. № 1. С. 5.
36. Небесное знамение победы // Олонецкие епарх. ведомости. 1914. № 34. С. 784.
37. *Бехтерев В.М.* Война и психозы // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1914. № 4–6. С. 329–330.
38. *Овсянников Е.*, прот. Слово в день рождения её императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны // Воронежские епарх. ведомости. 1914. № 49. С. 1249–1258.
39. Исторический архив Омской области. Ф. 270. Оп. 1. Д. 642.
40. Чудесное на войне // Церк. ведомости. 1914. № 46. С. 300.
41. РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 725.
42. Солнечное затмение и как к нему следует отнестись в армии // Рус. инвалид. 1914. № 165. С. 4.
43. *Мартышевский Я.Е.* По скорбному пути. Воспоминания. 1914–1918. М.: Кучково поле, Евробонд, 2016. 749 с.
44. Кометы и войны России // Рус. инвалид. 1914. № 186. С. 6.
45. *Колосов Н.* Грядущая победа // Пермские епарх. ведомости. 1914. № 30. С. 591–595.
46. *Ульянов И.И.* Клятвенные обещания в окопах. Пг.: Тип. М-ва внутр. дел, 1915. 16 с.
47. *Ульянов И.И.* Обрядовые причитания при проводах солдат на войну. Пг.: Тип. М-ва внутр. дел, 1914. 16 с.
48. От Симбирского епархиального церковного археологического общества // Симбирские епарх. ведомости. 1916. № 24. С. 632–633.
49. *Юров И., Зайцев П.* История моей жизни. Записки пойменного жителя. Рыбинск: Медиарост, 2023. 512 с.
50. Раскольничья легенда о происхождении табака // Иркутские епарх. ведомости. 1900. № 22. С. 522–527.
51. Харьковские епарх. ведомости. 1903. № 17.
52. Из Щитовского прихода (Бельского уезда) // Литовские епарх. ведомости. 1875. № 33. С. 3–4.
53. *Андроник*, еписк. Суеверие есть тяжкий грех // Пермские епарх. ведомости. 1916. № 20/21. С. 491–495.
54. *Элиаде М.* Аспекты мифа / пер. с фр. В.П. Большакова. М.: Академический проект, 2010. 251 с. EDN: QWWVTJ.
55. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 703.
56. Записки священника // Вятские епарх. ведомости. 1914. № 12. С. 329–330.
57. С войны. Письмо восьмое // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 10. С. 312–315.
58. В чем заключается мощь русского народа? // Псковские епарх. ведомости. 1916. № 1. С. 12–15.
59. Собака спасла роту // Архангельские епарх. ведомости. 1914. № 24. С. 599.
60. Огонек. 1915. № 5. С. 18.
61. ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 338.

References

1. Senyavskaya E.S. *Psychology of war in the 20th century: Russia's historical experience*. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 1999. 383 p. (In Russ.). EDN: TVNACT.
2. Porshneva O.S. *Peasants, workers and soldiers of Russia on the eve of and during the First World War*. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2004. 365 p. (In Russ.). EDN: RXKVJJ.
3. Aksenov V.B. *Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the years of war and revolution (1914-1918)*. Moscow: New Literary Review; 2020. 992 p. (In Russ.).
4. Fussell P. *The Great War and modern memory*. Trans. from English by A. Glebovskaya. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg; 2015. 470 p. (In Russ.).
5. Winter J. *Sites of memory, sites of mourning: the Great War in European cultural history*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. 310 p.
6. Hayward J. *Myths & legends of the First World War*. Stroud: Sutton; 2005. 205 p.
7. Davies O. *A supernatural war: magic, divination, and faith during the First World War*. Oxford: Oxford University Press; 2018. 284 p.
8. James W. *The varieties of religious experience*. Trans. from English by V.G. Malachieva-Mirovich, M.V. Shik. Moscow: Magazine "Russian Thought"; 1910. 518 p. (In Russ.).
9. Stelmashenko M., priest. Messages. *Novgorod Diocesan Gazette*. 1899;(22):1507-1509. (In Russ.).
10. Mother's parting words. *Russian Disabled*. 1914;(228):4. (In Russ.).

11. Activity of the monasteries of the Kursk diocese in the current Patriotic War during its first year. *Kursk Diocesan Gazette*. 1916;(35/36):425-429. (In Russ.).
12. Responses of the clergy to the needs of the times. *Poltava Diocesan Gazette*. 1914;(37):1982-1987. (In Russ.).
13. The holiday commemorates the victory granted by God to the All-Russian autocrat Peter the Great over the Swedish king Charles XII in 27th June 1709. *Poltava Diocesan Gazette*. 1863;(13):8-22. (In Russ.).
14. *Russian State Military Historical Archive* (hereinafter - RSMHA). Fund 2067. In. 1. File 2960. (In Russ.).
15. Kormina Zh.V. *Send-offs to the army in post-reform Russia: an ethnographic analysis*. Moscow: New Literary Review; 2005. 374 p. (In Russ.). EDN: QOZOUZ.
16. RSMHA. Fund 391. In. 2. File 230. (In Russ.).
17. Anisimov M.S. Diary notes. *Lived through: electronic archive*. Available from: <https://corpus.prozhitto.org/note/479654> [Accessed 20th November 2025]. (In Russ.).
18. Prayer book of a Russian soldier. *Light*. 1915;(8):17. (In Russ.).
19. The Cross saved. *Voronezh Diocesan Gazette*. 1914;(52):1320-1322. (In Russ.).
20. Kolonitskiy B.I. *"Tragic eroticism": images of the Imperial family during the First World War*. Moscow: New Literary Review; 2010. 664 p. (In Russ.). EDN: QPORVV.
21. Zarin A.E. *Our queens and princesses in the Second Patriotic War*. Petrograd: Rus; 1916. 32 p. (In Russ.).
22. Rozanov N., priest. Significant phenomenon. *Bulletin of the Military and Naval Clergy*. 1916;(5):137-138. (In Russ.).
23. Eleonskaya E.N. *Fairy tale, incantation, and witchcraft in Russia*. Collection of works. L.N. Vinogradova (comp.). Moscow: Indrik; 1994. 270 p. (In Russ.). EDN: UCBQGT.
24. Something about mysticism at war. *Volyn Diocesan Gazette*. 1915;(48/49):709-710. (In Russ.).
25. A priest and soldiers. *Vladikavkaz Diocesan Gazette*. 1914;(20):463. (In Russ.).
26. *State Archive of the Russian Federation* (hereinafter - SARF). Fund 110. In. 4. File 3622. (In Russ.).
27. Old Believer priests in the army. *Old Believer Thought*. 1914;(9):879. (In Russ.).
28. Stratonovich I., priest. The sign of the Mother of God and Her help to the Russian Christ-loving Army. *Bulletin of the Military and Naval Clergy*. 1914;(21):730. (In Russ.).
29. Farberov A., comp. *Intercession of the Mother of God for Russian soldiers in the Great War of 1914. August Icon of the Mother of God*. Moscow: Ark; 2010. 336 p. (In Russ.).
30. Miraculous appearance of the cross. *Bulletin of the Military and Naval Clergy*. 1915;(13/14):443-444. (In Russ.).
31. Andronik, bishop. In this sign, conquer! *Perm Diocesan Gazette*. 1915;(8/9):221-222. (In Russ.).
32. Klitin N., archpriest. Sermon on the 2nd day of Holy Easter. *Kiev Diocesan Gazette*. 1915;(12/13):274-277. (In Russ.).
33. Prayer and War. *Ryazan Diocesan Gazette*. 1916;(3):133-135. (In Russ.).
34. The miraculous at war. *Saratov Diocesan Gazette*. 1915;(1/2):63. (In Russ.).
35. Among the people. *Siberian Life*. 1916;(1):5. (In Russ.).
36. Heavenly sign of victory. *Olonets Diocesan Gazette*. 1914;(34):784. (In Russ.).
37. Bekhterev V.M. War and psychoses. *Review of Psychiatry, Neurology and Experimental Psychology*. 1914;(4-6):329-330. (In Russ.).
38. Ovsyannikov E., archpriest. A speech on the birthday of Her Imperial Majesty Empress Maria Feodorovna. *Voronezh Diocesan Gazette*. 1914;(49):1249-1258. (In Russ.).
39. *Historical Archive of Omsk Region*. Fund 270. In. 1. File 642. (In Russ.).
40. The miraculous at war. *Church Gazette*. 1914;(46):300. (In Russ.).
41. RSMHA. Fund 2019. In. 1. File 725. (In Russ.).
42. Solar eclipse and how to react to it in the army. *Russian Disabled*. 1914;(165):4. (In Russ.).
43. Martyshevskiy Ya.E. *Along the mournful path. Memoirs. 1914-1918*. Moscow: Kuchkovo Field, Euro-bond; 2016. 749 p. (In Russ.).
44. Comets and Russia's wars. *Russian Disabled*. 1914;(186):6. (In Russ.).
45. Kolosov N. The coming victory. *Perm Diocesan Gazette*. 1914;(30):591-595. (In Russ.).
46. Ulyanov I.I. *Sworn promises in the trenches*. Petrograd: Printing House of the Ministry of Internal Affairs; 1915. 16 p. (In Russ.).
47. Ulyanov I.I. *Ritual lamentations at the send-off of soldiers to the war*. Petrograd: Printing House of the Ministry of Internal Affairs; 1914. 16 p. (In Russ.).
48. From the Simbirsk Diocesan Church Archaeological Society. *Simbirsk Diocesan Gazette*. 1916;(24):632-633. (In Russ.).
49. Yurov I., Zaytsev P. *The story of my life. Notes of a floodplain resident*. Rybinsk: Media Growth; 2023. 512 p. (In Russ.).
50. Schismatic legend about the origin of tobacco. *Irkutsk Diocesan Gazette*. 1900;(22):522-527. (In Russ.).

51. *Kharkiv Diocesan Gazette*. 1903;(17). (In Russ.).
52. From the Shchitovo parish (Belsk district). *Lithuanian Diocesan Gazette*. 1875;(33):3-4. (In Russ.).
53. Andronik, bishop. Superstition is a grave sin. *Perm Diocesan Gazette*. 1916;(20/21):491-495. (In Russ.).
54. Eliade M. *Aspects of myth*. Trans. from French by V.P. Bolshakov. Moscow: Academic Project; 2010. 251 p. (In Russ.). EDN: QWWVTJ.
55. *RSMHA*. Fund 2003. In. 2. File 703. (In Russ.).
56. Notes of a priest. *Vyatka Diocesan Gazette*. 1914;(12):329-330. (In Russ.).
57. From the war. Letter eight. *Bulletin of the Military and Naval Clergy*. 1915;(10):312-315. (In Russ.).
58. What is the power of the Russian people? *Pskov Diocesan Gazette*. 1916;(1):12-15. (In Russ.).
59. A dog saved a company. *Arkhangelsk Diocesan Gazette*. 1914;(24):599. (In Russ.).
60. *Light*. 1915;(5):18. (In Russ.).
61. *SARF*. Fund 826. In. 1. File 338. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.С. Голованов — аспирант, кафедры отечественной истории ОППУ.

Information about the author

E.S. Golovanov — Postgraduate Student, Department of Russian History, OSPU.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 02.02.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья
УДК 94(470.67) «17»
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-81-86>

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА В XVIII ВЕКЕ

Байзат Магомедовна Гусейнова

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
dag.ist@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема социально-экономического развития Дагестана в XVIII в., учитывая сложную политическую обстановку, обусловленную внешним вмешательством со стороны Персии, Османской империи и Российской державы. Выявлено, что экономика региона сохраняла традиционный аграрно-ремесленный уклад. Основу хозяйственной деятельности составляли земледелие, скотоводство, горные промыслы, ремесла, торговля. Важную роль в поддержании экономических и культурных связей с сопредельными регионами играли городские центры, особенно Дербент. Усиление феодальных отношений сопровождалось ростом социальной дифференциации. Несмотря на это, Дагестан был включен в трансрегиональные торгово-экономические процессы, что способствовало сохранению элементов устойчивости традиционного уклада.

Ключевые слова: Дагестан, сельское хозяйство, земледелие, скотоводство, террасное земледелие, отходничество, садоводство, виноградарство, бортничество, рыболовство

Для цитирования: Гусейнова Б.М. Социально-экономическое развитие Дагестана в XVIII веке // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 81–86. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-81-86>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF DAGESTAN IN THE 18th CENTURY

Bayzat M. Huseynova

Dagestan State University, Makhachkala, Russia
dag.ist@mail.ru

Abstract. This article examines the socio-economic development of Dagestan in the 18th century, taking into account the complex political situation caused by external interventions from Persia, the Ottoman Empire, and Russian State. It reveals that the region's economy retained a traditional agrarian-craft structure. Agriculture, livestock breeding, mining, crafts, and trade constituted the core economic activities. Urban centers, particularly Derbent, played a key role in maintaining economic and cultural ties with neighboring regions. The strengthening of feudal relations was accompanied by growing social differentiation. Despite this, Dagestan was integrated into transregional trade and economic processes, which contributed to the preservation of elements of stability in the traditional way of life.

Keywords: Dagestan, agriculture, farming, cattle breeding, terrace farming, seasonal farming, gardening, viticulture, beekeeping, fishing

For citation: Huseynova B.M. Socio-Economic Development of Dagestan in the 18th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):81-86. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-81-86>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Освещение вопросов социально-экономического развития Дагестана в XVIII в., одном из важных периодов истории Дагестана, является сложной и ответственной проблемой дискуссионного характера в современных условиях [1]. Социально-экономическое положение народов Дагестана отражено в разных исследованиях [2–6].

Надежным источником по истории общины в нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. выступают памятники права. Некоторые нормы и обычаи зафиксированы в адатах (в судебныхниках Рустем-хана и Умму-хана Аварского), которые, по мнению Р.М. Магомедова, «дают богатый и разнообразный материал для изучения дагестанского общества с древнейших времен до XIX века включительно. По адатам можно судить об уровне развития сельских общин, вольных обществ, социальной структуре и политической организации общества» [7, с. 2].

В XVIII в. основными отраслями хозяйства, как и в предыдущие периоды, были земледелие и скотоводство.

Земледелие получило огромное развитие в равнинном Дагестане, несмотря на сложные природные и климатические условия [8, с. 71]. Во второй половине XVIII в. к традиционным культурам (пшеница и ячмень), возделываемым дагестанцами, присоединились рис, кукуруза, бахчевые культуры [5, с. 309]. Применялась двух- и трехпольная система земледелия с искусственным орошением [9, с. 82]. Для вспахивания использовался плуг с железным лемехом, для боронования — деревянная борода, для прополки — мотыга, для жатвы — серпы, для перевозки урожая — колесные арбы, для молотбы зерна — молотильные доски и водяные мельницы.

Приморская и предгорные части Дагестана выращивали достаточное для удовлетворения своих нужд и торговли количество урожая. Его продавали жителям нагорного Дагестана. В горной части Дагестана продолжало развиваться террасное земледелие, о высоком уровне развития которого говорит тот факт, что целый ряд горных обществ продавали излишки своего урожая — пшеницу, ячмень, лен, коноплю [10, с. 376].

Климатическая зональность влияла на распространение той или иной культуры. В горнодолинных зонах с теплым климатом возделывалась кукуруза, на равнине и в нагорной части — огородные культуры: лук, чеснок, тыква, морковь и т. д.

Одной из ведущих отраслей хозяйства в XVIII в. по-прежнему оставалось отгонное животноводство, позволявшее с наибольшей пользой учитывать кормовые ресурсы территории. О развитии животноводства на Северо-Восточном Кавказе свидетельствуют также памятники обычного права.

Развитию животноводства способствовало наличие пастбищных угодий, которые делились на зимние и летние. Летние пастбища располагались в горах. А на зиму скот перегоняли за десятки и сотни километров в соседние страны и владения. Жители аварских обществ скот гнали в Ичкерия, Кахетию и на Терско-Сулакскую низменность, даргинцы, лакцы, табасаранцы — в плоскостной Дагестан, лезгины — в ханства Азербайджана.

Стада из северного и центрального Дагестана на зиму перегонялись на пастбища Засулакской Кумыкии, шамхальства и в равнинную часть уцмийства, а из южного Дагестана — на пастбища Азербайджана. Летом скот отправляли на предгорные пастбища. В равнинных районах существовала стационарная система скотоводства [8, с. 90]. Разводили крупный и мелкий скот (в большом количестве — крупный рогатый скот и в меньшем — овец). В качестве транспорта использовали лошадей и мулов. А.М. Буцковский писал о кумыках, что они богаты «всякого рода скотом» [11, с. 243]. На равнине можно было встретить и верблюдов в качестве вьючных животных. В горной и высокогорной частях Дагестана из-за влияния географических зон соотношение было обратным: крупного скота было меньше, а мелкого — больше.

В числе основных отраслей находились также садоводство и виноградарство. Особо этим славилась селения Гергебиль, Ботлих, Гимры, Глох, Хаджалмахи, Цудахар, Хинуб, Заиб, Хоточ, Харачи, Орта. Продукция этих областей хозяйства была так же важна, как и продукты земледелия и скотоводства. По мнению Х.-М. Хашаева, 80–90 % горцев «занимались полеводством и садоводством, и доход от этих отраслей хозяйства являлся для большинства горского населения основным источником существования», тем более что земледелие не обеспечивало горца хлебом на весь год [12, с. 81–82].

В качестве подсобных отраслей выступали огородничество, бортничество и рыболовство. Во всех зонах Дагестана разводили домашнюю птицу: кур, гусей, уток, индеек — на равнине и в предгорьях, а в горах — кур.

Развитию промыслов в Дагестане способствовало наличие достаточного количества сырья — шерсти, кости, выращивание сельскохозяйственных культур, обилие красящих веществ. Натуральный характер хозяйства жителей Дагестана обусловил широкое распространение домашних промыслов. В отдельных районах, особенно в горных, они стали главным источником существования. В Дагестане сформировались кустарные промыслы по обработке шерсти, кожи, дерева, камня, глины, железа и т.д. Обрабатывающий промысел играл огромную роль, в данном виде ремесла принимали участие как мужчины, так и женщины. Из шерсти делали войлоки, ковры, платки, бурки, хурджины.

Важное место занимала обработка дерева, в частности производство из него плугов, молотильных досок, вил, лопат, домашней утвари и предметов обстановки, посуды, корыт, табуреток, столов и т. д. [13, с. 110–116], и металла.

Выделка кож отличалась высоким уровнем мастерства, что привело к формированию специальных площадок ремесленного производства. Признанными центрами оружейного и ювелирного производства являлись даргинские села Кубачи, Харбук, Амузги, аварское село Голотль, лакское Кумух и др.

Аварские аулы Анди и Ботлих специализировались на производстве бурок [13, с. 288–289]. Самые искусные мастера по обработке дерева были из аварского села Унцукуль. В Балхаре и Испике создавали глиняную посуду. Особое место среди лакских ремесленных центров принадлежит балхарскому гончарному производству, изделия которого пользовались значительным спросом у народов Дагестана [14, с. 111]. Ковроткачеством занимались во многих селах Дагестана, особенно в селах южного Дагестана. В целом ремесло в Дагестане переросло из домашнего промысла в мелкотоварное производство.

Предметы ремесленного производства горцев не только реализовывались внутри самого Дагестана, но и шли на продажу в Кахетию, Кубинское и Нухинское ханства, а также в зарубежные страны — Персию, Турцию, Российскую империю. Из Дагестана вывозили скот, сухофрукты, марену и изделия кустарных промыслов (в отдельных районах главный источник существования, особенно в горных районах).

В Дагестане все еще продолжало развиваться отходничество. Сложное экономическое состояние заставляло горцев покидать родные дома и искать себе и своим семьям пропитание и на территории Дагестана, и за его пределами — в закавказских и близлежащих русских городах [8, с. 101].

Одновременно с этим на новый уровень выходила и торговля. Из-за натурального характера внутренняя торговля продолжала оставаться меновой. Наиболее крупными торговыми центрами являлись Дербент, Тарки, Хунзах, Чиркей, Кумух и т.д. Внешняя торговля носила товарно-денежный характер. В Дагестане имели хождение персидские, османские, русские, нидерландские и так называемые ханские деньги, чеканка которых происходила в Закавказье. В связи с усилением русско-дагестанских внешнеполитических связей в XVIII в. основное влияние приобретает русский рубль.

Положительный эффект на развитие торговых отношений между Российской империей и Дагестаном оказало введение беспошлинной торговли в 1725 г. после Каспийского похода Петра I и указов Екатерины II в 1762–1765 гг. об освобождении от таможенных пошлин товаров, привозимых из Дагестана и покупаемым дагестанцами у российских купцов [15].

В это время появляются новые черты хозяйственного развития Дагестана. Прежде всего, началась специализация отдельных соседних земель Дагестана. К примеру, по сообщению русского офицера И.-Г. Гербера, горцы Акуша-Дарго, Кюре, Цунта занимались отгонным овцеводством, разводя часть овец специально для обмена на хлеб у жителей соседних равнинно-предгорных земель (это Нижний Кайтаг, Мушкур с Кубой и Кахетия) [16].

Жители той или иной части Дагестана предпочитали то хозяйственное занятие, которое больше подходило к местным условиям. Практиковалось получение продукции с целью обмена. Так, цунтинцы и их соседи занимались разведением баранов и овец, а потом обменивали их на зерно и другие продукты.

Новой чертой хозяйственного развития Дагестана стало стремительное расширение отгонного скотоводства [17]. Не только феодальные владельцы, но и могущественные союзы горских джамаатов начали отгонять свои стада овец на равнинные кутаны.

Довольно быстрыми темпами происходило развитие ремесла и торговли. На смену домашнему ремеслу пришли села — центры специализированного ремесла, где мастера изготавливали продукцию на заказ или продажу. В Кубачах делали брони, латы, кольчуги, медные шлемы, чеканили кувшины для носки воды (мучал), кувшины для питья и омовений, изготавливали котлы для варки пищи. Амузгинцы и харбукцы наряду с железными изделиями выпускали ружья, кинжалы, клинки и многое другое [18]. Благодаря развитию ремесел и «географической специализации» внутри Дагестана торговля развивалась достаточно оперативно [17, с. 157].

Крупнейшим торгово-экономическим центром был Дербент, население которого ко второй половине XVIII в. почти достигло 10 тыс. чел., здесь находилось несколько караван-сараяв, около 50 мастерских и более 30 шелкоткацких заведений. В начале XVIII в. в городе побывало 82 иностранных купца [16, с. 110].

Торгово-экономические отношения с Дербентом имели такие великие государства, как Индия, Китай, Персидская держава, Османская империя. Эту связь они осуществляли через Астрахань. Так, в 1725 г. Дербент посетил 26 индийских торговцев с товарами общей стоимостью около 5227 р. [19]. А Кизляр, став в 1739 г. крепостью и русским административным центром, оплотом царской России на Кавказе, стал именоваться «воротами между Россией и Восточным Кавказом».

Одной из актуальных проблем народов Северного Кавказа является освещение уровня социальных отношений. Социальный строй народов Дагестана в рассматриваемое время характеризовался неравномерностью своего развития.

Вопросы уровня развития социальных отношений, расслоения дагестанского общества находились в неразрывной связи с экономическим развитием Дагестана. Дореволюционные историки архаизировали общественные отношения народов Дагестана, доказывая господство у них родовых отношений даже в XIX в., а советские — высказывали различные мнения, в частности о складывании в Дагестане «классовых феодальных производственных отношений ... осложненных патриархально-родовыми пережитками...» [20, с. 42].

На Северном Кавказе (в том числе и в Дагестане) феодальные отношения развивались неравномерно. Господствующий класс в Дагестане составляют шамхалы, уцмий, нуцалы, ханы, майсумы, т. е. правители всех феодальных владений, пользовавшиеся иммунитетными правами, всей полнотой власти. Они обладали большими земельными угодьями, имениями, оросительными канавами, стадами крупного рогатого скота.

Класс дагестанских феодальных владельцев не был однородным. Вторую группу класса феодалов в Дагестане составляли беки (дети ханов и беков от равного брака). Они находились на службе у феодальных правителей и владели отдельными селами. Титул бека наследовался, как и владение. Беки обязаны были являться по призыву правителя на службу со своими отрядами.

Имелись в Дагестане и личные (служилые) беки, стремившиеся превратить условные владения в безусловные, наследственные. Низшую позицию в феодальной иерархии занимали чанка-беки — дети правителей и беков от неравных браков (брак с женщиной простого происхождения). Чанки могли пользоваться поземельными доходами, но они не имели своих узденей. Они также несли военную службу, владели земельными участками, полученными от отца по наследству.

Близкое к феодальной верхушке положение занимало высшее мусульманское духовенство, принимавшее активное участие в политической жизни. Представители высшего мусульманского духовенства, пользующиеся доходами от своих земельных участков, вакуфных земель, а также частью налога/закят, были приближены к господствующему классу.

На следующей ступени находилось узденство Дагестана, тоже неоднородное по составу («лучшие», «владельческие», «знатные», «первостепенные», «шамхальские»). Лично свободные уздени, составлявшие основную часть населения в феодальных владениях, владели мульком и несли ряд повинностей в пользу феодала.

Узденство сельских общин Дагестана, существовавших самостоятельно, как и союзов, входивших в состав феодальных владений, в исследуемые века не было однородным. Верхушка

уздества обладала несравненно большими участками земли и значительным поголовьем скота, т. е. занимала положение господствующего сословия.

Были в Дагестане и лично зависимые крестьяне – уздени – раяты и чагары. Они находились на земле феодалов, платили ренту продуктами и отработками. Ряды чагаров пополняли безземельные крестьяне, селившиеся на землях феодалов. Целые раятские села были у лакцев, кумыков, аварцев, кайтагцев, табасаранцев. Такие крестьяне несли всю тяжесть повинностей на себе и не имели права переходить к другому феодалу, находясь под угрозой лишения прав даже на движимое имущество.

Самой бесправной частью общества были рабы — лаги, кули, караваши. Они имелись во всех феодальных владениях. Основной источник — пленные, покупка. Рабы не имели никаких прав, даже быть свидетелем. Его убийство не влекло кровной ответственности, возмещался лишь материальный ущерб хозяину. Рабы жили отдельными поселениями.

В XVIII в. социально-экономическое развитие Дагестана представляло собой сложную и многогранную картину, определявшуюся как внутренними процессами, так и мощным влиянием внешнеполитической конъюнктуры. Регион, находясь на перекрестке интересов крупных империй (Османской, Персидской и Российской), переживал периоды значительной нестабильности, военных конфликтов и изменения политических границ, что не могло не отразиться на всех сферах жизни.

Несмотря на частые потрясения, в Дагестане развивались традиционные формы хозяйствования: отгонное животноводство, земледелие (включая террасное), а также кузнечное дело, оружейное производство, ювелирное искусство и ковроткачество. Торговые пути, пролежавшие через Кавказ, способствовали поддержанию экономических связей с соседними регионами, хотя этому периодически мешали военные действия.

Социальная структура оставалась преимущественно феодальной и общинно-родовой с выраженным влиянием горских обществ и духовных лидеров. Процессы имущественного расслоения углублялись, что приводило к формированию различных социальных групп и усилению внутренних противоречий. Таким образом, XVIII в. стал для Дагестана периодом напряженного перехода, когда на фоне сохранения традиционных укладов формировались предпосылки для будущих трансформаций, а регион закладывал основы своего уникального исторического пути в условиях постоянного геополитического давления.

Список источников

1. Умаханов М.-С.К. Дагестан во второй половине XVIII – начале XIX веков: проблемы политического положения, социально-экономического развития и государственного устройства. Махачкала, 2011. 299 с.
2. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. : архивные материалы. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 367 с.
3. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, Вост. лит., 1993. 298 с. EDN: PXWGQR.
4. Очерки истории Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. Т. 1. 392 с.
5. История Дагестана : в 4 т. / отв. ред. В.Г. Гаджиев. М.: Наука, 1967. Т. 1. 431 с.
6. История Дагестана : в 4 т. / В.Г. Гаджиев, С.Ш. Гаджиева, Г.Д. Даниялов [и др.]. М.: Наука, 1968. Т. 2. 368 с.
7. Магомедов Р.М. Адааты дагестанских горцев как исторический источник. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 11 с.
8. Гаджиева С.Ш. Кумыки. М.: Наука, 1961. 387 с.
9. Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке (материалы к сессии). Махачкала, 1954. 97 с.
10. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 408 с.
11. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. : архивные материалы. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 239–246.
12. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 262 с.
13. Асиятилов С.Х. Занятие населения Аварии в XIX–XX вв. Махачкала: Эпоха, 2009. 351 с. EDN: QPMURT.
14. Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала: Госкомиздат ДССР, 1991. 210 с.
15. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств Естества. СПб.: Имп. Академия наук, 1771. Т. 1. 272 с.

16. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. : архивные материалы. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 60–120.

17. Гасанов М.Р. Фундаментальный труд по истории Дагестана // Вестн. Ин-та истории, археологии и этнографии. 2005. № 2. С. 151–156. EDN: OQPHGL.

18. Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб.: Якорь, 1913. 128 с.

19. Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1836. Ч. 3. 392 с.

20. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 372 с.

References

1. Umakhanov M.-S.K. *Dagestan in the second half of the 18th - early 19th centuries: problems of the political situation, socio-economic development, and state structure*. Makhachkala, 2011. 299 p. (In Russ.).

2. *History, geography, and ethnography of Dagestan in the 18th - 19th centuries: archival materials*. Moscow: Eastern Literature Publishing House; 1958. 367 p. (In Russ.).

3. Shikhsaidov A.R., Aitberov T.M., Orzaev G.M.-R. *Dagestan historical works*. Moscow: Science, Eastern Literature Publishing House; 1993. 298 p. (In Russ.). EDN: PXWGQR.

4. *Essays on the history of Dagestan*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House; 1957, vol. 1. 392 p. (In Russ.).

5. Gadzhiev V.G., ed. *History of Dagestan*: in 4 vols. Moscow: Science; 1967, vol. 1. 431 p. (In Russ.).

6. Gadzhiev V.G., Gadzhieva S.Sh., Daniyalov G.D. et al. *History of Dagestan*: in 4 vols. Moscow: Science; 1968, vol. 2. 368 p. (In Russ.).

7. Magomedov R.M. *Customs of the Dagestani highlanders as a historical source*. Moscow: Eastern Literature Publishing House; 1960. 11 p. (In Russ.).

8. Gadzhieva S.Sh. *Kumyks*. Moscow: Science; 1961. 387 p. (In Russ.).

9. Khashaev H.-M. *Socio-economic system of Dagestan in the 19th century (session materials)*. Makhachkala, 1954. 97 p. (In Russ.).

10. Magomedov R.M. *Socio-economic and political system of Dagestan in the 18th - early 19th centuries*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House; 1957. 408 p. (In Russ.).

11. Butskovsky A.M. Excerpts from the description of the Caucasian province. 1812. *History, geography, and ethnography of Dagestan in the 18th - 19th centuries: archival materials*. Moscow: Eastern Literature Publishing House; 1958:239-246. (In Russ.).

12. Khashaev H.M. *Social system of Dagestan in the 19th century*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1961. 262 p. (In Russ.).

13. Asiyatilov S.Kh. *Occupation of the population of Avaria in the 19th - 20th centuries*. Makhachkala: Epoch; 2009; 351 p. (In Russ.). EDN: QPMURT.

14. Marshaev R., Butaev B. *History of the Laks*. Makhachkala: State Publishing House of the DSSR; 1991. 210 p. (In Russ.).

15. Gmelin S.G. *Journey across Russia to explore the three kingdoms of nature*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences; 1771, vol. 1. 272 p. (In Russ.).

16. Gerber I.-G. Description of the countries and peoples along the Western shore of the Caspian Sea. 1728. *History, geography, and ethnography of Dagestan in the 18th - 19th centuries: archival materials*. Moscow: Eastern Literary Publishing House; 1958:60-120. (In Russ.).

17. Gasanov M.R. A fundamental work on the history of Dagestan. *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 2005;(2):151-156. (In Russ.). EDN: OQPHGL.

18. Piralov A.S. *A brief essay on the handicraft industries of the Caucasus*. St. Petersburg: Anchor; 1913. 128 p. (In Russ.).

19. *A review of Russian possessions beyond the Caucasus in statistical, ethnographic, topographical, and financial respects*. St. Petersburg: Printing House of the Department of Foreign Trade; 1836, part 3. 392 p. (In Russ.).

20. Kusheva E.N. *The peoples of the North Caucasus and their connections with Russia (second half of the 16th - 1630s)*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1963. 372 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Б.М. Гусейнова — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Дагестана ДагГУ.

Information about the author

B.M. Huseynova — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Dagestan History, DagSU.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья
УДК 94(479.22)"2003/2013"
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-87-93>

ГРУЗИЯ В НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЮЖНОГО КАВКАЗА ПОСЛЕ «РЕВОЛЮЦИИ РОЗ» (2003–2013 годы)

Альберт Константинович Дудайти ^{1✉}, Мурман Мурадович Кулумбегов ²

^{1,2} Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

¹ adudaiti@mail.ru ✉

² murmankulum@mail.ru

Аннотация. Анализируется трансформация роли Грузии в системе региональной безопасности Южного Кавказа в период после «революции роз» 2003 г. до смены политического руководства в 2013 г. Прослеживается переориентация внешнеполитического курса Тбилиси с постсоветского пространства на евроатлантические структуры, а также её влияние на формат взаимодействия с Россией, США и Европейским союзом. Особое внимание уделяется последствиям грузино-российского вооружённого конфликта в августе 2008 г. для архитектуры безопасности региона, изменению баланса сил и институциональному оформлению новых линий разграничения. На основе анализа официальных документов, внешнеполитических доктрин, заявлений политических лидеров и экспертных оценок показано, как сочетание факторов внутренней модернизации, энергетической и транзитной политики Грузии, а также роста вовлечённости внешних акторов способствовало формированию многоуровневой и конфликтогенной модели региональной безопасности. Сделан вывод, что в рассматриваемый период Грузия одновременно выступала и как объект, и как активный субъект конструирования новой архитектуры безопасности Южного Кавказа, что предопределило стойкость ряда противоречий, сохраняющихся и в последующее десятилетие.

Ключевые слова: Грузия, Южный Кавказ, «революция роз», региональная безопасность, грузино-российский конфликт, евроатлантическая интеграция, энергетическая безопасность

Для цитирования: Дудайти А.К., Кулумбегов М.М. Грузия в новой архитектуре безопасности Южного Кавказа после «революции роз» (2003–2013 годы) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 87–93. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-87-93>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

GEORGIA IN THE NEW SECURITY ARCHITECTURE OF THE SOUTH CAUCASUS AFTER THE ROSE REVOLUTION (2003-2013)

Albert K. Dudayti ^{1✉}, Murman M. Kulumbegov ²

^{1,2} Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

¹ adudaiti@mail.ru ✉

² murmankulum@mail.ru

Abstract. The article analyzes the transformation of Georgia's role in the regional security system of the South Caucasus in the period after the Rose Revolution of 2003 until the change of political leadership in 2013. The reorientation of Tbilisi's foreign policy from the post-Soviet space to Euro-Atlantic structures is evident, as is its impact on the format of interaction with Russia, the United States, and the European Union. Particular attention is paid to the consequences of the Georgian-Russian armed conflict in August 2008 for the security architecture of the region, the changing balance of power and the institutionalization of new demarcation lines. Based on an analysis of official documents, foreign policy doctrines, statements by political leaders, and expert assessments, it is shown how the combination of factors such as internal modernization, Georgia's energy and transit policies, and the growing involvement of external actors contributed to the formation of a

© Дудайти А.К., Кулумбегов М.М., 2026

multi-layered and conflict-prone model of regional security. It is concluded that during the period under review, Georgia simultaneously acted as both an object and an active subject in the construction of a new security architecture for the South Caucasus, which predetermined the persistence of a number of contradictions that persisted in the following decade.

Keywords: Georgia, South Caucasus, Rose Revolution, regional security, Georgian-Russian conflict, Euro-Atlantic integration, energy security

For citation: Dudayti A.K., Kulumbegov M.M. Georgia in the New Security Architecture of the South Caucasus after the Rose Revolution (2003-2013). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):87-93. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-87-93>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Период 2003–2013 гг. стал для Грузии временем радикальной переоценки собственного места в региональной системе безопасности и одновременного поиска внешних гарантий на фоне незавершённых конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. После «революции роз» в Тбилиси сформировалась политическая логика, по которой государственная состоятельность, территориальная целостность и евроатлантическая интеграция рассматривались как взаимозависимые элементы одной стратегии. Однако именно эта связка целей усиливала противоречие между стремлением Грузии встроиться в западные институты и реакцией России, воспринимавшей расширение НАТО и рост внешнего присутствия как прямой вызов балансу сил на Южном Кавказе [1–3].

Новая архитектура безопасности Южного Кавказа в 2003–2013 гг. формировалась не как согласованный региональный проект, а как конкурирующее наложение нескольких рамок — российской (ориентирована на удержание рычагов влияния через конфликты и военное присутствие), западной (основана на институциональной интеграции, реформах) и собственно грузинской (нацелена на ускоренную модернизацию и получение внешних гарантий). В результате безопасность превращалась в поле асимметричного соперничества, где правила игры определялись не только договорами и форматами переговоров, но и внутренними трансформациями государства, внешнеполитическими ожиданиями и динамикой конфликтов [4–6].

Цель исследования — проанализировать, как Грузия после «революции роз» пыталась встроиться в складывающуюся архитектуру безопасности Южного Кавказа и какие факторы ограничивали эффективность этой стратегии в 2003–2013 гг. Для достижения цели решаются взаимосвязанные задачи: выявить ключевые элементы грузинского курса (евроатлантическая интеграция, реформирование сектора безопасности, политика в отношении конфликтов); сопоставить внешние рамки (НАТО/ЕС и российская политика) и их влияние на региональную конфигурацию; проследить переломные точки — от эскалаций середины 2000-х гг. к войне в августе 2008 г. и последующей институционализации «постконфликтного» режима безопасности; оценить, что изменилось после электоральной смены власти в 2012–2013 гг. с точки зрения устойчивости выбранного вектора [7–9].

Методологически работа опирается на сочетание историко-генетического и проблемно-хронологического подходов, позволяющих проследить логику решений грузинского руководства в контексте меняющейся региональной среды. Используются элементы сравнительного анализа (сопоставление механизмов воздействия России, ЕС и НАТО), системного подхода (рассмотрение Южного Кавказа как подсистемы более широких евроатлантических и евразийских процессов), а также качественного контент-анализа документов и экспертных оценок. Источниковую базу составляют официальные документы и публичные заявления сторон, материалы международных организаций и миссий, а также доклады и аналитика, фиксирующие как внутренние реформы, так и внешнеполитические узлы (включая интерпретации причин и ответственности сторон в событиях 2008 г.) [10, 11].

Историография вопроса отражает несколько исследовательских концепций. В западной литературе заметно доминируют интерпретации, связывающие грузинский выбор с постсоветской трансформацией и конкуренцией институтов безопасности: С. Корнелл подчёркивает геополитические ограничения и роль России в формировании «коридоров риска» вокруг Тбилиси [1], а

Л. Митчелл рассматривает постреволюционную эволюцию в связке *демократизация — внешняя поддержка — управляемость реформ* [2]. Существенное место занимает анализ войны 2008 г. и её последствий для европейской безопасности: у Р. Асмуса конфликт трактуется как переломный момент в отношениях России и Запада и сигнал о пересмотре правил на постсоветском пространстве [3], а официальный отчёт независимой международной миссии под руководством Х. Тальявини важен как наиболее авторитетная попытка комплексной реконструкции причин, хода и последствий конфликта [10]. Европейская перспектива, связанная с инструментами ЕС и логикой конфликтного урегулирования, представлена Б. Коппитерсом [4]. Доклады International Crisis Group (ICG) ценны тем, что фиксируют динамику эскалаций накануне войны и политические последствия конфликта, позволяя уточнить механику кризиса [5, 6]. В работах о постреволюционной государственности и безопасности Грузии акцент делается на институциональном строительстве и дилеммах модернизации в условиях конфликтов [7]. С. Маркедонов обращает внимание на структурные ограничения постсоветского Южного Кавказа и роль конфликтности как устойчивого фактора региональной политики [8]. Региональный контекст и взаимосвязанность конфликтов и интеграционных проектов хорошо прослеживаются в работе Т. де Ваала [9], а прикладные исследования о реформировании и гражданском контроле сектора безопасности позволяют конкретизировать внутренние измерения грузинского курса [11].

Предлагаемый подход позволяет рассматривать Грузию не только как объект внешнего давления, но и как участника конструирования региональной безопасности: через реформы сектора безопасности, выбор союзов, переговорные форматы и политические сигналы. Это помогает объяснить, почему в 2003–2013 гг. грузинская стратегия одновременно усиливала международную субъектность Тбилиси и воспроизводила долгосрочную уязвимость — из-за несовпадения целей и временных горизонтов ключевых акторов, а также из-за того, что сама архитектура безопасности региона оставалась спором о правилах, а не системой согласованных гарантий [4, 6, 10].

«Революция роз» 2003 г. стала переломным моментом во внутренней и внешней политике Грузии и одновременно импульсом к переосмыслению региональной архитектуры безопасности на Южном Кавказе. В 2003–2013 гг. грузинское руководство стремилось совместить строительство нации и государства, институциональные реформы и разворот к евроатлантическому пространству в условиях нерешённых конфликтов и активного присутствия России, США, ЕС и НАТО [12]. Этот десятилетний отрезок важен, так как позволяет проследить, каким образом малое государство в конфликтном окружении пытается преобразовать собственные уязвимости в политический ресурс и встроиться в более широкие режимы безопасности [13].

К началу 2000-х гг. режим Э. Шеварднадзе находился в состоянии глубокой эрозии: ожидания «демократического исключения» Грузии не оправдались, а экономический и управленческий кризис, ослабление монополии на насилие и повсеместная коррупция давали основания характеризовать страну как «полупровалившееся государство» с фасадной демократией. К 2003 г. распад правящей партии, усиление региональных элит и рост влияния криминальных сетей дополнительно подорвали вертикаль власти и легитимность руководства. Триггером изменения политической конфигурации стали парламентские выборы 2 ноября 2003 г.: итоговый доклад ОБСЕ/БДИПЧ фиксировал несоответствие части процедур обязательствам ОБСЕ [14], а оппозиция, опираясь на экзитполы и параллельный подсчёт, оспорила результаты. Сочетание институциональной слабости режима и координации оппозиции при участии неправительственных организаций и внешних доноров ускорило переход от электорального спора к уличному протесту [1]. Решающей оказалась позиция силовых структур, часть которых заняла нейтралитет или отказалась от массового насилия, что существенно облегчило передачу власти оппозиции.

После смены власти политическая система выстроилась вокруг «Единого национального движения» и М. Саакашвили, победившего на досрочных выборах 4 января 2004 г. Первые годы после «революции роз» характеризовались сочетанием высокой концентрации полномочий в руках президента и значимой электоральной поддержки [15, р. 246–278]. Реформаторская программа 2004–2005 гг. — обновление кадров в силовом блоке, налоговые изменения, дерегуляция и сокращение мелкой коррупции — была нацелена на восстановление управляемости и укрепление институтов. Успешное для центра урегулирование аджарского кризиса весной

2004 г. без крупномасштабного применения силы стало символом усиления вертикали и показало, как государственно-национальное строительство может сочетаться с политическим давлением и переговорами. В более широкой перспективе переход от институционально слабого постконфликтного государства к более централизованной модели сопровождался поиском нового места Грузии в региональной архитектуре безопасности [15, p. 215–245].

Именно на фундаменте внутривнутриполитической консолидации базировался внешнеполитический разворот. То, что в 1990-е гг. звучало как преимущественно символический лозунг «Возвращение в Европу», после 2003 г. получило закрепление в национальных концепциях безопасности, среднесрочных программах развития и отраслевых стратегиях [16]. Первая концепция середины 2000-х гг. увязала национальные интересы с интеграцией в НАТО и ЕС, обозначая угрозы через нерешённые конфликты, риск применения силы и уязвимость энергетической и транспортной инфраструктуры [16]. Для малого государства такой выбор означал попытку компенсировать дефицит ресурсов встраиванием в более широкий пояс международной безопасности. Реформы мыслились как условие сближения с евроатлантическими институтами, а сам курс — как инструмент укрепления безопасности и политической страховки преобразований [2]. Опыт конфликтов 1990-х гг., война 2008 г. и устойчивый евроатлантический курс заметно влияли на политическую идентичность и восприятие угроз [17, p. 171–176].

Институционализация отношений с НАТО развивалась поступательно: в 2004 г. была согласована индивидуальная программа партнёрства, в 2006 г. Грузия получила режим интенсивного диалога, а Бухарестский саммит 2008 г. зафиксировал формулу о будущем членстве Украины и Грузии при отсутствии плана действий по членству. На практике Тбилиси всё глубже вовлекался в операции и реформы оборонного сектора, фактически расширяя присутствие в евроатлантическом сообществе безопасности без формальных гарантий по ст. 5. После войны 2008 г. концепция 2011 г. уже более определённо фиксировала фактор российского военного присутствия и нерешённых конфликтов как ключевые внешние вызовы и подтверждала евроатлантическую интеграцию в качестве центрального направления политики безопасности, при этом внутренние риски звучали слабее, а выбранный курс выглядел безальтернативным. С точки зрения идентичности евроатлантический выбор всё более воспринимался как естественный путь выхода из постсоветского пространства [17].

США поддерживали эту стратегию. Ещё до 2003 г. Вашингтон видел в Грузии важное транспортное звено и партнёра по борьбе с терроризмом, а после «революции роз» сотрудничество стало более плотным [18]. К середине 2000-х гг. Грузия вошла в число главных реципиентов американской военной помощи на постсоветском пространстве, а реформы сектора безопасности напрямую увязывались со сближением с НАТО. Хартия о стратегическом партнёрстве США — Грузия от 9 января 2009 г. закрепила взаимодействие в сфере обороны и безопасности, экономики и энергетики, поддержки демократии и межобщественных контактов [19], подтверждая особый политический статус Тбилиси при отсутствии формальных гарантий безопасности.

Параллельно укреплялись европейско-грузинские отношения. Включение Грузии в Европейскую политику соседства (2004), План действий ЕС — Грузия (2006) и участие в Восточном партнёрстве с 2009 г. открывали путь к ассоциации и углублённой зоне свободной торговли. Эти форматы воспринимались как инструмент нормативного и экономического сближения с ЕС при отсутствии прямой перспективы членства [20]. После августа 2008 г. ЕС стал главным гражданским актором в сфере управления рисками: он выступил посредником и развернул Европейскую мониторинговую миссию (EUMM) [21, p. 1–2]. Её невооружённый характер позволял ЕС сохранять посредническую роль, а для Грузии миссия стала минимальной гарантией против возобновления крупномасштабных боевых действий. Однако недопуск наблюдателей в Абхазию и Южную Осетию и узкий мандат ограничивали влияние миссии на политические параметры урегулирования [22]. Женевские международные дискуссии, где в 2009–2013 гг. статус конфликтных территорий не обсуждался, но сохранялся регулярный канал контактов, закрепили модель «управления рисками без решения статуса» [10, 23, 24].

Тем не менее попытка «внешнего балансирования» России через сближение с США, ЕС и НАТО сопровождалась резким ухудшением двусторонних отношений. Уже в 2006 г. на фоне шпионского скандала Москва ввела экономические и миграционные ограничения, включая за-

прет импорта вина и минеральной воды и кампанию по высылке граждан Грузии. Исследователи отмечают, что торгово-экономическое давление сузило пространство манёвра руководства Грузии и подорвало социальную поддержку курса «революции роз» [25].

Между тем к августу 2008 г. вокруг Южной Осетии и Абхазии сложилась взрывоопасная ситуация. Ночной обстрел Цхинвала 7–8 августа и ввод российских войск через Рокский тоннель привели к короткой, но интенсивной кампании. Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии 26 августа 2008 г. изменило рамку переговоров и закрепило новую военную реальность: развёртывание российских объектов, модернизация инфраструктуры и «бордеризация» вдоль административных линий институционализировали роль России как ключевого военного актора в западной части Южного Кавказа [3, р. 185–220]. Для евроатлантических структур конфликт стал тестом на пределы вовлечения: политическая поддержка Грузии не перешла в прямое военное вмешательство, что обозначило реальные границы внешних гарантий.

Важным материальным измерением этой архитектуры стал энергетический транзит. Нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан (BTC), завершённый в 2005–2006 гг., дал США и ЕС альтернативный маршрут экспорта каспийской нефти в обход России и Ирана, а для Грузии означал закрепление транзитного статуса и снижение зависимости от российских коммуникаций [26, р. 97–118]. В грузинской политике BTC трактовался и как проект геополитической фиксации страны в дуге Восток — Запад [27, р. 23–34]. Газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум (SCP), введённый в 2006 г., обеспечил транзитные доходы и льготные поставки газа и стал основой участия Грузии в проекте Южного газового коридора, связанного с TANAP и TAP [28]. В результате стабильность Грузии превратилась в предмет заинтересованности ЕС, США, Турции и Азербайджана наряду с Россией [29], а сама инфраструктура стала частью национального понимания безопасности. При этом Москва сохраняла доминирование в ряде других сегментов региональной энергетики и логистики, формируя сложный баланс конкуренции и ограниченного взаимодействия [30]. Война 2008 г. выявила двойственность транзитного статуса: трубопроводы серьёзно не пострадали, однако близость к зоне боевых действий подчеркнула уязвимость коридорной модели и показала, что энергетическая взаимозависимость не гарантирует отсутствия кризисов. К концу периода инфраструктурная асимметрия в связке Азербайджан — Грузия — Турция при исключённости Армении усиливала политические и военные линии раскола, а с российской точки зрения развитие коридора Восток — Запад требовало адаптации стратегии и укрепления альтернативных опор [31, с. 39–56].

Таким образом, опыт 2003–2013 гг. демонстрирует парадоксальную природу стратегии малого государства в конфликтном региональном комплексе. Грузия смогла ускорить институциональную модернизацию, укрепить вертикаль власти, расширить участие в евроатлантических форматах и закрепить статус ключевого транзитного узла, превращая внешнеполитический выбор в элемент государственной идентичности. Однако нерешённые территориальные проблемы и отсутствие формальных гарантий безопасности ограничили устойчивость этих достижений и сделали их зависимыми от динамики российско-западного соперничества и региональной конфигурации после 2008 г. В итоге Грузия оказалась одновременно объектом конкурирующих стратегий крупных акторов и субъектом, пытавшимся реализовать собственное видение безопасности Южного Кавказа, а её транзитные и внешнеполитические преимущества неизбежно сосуществовали с рисками их политизации и милитаризации.

Список источников

1. *Cornell S.E.* Georgia after the Rose Revolution: Geopolitical predicament and implications for U.S. Policy. Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2007. 41 p.
2. *Mitchell L.A.* Uncertain democracy: U.S. foreign policy and Georgia's Rose Revolution. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 192 p.
3. *Asmus R.D.* A little war that shook the world: Georgia, Russia, and the future of the West. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. 254 p.
4. *Coppieters B.* The EU and Georgia: Time perspectives in conflict resolution // Occasional Paper. European Union Institute for Security Studies (EUISS). 2007. № 70. 35 p.
5. International Crisis Group. Georgia and Russia: Clashing over Abkhazia. Europe Report No. 193. 5th June 2008. 35 p.
6. International Crisis Group. Russia vs Georgia: The fallout. Europe Report No. 195. 22nd August 2008. 49 p.

7. Statehood and Security: Georgia after the Rose Revolution / eds. B. Coppieters, R. Legvold. Cambridge, MA: The MIT Press, 2005. 406 p.
8. Маркедонов С. Постсоветский Южный Кавказ: традиционализм плюс модернизация // Прогнозис. 2007. № 1 (9). С. 332–348.
9. De Waal T. The Caucasus: An introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010. 259 p.
10. Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Report. Brussels: Council of the European Union, 2009. Vol. 1. 44 p.
11. Sportel E., Tchkoïdze E. Strengthening oversight of the security sector in Georgia: An agenda for reform. Tbilisi: Caucasus Institute for Peace, Democracy and Development / Center for European Security Studies (CESS), 2013. 106 p.
12. Дудаїтш А.К. Два десятилетия перемен: российско-грузинские отношения после «революции роз» (2003–2023) // Науч. диалог. 2025. Т. 14, № 1. С. 378–397. EDN: GLHSFB. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-1-378-397>
13. Georgian foreign policy: The quest for sustainable security / eds. K. Kakachia, M. Cecire. Tbilisi: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2013. 219 p.
14. Georgia. Parliamentary Elections, 2 November 2003: Final Report. Warsaw: OSCE/ODIHR, 2004. 45 p.
15. Jones S. Georgia: A political history since independence. London: I.B. Tauris, 2013. 376 p.
16. National Security Concept of Georgia. Tbilisi: Parliament of Georgia, 2011. 28 p.
17. Kakachia K., Minesashvili S. Identity politics: Exploring Georgian foreign policy behavior // J. of Eurasian Studies. 2015. Vol. 6, № 2. P. 171–180. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.04.002>
18. Fairbanks C.H. Georgia's Rose revolution // J. of Democracy. 2004. Vol. 15, № 2. P. 110–124. <https://doi.org/10.1353/jod.2004.0025>
19. United States - Georgia Charter on Strategic Partnership. Official bilateral document. Washington, DC, 9 January 2009. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/or/121029.htm?safe=1> (дата обращения: 07.12.2025).
20. European Neighbourhood Policy. EU-Georgia Action Plan. Brussels: European Commission, 2006. 41 p.
21. European Union Monitoring Mission in Georgia. Factsheet. Brussels: Council of the EU, 2012. 2 p.
22. Freire M., Simão L. The EU's security actorness: The case of EUMM in Georgia // European Security. 2013. Vol. 22, № 4. P. 464–477. EDN: SBCFNN. <https://doi.org/10.1080/09662839.2013.808191>
23. Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Report. Brussels: Council of the European Union, 2009. Vol. 2. 450 p.
24. Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Report. Brussels: Council of the European Union, 2009. Vol. 3. 638 p.
25. Newnham R. Georgia on my mind? Russian sanctions and the end of the “Rose Revolution” // J. of Eurasian Studies. 2015. Vol. 6, № 2. P. 161–170. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.03.008>
26. The Baku-Tbilisi-Ceyhan pipeline: Oil window to the West / eds. S. F. Starr, S. E. Cornell. Uppsala: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2005. 150 p.
27. De Haas M. Geo-strategy in the South Caucasus: Power play and energy security of states. The Hague: Clingendael Institute, 2006. 95 p.
28. European Commission. Diversification of Gas Supply Sources and Routes. Brussels, 2020. URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/energy-security/diversification-gas-supply-sources-and-routes_en (дата обращения: 07.12.2025).
29. Shaffer B. The geopolitics of the Caucasus: Actors, interests and strategies // The Brown J. of World Affairs. 2009. Vol. 15, № 2. P. 131–142.
30. Meister S. Energy security in the South Caucasus: The Southern Gas Corridor in its geopolitical environment // DGAP kompakt. Berlin: Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik, 2014. № 2. P. 1–5.
31. Давтян В.С. Энергетическая безопасность Армении и геополитические интересы России на Южном Кавказе. Ереван: Антарес, 2012. 148 с.

References

1. Cornell S.E. *Georgia after the Rose Revolution: Geopolitical Predicament and Implications for U.S. Policy*. Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College; 2007. 41 p.
2. Mitchell L.A. *Uncertain Democracy: U.S. Foreign Policy and Georgia's Rose Revolution*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 2008. 192 p.
3. Asmus R.D. *A little war that shook the world: Georgia, Russia, and the future of the West*. New York: Palgrave Macmillan; 2010. 254 p.
4. Coppieters B. The EU and Georgia: time perspectives in conflict resolution. *Occasional Paper*. European Union Institute for Security Studies (EUISS). 2007, no. 70. 35 p.
5. International Crisis Group. *Georgia and Russia. Clashing over Abkhazia*: Europe Report No. 193 at 5th June 2008. 35 p.
6. International Crisis Group. *Russia vs Georgia. The fallout*: Europe Report No. 195 at 22nd August 2008. 49 p.

7. Coppieters B., Legvold R, eds. *Statehood and Security: Georgia after the Rose Revolution*. Cambridge, MA: The MIT Press; 2005. 280 p.
8. Markedonov S.M. Post-Soviet South Caucasus: traditionalism plus modernization. *Prognosis*. 2007;(1):332-348. (In Russ.).
9. De Waal T. *The Caucasus: an introduction*. Oxford: Oxford University Press; 2010. 259 p.
10. *Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia*: report. Brussels: Council of the European Union; 2009, vol. 1. 44 p.
11. Sportel E., Tchekidze E. *Strengthening oversight of the security sector in Georgia: an agenda for reform*. Tbilisi: Caucasus Institute for Peace, Democracy and Development, Center for European Security Studies (CESS); 2013. 106 p.
12. Dudayti A.K. Two decades of change: Russian-Georgian relations after the Rose Revolution (2003-2023). *Scientific Dialogue*. 2025;14(1):378-397. (In Russ.). EDN: GLHSFB. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-1-378-397>
13. Kakachia K., Cecire M., eds. *Georgian foreign policy: the quest for sustainable security*. Tbilisi: Konrad-Adenauer-Stiftung; 2013. 219 p.
14. *Georgia. Parliamentary Elections, 2nd November 2003*: final report. Warsaw: OSCE/ODIHR; 2004. 45 p.
15. Jones S. *Georgia: a political history since independence*. London: I.B. Tauris; 2013. 376 p.
16. *National Security Concept of Georgia*. Tbilisi: Parliament of Georgia; 2011. 28 p.
17. Kakachia K., Minesashvili S. Identity politics: exploring Georgian foreign policy behavior. *Journal of Eurasian Studies*. 2015;6(2):171-180. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.04.002>
18. Fairbanks C.H. Georgia's Rose Revolution. *Journal of Democracy*. 2004;15(2):110-124. <https://doi.org/10.1353/jod.2004.0025>
19. *United States-Georgia Charter on Strategic Partnership*: official bilateral document at 9th January 2009. Washington, DC. Available from: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/or/121029.htm?safe=1> [Accessed 7th December 2025].
20. *European Neighbourhood Policy: EU-Georgia Action Plan*. Brussels: European Commission; 2006. 41 p.
21. *European Union Monitoring Mission in Georgia*: factsheet. Brussels: Council of the EU; 2012. 2 p.
22. Freire M., Simão L. The EU's security actorness: the case of EUMM in Georgia. *European Security*. 2013;22(4):464-477. EDN: SBCFNN. <https://doi.org/10.1080/09662839.2013.808191>
23. *Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia*: report. Brussels: Council of the European Union; 2009, vol. 2. 450 p.
24. *Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia*: report. Brussels: Council of the European Union; 2009, vol. 3. 638 p.
25. Newnham R. Georgia on my mind? Russian sanctions and the end of the Rose Revolution. *Journal of Eurasian Studies*. 2015;6(2):161-170. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.03.008>
26. Starr S.F., Cornell S.E, eds. *The Baku-Tbilisi-Ceyhan pipeline: oil window to the West*. Uppsala: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program; 2005. 150 p.
27. De Haas M. *Geo-strategy in the South Caucasus: power play and energy security of states*. The Hague: Clingendael Institute; 2006. 95 p.
28. *European Commission. Diversification of Gas Supply Sources and Routes*. Brussels, 2020. Available from: https://energy.ec.europa.eu/topics/energy-security/diversification-gas-supply-sources-and-routes_en [Accessed 7th December 2025].
29. Shaffer B. The geopolitics of the Caucasus: actors, interests and strategies. *The Brown Journal of World Affairs*. 2009;15(2):131-142.
30. Meister S. Energy security in the South Caucasus: The Southern Gas Corridor in its geopolitical environment. *DGAP kompakt*. Berlin: German Society for Foreign Policy; 2014;(2):1-5.
31. Davtyan V.S. *Energy security of Armenia and Russia's geopolitical interests in the South Caucasus*. Yerevan: Antares; 2012. (In Russ.).

Информация об авторах

А.К. Дудайти — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории СОГУ.
М.М. Кулумбегов — старший преподаватель кафедры всеобщей истории СОГУ.

Information about the authors

A.K. Dudayti — Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of World History, NOSU.
M.M. Kulumbegov — Senior Lecturer of the Department of World History, NOSU.

Статья поступила в редакцию 07.12.2025; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 07.12.2025; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья
УДК 94
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-94-101>

РОЛЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПЕРВОЙ АНТИФРАНЦУЗСКОЙ КОАЛИЦИИ

Ольга Александровна Ковалева

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
oakovaleva@sfedu.ru

Аннотация. Рассматриваются события, связанные с началом Французской революции конца XVIII в., ставшие поворотными в судьбе самой Франции и приведшие к радикальной трансформации сложившейся после завершения Тридцатилетней войны и подписания в 1648 г. Вестфальского мира системы международных отношений. Уже в начальный период революции французское правительство сначала медленно и осторожно, а позже гораздо смелее начинает осуществлять территориальные захваты, под предлогом необходимости демократических преобразований присоединяя территории независимых государств к Французской Республике, практически не встречая сопротивления со стороны правительств европейских держав. В числе первых государств, вступивших в войну против революционной Франции, — Австрия и Пруссия. Великобритания же, в силу целого ряда причин как внутривосточного, так и внешнеполитического характера, не могла вступить в войну немедленно. Изменению «приоритетов» британского правительства и принятию решения о начале военных действий против Франции способствовали события, связанные с радикализацией революции и действиями французского Национального конвента, направленными на ее экспансию за пределы Франции во второй половине 1792 г. — начале 1793 г. Именно в этот период Англия спешно начинает готовиться к предстоящему вооруженному конфликту с Францией, параллельно ведя переговоры с Австрией и Пруссией о создании антифранцузской коалиции.

Ключевые слова: революция, парламент, антифранцузская коалиция, нейтралитет, революционная война, переговоры, дипломатические отношения, демократические принципы, скрытая враждебность, парламентские дебаты, договор, декларация, соглашение

Для цитирования: Ковалева О.А. Роль Великобритании в формировании Первой антифранцузской коалиции // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 94–101. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-94-101>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE UNITED KINGDOM'S ROLE IN THE FORMATION OF THE FIRST ANTI-FRENCH COALITION

Olga A. Kovaleva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
oakovaleva@sfedu.ru

Abstract. This article examines the events surrounding the outbreak of the French Revolution in the late 18th century, which marked a turning point in the fate of France itself and led to a radical transformation of the international relations system established following the end of the Thirty Years' War and the signing of the Peace of Westphalia in 1648. Already in the initial period of the revolution, the French government, at first slowly and cautiously, and later much more boldly, began to seize territory, under the pretext of the need for democratic reforms, annexing the territories of independent states to the French Republic, encountering virtually no resistance from the governments of European powers. Among the first states to enter the war against revolutionary France were Austria and Prussia. Great Britain, however, for a number of reasons, both domes-

tic and foreign, was unable to enter the war immediately. The change in the “priorities” of the British government and the decision to begin military action against France were facilitated by events related to the radicalization of the revolution and the actions of the French National Convention aimed at its expansion beyond the borders of France in the second half of 1792 - early 1793. It was during this period that England hastily began to prepare for the upcoming armed conflict with France, while simultaneously negotiating with Austria and Prussia on the creation of an anti-French coalition.

Keywords: revolution, parliament, anti-French coalition, neutrality, revolutionary war, negotiations, diplomatic relations, democratic principles, latent hostility, parliamentary debates, treaty, declaration, agreement

For citation: Kovaleva O.A. The United Kingdom’s Role in the Formation of the First Anti-French Coalition. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):94-101. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-94-101>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Характерной чертой начального периода Французской революции является неоднозначное отношение, которое она вызвала в различных странах Европы. В то время как демократически настроенные слои населения Австрии, Пруссии, России, Испании, государств Апеннинского полуострова, Скандинавских стран восприняли революцию во Франции с восторгом [1, с. 123–114; 2, с. 318–319; 3, р. 191; 4, с. 28–29], консервативная часть общества отнеслась к ней с явной опаской и плохо скрываеваемой враждебностью [5, л. 122; 6, л. 230; 7, с. 344–366]. Вскоре после ее начала монархические правительства ряда европейских стран приняли законодательные акты, призванные воспрепятствовать распространению идей революционных французов на континенте.

В сложившейся обстановке британский кабинет занял особую позицию, официально заявив о своем нейтралитете и невмешательстве во французские дела. Его глава Уильям Питт Младший, давая оценку революционным событиям во Франции, подчеркивал, что все происходящее по ту сторону Ла-Манша является исключительно внутренним делом самих французов: «Наш нейтралитет — не слабость, а мудрость. Французские дела — их [французов] внутренний вопрос. Пусть их эксперименты останутся их проблемой, — заявил британский премьер в одном из своих выступлений в 1791 г. — Наш долг — защищать интересы Британии, а не становиться арбитрами Европы. Мы должны сосредоточиться на внутренних реформах, а не на вмешательстве в чужие конфликты» [Цит. по: 8, р. 89].

Однако на самом деле, опираясь внутри страны на блок консервативно настроенных виггов и депутатов тори, Питт начал исподволь готовиться к войне с Францией сразу же, как только известия о революции стали приходить в Лондон. «Уже тогда [в самом начале Французской революции] Питт как огня боялся ее распространения по всей Европе и в особенности подчинения Австрийских Нидерландов французскому влиянию» [9, с. 416].

Но вступить в борьбу против революционной Франции сразу же, подобно другим европейским монархиям, Великобритания не могла. Это объяснялось рядом причин: во-первых, конец 1780-х гг. ознаменовался ухудшением внутриэкономического положения Англии. К этому привели неурожайные годы, повторяющиеся в Англии с 1789 г. один за другим, и торговый кризис, остро сказавшийся на положении британских купцов с начала 1790-х гг. и перебросившийся затем в область финансов и промышленного производства. Экономическая нестабильность, в свою очередь, привела к обострению социальных конфликтов внутри британского общества.

Во-вторых, этот период отмечался ростом массового демократического движения в Англии, Шотландии и Ирландии, где наряду с выступлениями «дефендеров» и «волонтеров» за политическое равенство и реформу парламента все шире разворачивалась деятельность Общества объединенных ирландцев У. Тона, в качестве одной из главных своих целей поставившего задачу завоевания национального суверенитета Ирландии. В своем донесении в Санкт-Петербург 29 ноября 1790 г. российский посол в Лондоне граф С.Р. Воронцов, в частности, писал: «Во многих местах Ирландии народ желает перемены в образе правления и ... сие устрашило не только министерство, но и честных людей» [Цит. по: 10, с. 63].

В-третьих, внешняя политика кабинета Уильяма Питта Младшего в 1787–1788 гг. и в последующие годы привела Англию к дипломатической изоляции. Ее стремление играть роль политического гегемона на континенте, закрепив свое главенствующее торгово-промышленное положение в Европе и во всем мире, повлекло за собой серию крупнейших международных конфликтов, в ходе которых Англия основательно испортила свои отношения с Австрией, Россией и Испанией [8, р. 562–588]. Одновременно произошло ослабление тройственного англо-пруско-голландского союза, созданного британской дипломатией в 1787–1788 гг.

Таким образом, очевидно, что британский «нейтралитет» в отношении французских дел был фактом временным, вызванным сложным внутривнутриполитическим положением Англии и неблагоприятной для английского правительства внешнеполитической конъюнктурой. Рассуждая о причинах «нейтралитета» кабинета Питта Младшего в отношении революции, граф С.Р. Воронцов отмечал, что главной его целью было максимальное ослабление Франции: «... Что касается ... Англии, то она, конечно, много выигрывает беспорядком Франции, которая нынешним своим сумасбродным демократическим правлением чем долее будет продолжаться, тем хуже будет расстраиваться» [11, л. 35]. Он указал также на то, что существовавший до начала революционных событий во Франции франко-испанский союз всегда был чрезвычайно опасен для Англии, но теперь «Франция ей надолго уже не опасна ... Одним словом, Англия не только не имеет причины помогать восстановлению французской монархии, но еще всячески будет сему намерению препятствовать» [11, л. 35].

К этому следует добавить, что, будучи лишенным возможности сразу же принять прямое и непосредственное участие в антифранцузской коалиции, кабинет Питта Младшего сделал все возможное для борьбы против духа революции в Англии и за ее пределами уже буквально с первых ее месяцев [12, с. 386]. Это подтверждают, в частности, правительственные репрессии против «английских якобинцев» (Бирмингемские погромы, создание «патриотических» обществ Дж. Ривса); решение о приостановке поставок хлеба во Францию летом 1789 г., приведшее к усугублению проблем с продовольствием во французской столице; деятельность английских дипломатических представителей в Париже, во многом носившая характер закамуфлированных антифранцузских акций; поддержка, тайно оказываемая правительством Питта французским контрреволюционерам, и столь же тайное участие британских эмиссаров в совещаниях представителей Пруссии и Австрии с французскими роялистами весной 1791 г. и в выработке знаменитой Пильницкой декларации в августе 1791 г. о готовности Австрии и Пруссии вступить в войну с революционной Францией, подписанной австрийским императором Леопольдом II и прусским королём Фридрихом Вильгельмом II. Контакты английского министра иностранных дел, двоюродного брата британского премьера Уильяма Питта Младшего лорда Гренвиля с послами Австрии и Пруссии не прекращались и после начала войны двух держав против революционной Франции. Британский министр всячески поощрял ее начало. Намереваясь вступить в войну, Англия при этом по-прежнему заявляла о своем нейтралитете. Так, в рескрипте И.А. Остерману от 20 ноября 1792 г. С.Р. Воронцов сообщал, что «прусский посланник барон Якоби ежедневно бывает в канцелярии иностранного департамента [Великобритании]. Сказывают, что министерство с ним обходится весьма откровенно и что связь между сими дворами [британским и прусским] таки усилилась по-прежнему» [13, л. 37].

Наконец, в британских правительственных газетах летом 1792 г. была развернута шумная кампания с целью популяризировать грядущую войну с Францией в английском обществе; тысячи французов — сторонников монархии нашли себе пристанище на территории Англии.

Дальнейшее нарастание революционного процесса во Франции, связанное с «сентябрьскими избиениями» 1792 г., привело к усилению антифранцузских настроений в английских правительственных сферах и среде господствующих классов Великобритании. Очередным поводом для обострения англо-французских отношений стали события, связанные с нарушением Францией запрета на осуществление внешней торговли по р. Шельде, предписанного Вестфальским договором 1648 г. Блокада Шельды была установлена в интересах голландских купцов, поскольку иностранные суда не имели возможности достичь портов Антверпена и Гента, что извлекло эти торговые города Нидерландов от опасного конкурента.

16 ноября 1792 г. французский Национальный конвент принял декрет, в котором объявлялась свобода навигации в устье р. Шельды, вызвавший резко негативную реакцию со стороны английского правительства. Его глава Питт Младший заявил: «Настаивать на открытии реки Шельды — это сам по себе акт, на который французская нация не имела никакого права. Но даже если бы Франция была сувереном Нидерландов, она унаследовала бы лишь те права, которыми пользовался Австрийский дом; и если бы она обладала суверенитетом со всеми его преимуществами, она должна была бы также принять его со всеми вытекающими отсюда последствиями, одной из которых было бы закрытие Шельды. Франция не может иметь права отменять положения, касающиеся Шельды, если только она не имеет также права отменять в равной степени все другие договоры между всеми державами Европы и все другие права Англии или ее союзников. Англия никогда не согласится с тем, чтобы Франция присвоила себе право аннулировать по своему усмотрению и под предлогом естественного права, единственным носителем которого она себя считает, политическую систему Европы, установленную торжественными договорами и гарантированную согласием всех держав. Такого нарушения прав, в котором была повинна Франция, трудно было бы найти в мировой истории. Поведение этой страны в высшей степени непредсказуемо, непостоянно и не основано ни на каком принципе разума или справедливости» [14, р. 45–46]. Заявления же французских дипломатов, что договор о порядке судоходства по р. Шельде устарел, Питт назвал несостоятельными, настаивая на том, что «начиная с Мюнстерского мирного договора и вплоть до 1785 года, исключительное судоходство по Шельде было одним из фундаментальных прав Голландии» [14, р. 45–46].

Более того, глава британского правительства подчеркнул, что, поскольку Англия — союзница Голландии, нет необходимости дожидаться официального обращения со стороны голландского правительства с просьбой о помощи (для того, чтобы Англия могла вмешаться в ситуацию, связанную с разрешением «шельдского кризиса»). В качестве такового обращения Англия могла рассматривать «протест Генеральных штатов против отправления [иностранцев] судов вверх по Шельде» [14, р. 45–46]. «Если эта [английская] палата общин в своей массе добросовестно относится к своим обязательствам, и, если она сохраняет справедливое понимание важности международных договоров, она должна продемонстрировать решимость поддерживать их», — заявил Питт Младший во время одного из своих парламентских выступлений [14, р. 45–46]. «Должны ли мы стоять в стороне в качестве равнодушных зрителей и безучастно смотреть на то, как Франция попирает древние договоры союзников нашей страны? — с пафосом восклицал Питт. — Должны ли мы равнодушно наблюдать за ростом французских амбиций и триумфами французского оружия, из-за которых наши страны подвергаются величайшей опасности? Это, конечно, не причина для того, чтобы Англия была бездеятельной ... И если мы не хотим оставаться в стороне и терпеть, как одно государство за другим будет ниспровергнуто могуществом Франции, мы должны теперь заявить о нашей твердой решимости эффективно противостоять тем принципам честолюбия и возвеличивания, которые имеют своей целью уничтожение Англии, Европы и всего мира» [14, р. 45–46].

19 ноября 1792 г. французский Национальный конвент принял декрет «О помощи и братстве по отношению к другим народам», по сути означавшую легализацию вмешательства Франции во внутренние дела других стран посредством поддержки революционных и демократических движений, возникающих на их территории. Британский премьер Питт Младший назвал ее «вызовом всей Европе». «Их [французские] армии уже у границ Голландии. Мы не можем оставаться в стороне, когда под угрозой баланс сил. Война — это не выбор, а необходимость для сохранения мира!» [15, р. 189–190].

В конце ноября 1792 г. член палаты общин, глава английского внешнеполитического ведомства Уильям Гренвиль заявил, что «французские декреты об экспорте революции — это объявление войны Европе. Они призывают народы свергать монархии. Если мы не ответим, их армии скоро будут у наших берегов. Переговоры невозможны, пока они не откажутся от своих преступных принципов!» [16, р. 1455]. Известный английский дипломат лорд Малмсбери отмечал: «Франция более не управляется разумом — ею правит безумие толпы. Их декреты о „войне против тиранов“ направлены на уничтожение всех монархий. Если мы не объединимся с другими державами, их армии скоро будут маршировать по нашим улицам!» [16, р. 1478–1480].

Особое беспокойство в английских правящих кругах вызвала оккупация французской армией территории Бельгии, которая рассматривалась значительной частью британского политического истеблишмента как повод для начала войны против революционной Франции. Консервативно настроенные английские политики, число которых неуклонно возрастало, высказывали серьезные сомнения по поводу того, что Франция «отказалась и снова отказывается от всех завоеваний, и ее оккупация Нидерландов будет продолжаться только во время войны и на то время, которое может понадобиться бельгийцам для обеспечения и упрочения своей свободы, после чего они станут независимыми и счастливыми, а Франция ... „найдет свое воздаяние в их счастье“» [14, р. 45–46]. Большинство депутатов британского парламента высказывали сомнения относительно того, что французские войска добровольно покинут территорию Южных Нидерландов. Более того, правящие круги Великобритании всерьез опасались, что действие декрета от 19 ноября будет распространено на все захваченные французской армией территории суверенных государств, а не только на те, где, по заверениям французского революционного правительства, их войска «по воле общественности были призваны оказывать помощь и поддерживать братские отношения» [14, р. 45–46].

Захват Францией Бельгии Питт называет лишь первым шагом на пути завоевания всей территории Нидерландов, в том числе и вопреки желанию их населения переходить под французский протекторат: «Я спрашиваю, может ли это означать что-либо еще, кроме того, что они [французы] надеются присоединить Нидерланды в качестве восемьдесят четвертого или восемьдесят пятого департамента к Французской Республике, не означает ли это подчинение Нидерландов абсолютной власти Франции, полную и ни с чем не сравнимую зависимость от нее? Если у кого-то возникнут сомнения по этому поводу, пусть он ознакомится с заявлениями [французского генерала] Дюмурье, который ввел в действие военное положение [на территории Бельгии]. Как вел себя этот генерал, когда прибыл в Брюссель? Разве он не собрал жителей в самой людной части их города, чтобы избрать первичные собрания? Разве он не угрожал местному населению, добиваясь [с его стороны] всеобщего восхищения по поводу своего прибытия в Брюссель!» [14, р. 39]. Как иронично заметил британский премьер, «вокруг [водруженных в центре площади] символов французской свободы была выставлена охрана из числа французских военных, чтобы местные жители не могли уничтожить их. Это показывает, насколько „хорошо“ люди [бельгийцы] восприняли французскую систему принципов» [14, р. 39]. «Всякий раз, когда они [французы], — подчеркивал Питт, — добиваются военного успеха, какой бы ни была ситуация в стране, в которую они прибывают, каким бы ни было ее поведение до этого, какими бы ни были ее политические связи, они полны решимости не отказываться от владения ею, пока не осуществят полное и безоговорочное ниспровержение ее формы правления ... Они не примут, прикрываясь именем свободы, никакой другой модели правления, кроме той, которая соответствует их собственным мнениям и идеям» [14, р. 39].

Используя особое беспокойство правящих кругов Англии в связи с принятием Национальным конвентом декрета от 19 ноября 1792 г. как предлог для открытого вмешательства Англии во французские дела, Питт начал переговоры с Австрией о создании военного союза. Они имели явно антифранцузскую направленность. В то же время, стремясь подготовить общественное мнение к принятию идеи о неизбежности войны с Францией, английские правящие круги всячески подчеркивали антибританский характер действий французского правительства. В качестве примера такого рода действий Питт приводил письмо французского посла в Лондоне месье Шовелена от 27 декабря 1792 г., в котором французский дипломат жаловался на суровые методы управления, применяемые британцами.

31 декабря 1792 г. в британском парламенте было представлено письмо одного из членов французского Исполнительного комитета, морского министра Франции Гаспара Монжа следующего содержания: «Правительство Англии вооружается, а король Испании, воодушевленный этим, готовится напасть на нас. Эти две тиранические державы после преследования патриотов на своих собственных территориях, без сомнения, думают, что смогут подавить свободу и у нас. Их правительства надеются, что они смогут повлиять на приговор, который будет вынесен тирану Людовику [XVI]. Они надеются запугать нас. Но нет! Народ, который сделал себя свободным, народ, который изгнал из недр Франции, вплоть до дальних границ на Рейне, ужасную

армию пруссаков и австрийцев, народ Франции не потерпит, чтобы законы ему диктовал тиран. Король [Георг III] и его парламент намерены начать войну против нас!» [Цит. по: 14, р. 45–46]. Комментируя это письмо, Питт обратил внимание на то, что оно было написано через четыре дня после официального заверения французского правительства о его стремлении к миру с Англией. «Можно ли верить заверениям [о стремлении Франции к миру], данным со стороны Франции месье Шовеленом 27 декабря, когда через четыре дня мы видим, что морской министр Франции пишет такое письмо? — отмечал Питт. — Хотелось бы надеяться, что мы могли бы найти причины, возможно, в результате дружеских объяснений, чтобы не вступать в войну. Но такие объяснения, которые содержатся в этом сообщении, были справедливо отвергнуты» [14, р. 45–46].

Провоцируя усиление антифранцузской истерии в британском обществе, английские правящие круги активно распространяли слухи о том, что французское революционное правительство оказывает финансовую помощь английским радикалам, якобы готовящимся совершить в Англии революцию, подобную французской. В доказательство подобных деяний со стороны французов было обнародовано еще одно письмо морского министра Французской Республики месье Монжа, в котором содержались сведения о планируемой высадке французского десанта на Британские острова: «Эти свободные люди [английские радикалы] уже высказывают недовольство и отвращение к тому, что они поднимают оружие против своих братьев, французов. Что ж, мы придем им на помощь; мы ... протянем руки нашим братьям-республиканцам; тирания их правительства скоро будет уничтожена. Пусть эта идея произведет сильное впечатление на каждого из нас! Монж.» [14, р. 47–48]. Комментируя это письмо, Питт отмечал: «Таково заявление морского министра о своих чувствах; заявление, которое отделяет не только короля, но и парламент Великобритании от народа, который [французы] призывают к установлению республики» [14, р. 47–48]. «Война [с Францией] неизбежна, — заявил Питт во время одного из парламентских заседаний в декабре 1792 г. — Французские принципы угрожают не только монархиям, но и самой идее законности. Их декреты о „войне до победного конца“ требуют от нас ответа силой. Мы объявляем войну не французскому народу, но анархии, которая угрожает стабильности Европы» [15, р. 220].

Предпринятые французской стороной (в ноябре-декабре 1792 г.) попытки достичь компромисса с Великобританией путем переговоров терпят провал из-за неуступчивости англичан и отсутствия у них желания вести серьезный диалог с французскими республиканцами. Питт требует отмены декрета от 19 ноября 1792 г. как неперемennого условия для ведения переговоров, обвиняет Францию в агрессивности, в то время как в самой Англии разворачиваются масштабные и спешные военные приготовления. В конце ноября 1792 г. лорд Гренвиль сообщил послу императора Священной Римской империи графу Стадиону, что он отправил посла в Вену для того, чтобы узнать о планах императора Франца II по вопросу дальнейшего продолжения военных действий против Франции, поскольку, как заявил британский министр, Франция представляет опасность для всей Европы и необходимо объединение всех европейских государств для борьбы с ней.

После казни Людовика XVI 21 января 1793 г., которую британский премьер Питт Младший назвал самым гнусным и зверским деянием, «которое когда-либо имела возможность засвидетельствовать мировая история», отношения с Францией стремительно ухудшаются. «Это [смерть французского монарха] прямой удар по авторитету всякого законного правительства и неприкосновенности личности каждого легитимного суверена», — заявил Питт, выступая в палате общин [14, р. 28]. Уже на следующий день после казни Людовика XVI С.Р. Воронцов сообщил в Петербург, что британский кабинет принимает поспешное решение об отправке британских войск к берегам Нормандии, а также нескольких полков для обороны портов Портсмут и Плимут. Главнокомандующим английской сухопутной армией был назначен лорд Амхерст [17, л. 10–11]. Помимо этого, лорд Гренвиль настаивал на постоянных консультациях с представителями австрийского двора по вопросам согласования планирования совместных операций в ходе предстоящей войны.

События 21 января в Париже явились формальным поводом для высылки французского посла в Великобритании Шовелена из страны. Республиканское правительство Франции считало этот шаг разрывом дипломатических отношений.

1 февраля 1793 г., не дожидаясь нападения со стороны англичан, Национальный конвент объявил войну Англии и союзной ей Голландии. В этот же день британский монарх Георг III обратился к парламенту: «При нынешнем положении дел Его Величество считает совершенно необходимым дальнейшее наращивание своих сил на море и суше и полагается на поддержку палаты общин, которые позволят Его Величеству принять наиболее эффективные меры в нынешней важной ситуации для стабильности, безопасности и права его собственных владений, поддержки его союзников и противодействия стремлению к возвышению и амбициям со стороны Франции, которые всегда были бы опасны для общих интересов Европы, но особенно опасны, когда они связаны с пропагандой принципов, ведущих к нарушению международного права» [14, р. 24]. Уильям Питт в дополнение к королевскому посланию заявил о том, что «последствия этих [французских] принципов были проиллюстрированы тем, что они были воплощены в жизнь на примере одного человека [Людовика XVI], которому сочувствует каждый англичанин. Их последствия в равной степени могут подорвать безопасность торговли, лишит самого ничтожного человека в любой стране всего, что ему наиболее дорого и ценно» [14, р. 24].

С разрывом дипломатических отношений с революционной Францией «мирная» контрреволюция для Англии завершилась. Началось ее активное участие в Первой антифранцузской коалиционной войне [18, с. 40].

Таким образом, исследование показало, что события во Франции конца XVIII в. так или иначе затронули весь Европейский континент. Великобритания в силу различных причин не могла сразу вступить в войну против французского революционного правительства, поэтому на первом ее этапе сохраняла «нейтралитет». В то же время британский кабинет делал все возможное для недопущения распространения французских революционных идей на территории Англии. Радикализация преобразований во Франции, приведшая к казни французского монарха Людовика XVI, рассматривалась британским политическим истеблишментом как непосредственная угроза английскому политическому строю и стала основанием для разрыва дипломатических отношений между двумя странами и вступления Великобритании в Первую антифранцузскую коалицию.

Список источников

1. Манфред А.З. Великая французская буржуазная революция XVIII в. 1789–1794. М.: Госполитиздат, 1956. 286 с.
2. Пристер Е. Краткая история Австрии / сокр. пер. с нем. Н.М. Соболевой [и др.]. М.: Изд-во иностр. лит., 1952. 511 с.
3. Gooch G.P. Germany and the French Revolution. L.; N.Y.: Longmans, Green, 1920. 543 p.
4. Дживелегов А.К. История современной Германии (1875–1952 гг.). СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1908. Ч. 1. 257 с.
5. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.: Сношения России с Наполеом. Оп. 70/5. Д. 206.
6. АВПРИ. Ф.: Сношения России с Испанией. Оп. 58/1. Д. 455.
7. История Польши : в 3 т. / под ред. В.Д. Королюка [и др.]. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. 584 с.
8. Rose J.H. William Pitt and the national revival. L.: Bell, 1912. 365 p.
9. История дипломатии : в 5 т. / сост. В.П. Потемкин, С.В. Бахрушин, А.В. Ефремов [и др.]. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1. 896 с.
10. Загидуллина Г.Н. Англия и революционная Франция (1789–1793) // Новая и новейшая история. 1984. № 3. С. 54–63.
11. АВПРИ. Ф.: Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 526.
12. Егоров А.А. Уильям Питт Младший 1784–1806: решающие годы. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного фед. ун-та, 2017. 444 с.
13. АВПРИ. Ф.: Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 514.
14. The war speeches of William Pitt Younger. Selected by R. Coupland. Oxford: Clarendon Press, 1915. 420 p.
15. The parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803. L.: T. C. Hansard, 1814. Vol. 30. 717 p.

16. The parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803. L.: T. C. Hansard, 1814. Vol. 29. 1014 p.
17. АВПРИ. Ф.: Сношения России с Англией. Оп. 36/1. Д. 469.
18. Борисов Ю.В. Шарль Морис Талейран. М.: Междунар. отношения, 1989. 328 с.

References

1. Manfred A.Z. *The Great French Bourgeois Revolution of the 18th century. 1789-1794*. Moscow: State Political Publishing House; 1956. 286 p. (In Russ.).
2. Priester E. *A brief history of Austria*. Abridged trans. from German by N.M. Soboleva et al. Moscow: Publishing House of Foreign Literature; 1952. 511 p. (In Russ.).
3. Gooch G.P. *Germany and the French Revolution*. London; New York: Longmans, Green; 1920. 543 p.
4. Dzhivelegov A.K. *History of modern Germany (1875-1952)*. St. Petersburg: Brockhaus-Efron; 1908, part 1. 257 p. (In Russ.).
5. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire* (hereinafter - AFPRE). Fund.: Russia's Relations with Naples. In. 70/5. File 206. (In Russ.).
6. AFPRE. Fund.: Russia's Relations with Spain. In. 58/1. File 455. (In Russ.).
7. Korolyuk V.D. et al., eds. *History of Poland: in 3 vols*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1954, vol. 1. 584 p. (In Russ.).
8. Rose J.H. *William Pitt and the National Revival*. London: G. Bell and Sons; 1912. 365 p.
9. Potemkin V.P., Bakhrushin S.V., Efremov A.V. et al., comp. *History of diplomacy: in 5 vols*. Moscow: State Political Publishing House; 1959, vol. 1. 896 p. (In Russ.).
10. Zagidullina G.N. England and revolutionary France (1789-1793). *New and Contemporary History*. 1984;(3):54-63. (In Russ.).
11. AFPRE. Fund: Russia's Relations with England. In. 35/6. File 526. (In Russ.).
12. Egorov A.A. *William Pitt the Younger 1784-1806: the decisive years*. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University; 2017. 444 p. (In Russ.).
13. AFPRE. Fund: Russia's Relations with England. In. 35/6. File 514. (In Russ.).
14. Coupland R., selec. *The war speeches of William Pitt Younger*. Oxford: Clarendon Press; 1915. 420 p.
15. *The parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803*. London: T. C. Hansard; 1814, vol. 30. 717 p.
16. *The parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803*. London: T. C. Hansard; 1814. Vol. 29. 1014 p.
17. AFPRE. Fund: Relations between Russia and England. In. 36/1. File 469. (In Russ.).
18. Borisov Yu.V. *Charles Maurice Talleyrand*. Moscow: International Relations; 1989. 328 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О.А. Ковалева — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений ЮФУ.

Information about the author

O.A. Kovaleva — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations, SFedU.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья
УДК 93/94

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-102-106>

ЗНАЧЕНИЕ ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО АКТА РОССИЯ — НАТО В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 90-х ГОДОВ XX ВЕКА

Константин Валерьевич Маркарян

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
markaryan.constantin@yandex.ru

Аннотация. Анализируется роль и значение Основопологающего акта Россия — НАТО, подписанного в 1997 г., в двусторонних отношениях России и США второй половины 1990-х гг. В основе исследования — изучение широкого круга источников, включая недавно рассекреченные документы американских административных архивов, материалы периодической печати того времени и мемуарную литературу ключевых участников событий. Продемонстрировано, как изначальный оптимизм и надежды на построение нового стратегического партнёрства после окончания эпохи биполярного противостояния были омрачены и постепенно сменились жёсткой реальностью непреодоленного геополитического разлома. Главный камень преткновения, вокруг которого сформировались все противоречия, — болезненный для России вопрос о расширении Североатлантического альянса на восток. В ходе исследования сделан вывод, что Основопологающий акт не стал инструментом разрешения этого глубинного конфликта интересов, он лишь временно его замаскировал. Соединённые Штаты и их союзники добились формальной легитимации своего права на дальнейшее расширение блока, тогда как ослабленная, переживавшая глубокий внутренний кризис Россия была пойдти на вынужденные уступки. Таким образом, данный договор оказался не в состоянии устранить противоречия в отношениях России и США. Он лишь отложил их острое проявление, что предопределило последующий закономерный рост конфронтации и системной напряжённости в отношениях между Россией и Соединёнными Штатами.

Ключевые слова: российско-американские отношения, Основопологающий акт Россия — НАТО, расширение НАТО на восток, Б.Н. Ельцин, Б. Клинтон, «Партнёрство во имя мира», Хельсинкский саммит 1997 г., Совет Россия — НАТО

Для цитирования: Маркарян К.В. Значение Основопологающего акта Россия — НАТО в российско-американских двусторонних отношениях второй половины 90-х годов XX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 102–106. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-102-106>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE IMPORTANCE OF THE RUSSIA-NATO FOUNDING ACT IN RUSSIAN- AMERICAN BILATERAL RELATIONS IN THE SECOND HALF OF THE 90s OF THE 20th CENTURY

Konstantin V. Markaryan

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
markaryan.constantin@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the role and significance of the NATO-Russia Founding Act, signed in 1997, in bilateral relations between Russia and the United States in the second half of the 1990s. The study draws on a wide range of sources, including recently declassified documents from US administrative archives, periodicals of the time, and memoirs of key players. It demonstrates how the initial optimism and hopes for a new strategic partnership after the end of the bipolar confrontation were overshadowed and

---

© Маркарян К.В., 2026

gradually replaced by the hard reality of an unresolved geopolitical rift. The main stumbling block around which all the contradictions arose was the sensitive issue for Russia of NATO expansion to the east. The study concludes that the Founding Act did not serve as a tool for resolving this deep-seated conflict of interests, it merely temporarily masked it. The United States and its allies achieved formal legitimization of their right to further expansion, while a weakened Russia, experiencing a profound internal crisis, was forced to make concessions. Thus, this treaty failed to resolve the contradictions in Russia-US relations. It merely delayed their acute manifestation, which predetermined the subsequent, predictable increase in confrontation and systemic tensions in relations between Russia and the United States.

Keywords: Russian-American relations, Russia-NATO Founding Act, NATO expansion to the east, B.N. Yeltsin, B. Clinton, "Partnership for Peace", 1997 Helsinki Summit, Russia-NATO Council

For citation: Markaryan K.V. The Importance of the Russia-NATO Founding Act in Russian-American Bilateral Relations in the Second Half of the 90s of the 20th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):102-106. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-102-106>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Российско-американские отношения в 1990-е гг. знаменовали собой время надежд. В этот период казалось, что после распада СССР и всего Восточного блока между странами больше не осталось раздражителей. К тому же Россия и США декларировали желание расширить сотрудничество стран по многим вопросам. В Кремле и вовсе стремились к стратегическому характеру сотрудничества с Соединенными Штатами.

Однако ко второй половине 90-х гг. XX в. стало очевидно, что в российско-американских отношениях накопилось немало противоречий, устранить которые не в силах даже хорошие личные отношения Б.Н. Ельцина и Б. Клинтона.

Позиции сторон резко разошлись по спорному вопросу расширения Организации Североатлантического договора (НАТО) на восток. В Москве, несмотря на начавшуюся посткоммунистическую трансформацию, с начала 90-х гг. XX в. давали понять, что подобное развитие событий будет рассматриваться как враждебный шаг. Руководство США всегда подчеркивало, что расширение НАТО не направлено против России [1, с. 76].

Еще в начале 1990-х гг., сразу после установления отношений между новым российским руководством и американской администрацией, страны пытались прийти к компромиссу по этому поводу. Вопрос расширения альянса НАТО на восток вызывал полемику, в том числе и в администрации президента США Дж. Буша.

Если чиновники из Госдепартамента США поддерживали немедленное расширение военного альянса, невзирая на протесты российской стороны, то американское Министерство обороны призывало к большей гибкости в этом вопросе.

С реальным предложением американская сторона выступила только в 1993 г., после того как президентом США стал Б. Клинтон. Было объявлено о создании программы «Партнерство во имя мира», к которой могли присоединиться страны Восточной Европы [2, с. 30].

Президенту России Б.Н. Ельцину впервые о данной программе сообщили во время его встречи с американским госсекретарем У. Кристофером, которая проходила в Москве 22 октября 1993 г. А 22 июня 1994 г. Россия официально присоединилась к программе «Партнерство во имя мира» [3]. Особо подчеркивалось, что участие в данной программе не предполагает автоматического включения в состав альянса НАТО. Но она и не являлась полной заменой идеи о дальнейшем включении в альянс восточноевропейских стран.

В декабре 1994 г. в Москве состоялась встреча президента России Б.Н. Ельцина и вице-президента США А. Гора, на которой обсуждался вопрос расширения НАТО на восток. Российский лидер похвалил программу «Партнерство во имя мира», а Гор, в свою очередь, заверил его, что решение о включении той или иной страны в состав альянса будет происходить после консультаций с Москвой [4, р. 1].

В разговоре с российским президентом А. Гор осознал, что, несмотря на принятие новой программы, расширение НАТО на восток остается чувствительным вопросом для Москвы, причем не только для политического руководства России, но и для всего российского общества.

Во многом поэтому американским дипломатам было рекомендовано избегать резких заявлений по данной теме, а главный программный документ американской администрации, посвященный этому процессу, получил наименование «Построение новой системы безопасности в Европе», название альянса в нем не упоминалось, чтобы избежать дополнительного раздражения со стороны российского руководства.

Очередной раунд переговоров, на которых обсуждался вопрос расширения НАТО на восток, происходил в Москве 9 мая 1995 г., когда в российскую столицу с официальным визитом по случаю празднования 50-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне прибыл президент США Б. Клинтон.

Однако переговоры Б.Н. Ельцина и Б. Клинтона оказались малорезультативными. Пресса, освещая визит Клинтона в Россию и его переговоры с российским лидером, отметила, что в вопросе расширения НАТО на восток главам государств прийти к общему решению не удалось. В газете обратили внимание, что такой итог переговоров скорее был в пользу американского президента [5, с. 1].

Тем не менее во время московских переговоров кулуарно Ельцину и Клинтону удалось договориться, что они вернутся к предметному обсуждению данного вопроса в 1997 г., а до этого момента расширения альянса НАТО не будет. Клинтон предложил перенести обсуждение, так как негативная реакция российского общества на итоговое решение по этому вопросу могла плохо сказаться на рейтинге Б.Н. Ельцина. У российского лидера впереди были непростые выборы в Государственную думу (декабрь 1995 г.) и президентские выборы (1996 г.) [6, р. 2].

К 1996 г. среди чиновников американской администрации стало нарастать понимание, что, несмотря на желание выстроить стратегическое сотрудничество с США, российская администрация не отступит от своих позиций в этом вопросе [7, р. 2].

Критически смотрел на расширение НАТО на восток один из ветеранов американской дипломатии Дж. Кеннан, считавший, что этот шаг сильно ухудшит российско-американские отношения. Это могло привести к утрате доверия со стороны российского общества к демократическим реформам, которые, по мнению Дж. Кеннана, для США должны были стать приоритетной задачей [8, р. 23].

Как только Б.Н. Ельцину удалось переизбраться на второй президентский срок, а также решить вопросы со своим здоровьем, двусторонние контакты между российскими и американскими делегациями, касавшиеся расширения НАТО на восток, снова возобновились.

В ходе неформальных обсуждений российских и американских дипломатов главой российского Министерства иностранных дел Е. Примаковым была озвучена мысль, что Россия заинтересована в налаживании отношений с альянсом НАТО. Однако для Москвы недопустимо включение в состав альянса Украины и стран Балтии, а также размещение ядерного оружия на территории новых членов НАТО. Американскими чиновниками эта позиция российского главы МИД воспринималась как переговорный прогресс.

21 марта 1997 г. в финской столице Хельсинки состоялись российско-американские переговоры, на которых присутствовали президенты России и США. И хотя официальной темой переговоров было заявлено экономическое сотрудничество между странами и контроль над вооружениями, тема расширения НАТО на восток также фигурировала.

Российский президент дал понять своему американскому коллеге, что включение стран Восточной Европы в состав альянса НАТО унижительно для России и он не согласен с этим, но понимая, что иного выбора нет, готов идти на соглашение. Поэтому российская делегация видела своей главной целью минимизировать риски от потенциального расширения альянса [9, р. 2].

О том, что расширение НАТО на восток — неотвратимый процесс, было понятно и внутри российского общества. Так, например, «Российская газета», комментируя итоги переговоров Ельцина и Клинтона, писала, что России не удалось остановить расширение НАТО на восток и остается довольствоваться тем, что на территории новых членов альянса не будут размещать ядерное оружие [10, с. 1].

Согласно воспоминаниям финского дипломата А. Руси, несмотря на то что переговоры явно прошли в пользу американской делегации, при обсуждении вопросов царила дружелюбная ат-

мосфера. А наиболее недовольным по итогам переговоров оказался президент США Б. Клинтон. Правда, его состояние было вызвано травмой ноги, которую он получил незадолго до встречи в Финляндии [11, р. 5].

Именно на переговорах в Хельсинки странам удалось прийти к соглашению по вопросу расширения НАТО на восток, итогом которого стала договоренность о создании Совета Россия — НАТО — площадки, где страны альянсы и Россия могли координировать свои действия и обмениваться информацией [12, с. 167].

Хотя переговоры явно прошли в пользу американской администрации, бывший американский госсекретарь, выдающийся дипломат Г. Киссинджер раскритиковал действия администрации Клинтона. По его мнению, Россия находилась не в том экономическом и политическом положении, чтобы с ней необходимо было идти на какие-либо компромиссы в вопросе потенциального расширения НАТО на восток. Факт сближения России и НАТО Г. Киссинджер рассматривал как уступку для альянса [13].

В кулуарах переговоров в Хельсинки президент России Б.Н. Ельцин просил своего американского коллегу гарантировать невключение в альянс бывших советских республик, говоря о желании выстроить с ними доверительные отношения. Однако Б. Клинтон ответил отказом, отметив, что вступление в НАТО будет проходить открыто и без секретов, а процесс его расширения на восток — плавно [9, р. 3].

Итогом переговорного процесса по этому вопросу стало подписание президентом РФ Б.Н. Ельциным и секретарем НАТО Х. Солано Основополагающего акта Россия — НАТО, которое состоялось 27 мая 1997 г. в Париже.

Несмотря на то что данный документ носил декларативный характер, в нем были прописаны сферы, в которых Москва и Североатлантический альянс планировали сотрудничество: борьба с международным терроризмом, предотвращение распространения оружия массового уничтожения, миротворческая деятельность, проведение совместных учений. Планировалось, что к 2002 г. для более четкой координации будет создан Совет Россия — НАТО.

Наиболее деликатная тема, связанная с продвижением НАТО на восток, также нашла отражение в Основополагающем акте. В документе зафиксировали, что НАТО будет продолжать процесс расширения, но поэтапно. При этом вступающие страны обязались не размещать на своей территории ядерное оружие, а решение о принятии новых членов должно было согласовываться с Москвой [14, с. 7].

Таким образом, можно сделать вывод, что подписание Основополагающего акта Россия — НАТО в 1997 г. лишь замаскировало нарастающие противоречия в российско-американских отношениях, но никак их не решило. Напротив, подписание этого документа окончательно показало неспособность стран прийти к стратегическому сотрудничеству. Во многом потому, что один из главных раздражителей в отношениях России и НАТО, а именно вопрос расширения НАТО на восток, был фактически решен в одностороннем порядке в пользу Соединенных Штатов с определенным количеством уступок в пользу России. Такой подход в решении других спорных вопросов между Россией и США в дальнейшем привел к большому кризису в двусторонних отношениях стран.

Список источников

1. *Ивашкина А.С.* Геополитический анализ отношений России и НАТО // Вестн. ПензГУ. 2015. № 3 (11). С. 75–79. EDN: ULXSKR.
2. *Штоль В.В.* НАТО: от регионального блока к глобальному доминированию // Обозреватель. 2015. № 11 (310). С. 21–35. EDN: RCZQJV.
3. *Братерский А.* Россия и НАТО: как удержаться от войны // Газета.ru. 2019. 22 июня. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/06/22_a_12434671.shtml?utm_auth=false&updated (дата обращения: 04.01.2026).
4. U.S. Department of State F-2017-13804. Doc № C06835143. P. 1-4. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/Doc-4-1994-12-16-Gore-debrief-on-one-on-one-with-Yeltsin.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).
5. *Кононенко В., Эггерт К.* Билл Клинтон уезжает из Москвы с мечом, согласовав с Борисом Ельциным пять совместных заявлений // Известия. 1995. № 84. 11 мая. С. 1.

6. Memorandum for the President from Anthony Lake, July 17, 1995. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/32230-document-7-memorandum-president-anthony-lake-european-securitynato-enlargement> (дата обращения: 04.01.2026).
7. Memorandum for Anthony Lake from John R. Schmidt through Alexander Vershbow, June 21, 1996. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/32231-document-8-memorandum-anthony-lake-john-r-schmidt-through-alexander-vershbow-your> (дата обращения: 04.01.2026).
8. Kennan G.F. A Fateful Error // *The New York Times*. 1997. February 5. P. 23.
9. Memorandum of Conversation, March 21, 1997. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/16823-document-2-memorandum-conversation-private> (дата обращения: 04.01.2026).
10. Как прошла встреча Бориса Ельцина и Билла Клинтона в Хельсинки // *Рос. газета*. 1997. 22 марта. С. 1.
11. Rusi A. This is how Clinton and Yeltsin met in Helsinki in 1997 // *Ilta-Sanomat*. 2018. June 30. P. 5.
12. Фридман А. Берлускони: история человека, на двадцать лет завладевшего Италией / пер. с англ. Т. Азаркович, О. Тихомировой. М.: АСТ, Corpus, 2016. 635 с.
13. Kissinger H. Helsinki fiasco // *The Washington Post*. 1997. March 29.
14. Загорский А.В. Россия — НАТО: что после подписания Основопологающего акта? // НАТО: факты и комментарии. 1997. № 1. С. 6–8. EDN: AEVHTX.

References

1. Ivashkina A.S. Geopolitical analysis of Russia-NATO relations. *Bulletin of Penza State University*. 2015;(3):75-79. (In Russ.). EDN: ULXSKR.
2. Shtol V.V. NATO: from a regional bloc to global dominance. *Observer*. 2015;(11):21-35. (In Russ.). EDN: RCZQJV.
3. Bratersky A. Russia and NATO: how to avoid war. *Gazeta.ru*. 2019. June 22. Available from: https://www.gazeta.ru/politics/2019/06/22_a_12434671.shtml?utm_auth=false&updated [Accessed 4th January 2026]. (In Russ.).
4. *U.S. Department of State F-2017-13804: Doc No. C06835143*. P. 1-4. Available from: <https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/Doc-4-1994-12-16-Gore-debrief-on-one-on-one-with-Yeltsin.pdf> [Accessed 4th January 2026]. (In Russ.).
5. Kononenko V., Eggert K. Bill Clinton leaves Moscow with a sword, having agreed on five joint statements with Boris Yeltsin. *Proceedings*. 1995;(84):1. (In Russ.).
6. *Memorandum for the President from Anthony Lake, July 17, 1995*. Available from: <https://nsarchive.gwu.edu/document/32230-document-7-memorandum-president-anthony-lake-european-securitynato-enlargement> [Accessed 4th January 2026].
7. *Memorandum for Anthony Lake from John R. Schmidt through Alexander Vershbow, June 21, 1996*. Available from: <https://nsarchive.gwu.edu/document/32231-document-8-memorandum-anthony-lake-john-r-schmidt-through-alexander-vershbow-your> [Accessed 4th January 2026].
8. Kennan G.F. A fateful error. *The New York Times*. 1997. February 5. P. 23.
9. *Memorandum of Conversation, March 21, 1997*. Available from: <https://nsarchive.gwu.edu/document/16823-document-2-memorandum-conversation-private> [Accessed 4th January 2026].
10. How Boris Yeltsin and Bill Clinton met in Helsinki. *Russian Newspaper*. 1997. March 22. P. 1.
11. Rusi A. This is how Clinton and Yeltsin Met in Helsinki in 1997. *Ilta-Sanomat*. 2018. June 30. P. 5.
12. Fridman A. *Berlusconi: the story of the man who took over Italy for twenty years*. Trans. by T. Azarkovich, O. Tikhomirova Moscow: AST, Corpus; 2016. 635 p. (In Russ.).
13. Kissinger H. Helsinki fiasco. *The Washington Post*. 1997. March 29.
14. Zagorsky A.V. Russia-NATO: what after the signing of the Founding Act? *NATO: Facts and Comments*. 1997;(1):6-8. (In Russ.). EDN: AEVHTX.

Информация об авторе

К.В. Маркарян — аспирант ПГУ.

Information about the author

K.V. Markaryan — Postgraduate Student, PSU.

Статья поступила в редакцию 08.01.2026; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 08.01.2026; approved after reviewing 23.01.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья
УДК 94(47):791(470.4)
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-107-111>

УРБАНОНИМЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ КИНОТЕАТРОВ)

Алексей Алексеевич Набоков

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск,
Россия
nabokov29@yandex.ru

Аннотация. Дается характеристика социокультурного городского пространства и проводится его анализ. Социокультурное пространство города рассматривается как сложное и многогранное явление, сущность которого обусловлена множеством функций и характеристик. Одной из его значимых составляющих выступает историческая память, связанная с ключевыми событиями в истории города, структурой населения, деятельностью отдельных личностей. Социокультурное пространство города описывается на примере названий кинотеатров XX в., когда они были важным элементом городской среды и повседневной жизни людей. На основе проведенного анализа исторической литературы урбанонимы характеризуются как исторический источник, отражающий ключевые исторические события нашей страны и отдельных городов.

Ключевые слова: урбанонимы, исторический источник, кинематограф, кинотеатр, язык города, историческая память, город, социокультурное пространство

Для цитирования: Набоков А.А. Урбанонимы как исторический источник, характеризующий социокультурное пространство города (на примере названий кинотеатров) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 107–111. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-107-111>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

URBANONYMS AS A HISTORICAL SOURCE CHARACTERIZING THE CITY'S SOCIO-CULTURAL SPACE (ON THE EXAMPLE OF CINEMA NAMES)

Alexey A. Nabokov

Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia
nabokov29@yandex.ru

Abstract. The socio-cultural urban space is characterized and analyzed. The socio-cultural space of the city is considered a complex and multifaceted phenomenon, the essence of which is determined by a multitude of functions and characteristics. One of the significant components of the socio-cultural space is historical memory, associated with key events in the city's history, population structure, and the activities of individuals. The socio-cultural space of the city is described using the example of the names of cinemas of the 20th century, when they were an important element of the urban environment and people's daily lives. Based on an analysis of historical literature, urban names are characterized as a historical source reflecting key historical events in our country and individual cities.

Keywords: urbanonyms, historical source, cinematography, cinema, urban language, historical memory, city, sociocultural space

For citation: Nabokov A.A. Urbanonyms as a Historical Source Characterizing the City's Socio-Cultural Space (on the Example of Cinema Names). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):107-111. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-107-111>

© Набоков А.А., 2026

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Специфика городского пространства определяется его историей, инфраструктурой, образом жизни местного населения. Город является особым социокультурным пространством, для которого характерно существование различных социальных групп, высокая степень мобильности, ценности и коммуникации местного населения.

С.О. Лебедева назвала город «коммуникативным пространством особого типа» [1, с. 30]. С этим мнением можно согласиться. Ведь город — это не просто населенный пункт, отдельная географическая точка. В связи с этим к вопросу изучения социокультурного пространства города обращался широкий круг исследователей. В настоящее время социокультурное пространство города выступает предметом изучения многих наук, прежде всего истории, социологии и философии.

Кроме того, город — это уникальное пространство для формирования исторической памяти, включающей представления, традиции и ценности общества, связанные с прошлым. Важным фактором формирования социокультурного пространства города являются исторические события. Они способствуют изменениям в повседневной жизни городского населения, влияют на социальную структуру населения, культуру и застройку города, сплоченность местного населения и укрепление территориального сообщества. Это связано с тем, что события, которые переживают жители города, способны встраиваться в жизнь человека и его судьбу, воздействовать на жизненную траекторию человека [2, с. 77]. Город способен сохранять и воспроизводить исторические факты и события благодаря находящимся на его территории памятникам архитектуры и деятельности людей, населявших городское пространство. Так, Вяч. Вл. Иванов предложил рассматривать функционирование города как личности, воплощавшей в своем развитии важные исторические события, подвиги и имена выдающихся личностей [3, с. 168].

Городская среда порождает большое количество названий, которые позволяют отличать один городской объект от другого. Высокие темпы жизни городской среды служат благоприятным фактором для производства, функционирования и распространения урбанонимов — номинативных единиц, существующих в употреблении жителей определенного города и обусловленных спецификой городского пространства и быта населения [4, с. 282]. Их распространение вызвано в первую очередь социокультурными причинами [5, с. 156].

Урбанонимы являются собственными именами объектов, находящихся на территории города, это разновидность топонимов, к которым относятся названия географических объектов. Термин «урбанонимы» в науку ввела А.В. Суперанская, впервые рассматривать и обозначать их как вид топонимов стала Н.В. Подольская [6, с. 187; 7, с. 139]. Урбанонимы обозначают различные точки городского пространства и могут отражать назначение заведения, его масштабность и значимость в городской среде. В числе важнейших функций урбанонимов — номинативная (обозначают городские объекты), информативная (позволяют ориентироваться в городском пространстве), рекламная (привлекают внимание людей) [8, с. 260]. Анализ факторов, с которыми могут быть связаны названия городских объектов, позволяет сделать вывод, что они, как правило, соотносятся со следующими характеристиками: 1) природные и климатические особенности региона; 2) периоды жизни человека; 3) проявление национальной идентичности, любви к Родине; 4) исторические события; 5) развлечение и досуг. В настоящее время существуют различные классификации урбанонимов, в частности по их происхождению, функциям и структуре.

Урбанонимы — особое общественное явление, на которое оказывает влияние множество факторов. Урбанонимы охватывают все городские объекты, находящиеся на территории городского пространства. Названия городских объектов имеют высокую степень воспроизводимости в социокультурном пространстве города. Они способны формировать представления о системе ценностей, исторических событиях, а также смене политических режимов и деятелей. Поэтому урбанонимы как важный исторический источник изучали многие исследователи — М.Н. Опалев, С.В. Соловьева, Р.В. Разумов, М.Я. Выходцева, Е.Ю. Болотова. Названия городских учреждений стали объектом изысканий еще в конце 60-х гг. XIX в. В настоящее время это не утратило своей актуальности.

Таким образом, названия городских учреждений можно называть «барометрами социального самочувствия». Не исключение и кинотеатры — значимый элемент культурного пространства города. Они неразрывно связаны с историей страны и городов, в которых функционируют. Названия кинотеатров соотносятся с историческими и политическими событиями, культурой и традициями общества, а также отражают различные периоды из истории развития кинематографа.

Кино — одно из самых молодых видов искусства. Его появление в конце XIX в. связано прежде всего с распространением электричества. Первые в истории человечества киносеансы состоялись в 1895 г. в Париже. А в 1896 г. фильмы демонстрировались и в столичных городах Российской империи. Это стало значимым событием для присутствовавших зрителей. «Мы были тут в таком необычайном восхищении, что по окончании представления громко и долго хлопали в ладоши и громко кричали», — так охарактеризовали первые киносеансы, состоявшиеся в России, зрители [9, с. 8]. Изначально для проведения киносеансов использовались временные помещения, а в начале XX в. их заменили специально построенные здания.

В дореволюционный период в названиях кинотеатров фигурировала отсылка к причине появления данного вида искусства. В названиях часто встречалось слово «электро». Репертуар кинотеатров в это время в первую очередь был направлен на то, чтобы развлечь зрителей. Основная функция кинотеатров данного периода — зрелищность. Поэтому названия кинотеатров во многих городах страны соответствовали их главной цели («Иллюзион», «Эдем», «Мулен-Руж»).

В начале XX в. во всех уездных городах и крупных населенных пунктах Российской империи стали появляться стационарные электротeatры. Как правило, названия кинотеатров были связаны с именами людей, которые способствовали развитию киноискусства, так как большая часть кинотеатров относилась к частным заведениям, обеспечивающим значительный доход своим владельцам. В городах владельцы сдавали в аренду квартиры, дома, отдельные помещения для размещения необходимого оборудования и организации киносеансов. Так, в Москве и Санкт-Петербурге работали кинотеатры, в названиях которых использовались имена собственные («Электротeatр Пегас» («Дом Ханжонкова»), «Синематограф Брокша»). Это подтверждает, что урбанонимы являются одним из самых подвижных городских элементов. Например, открытый в 1913 г. на Триумфальной площади Москвы кинотеатр, носивший название «Электротeatр Пегас», в последующие периоды назывался «Русь», «Горн», «Москва».

В 1910-х гг. здания кинотеатров строились повсеместно — как каменные, так и деревянные. Они создавали вокруг себя приметную визуальную среду, становясь значимым элементом городского пространства.

После прихода к власти большевиков кино становится «важнейшим из искусств» в коммунистическом воспитании. С 1920-х гг. в Советском государстве строились кинотеатры, отличающиеся по архитектуре. Наиболее распространенными названиями кинотеатров в советский период были следующие: «Факел», «Искра», «Первомайский», «Молодежный», «Орион», «Путь», «Звезда». Кинотеатры с такими названиями открывались во многих городах СССР, они соответствовали основным направлениям культурной политики государства. Знаменательны для киноискусства были 1930-е гг. В это время происходит бурное развитие киносети, а также появление звукового кино. Неслучайно названия кинотеатров, открытых в это десятилетие, отражали успехи в развитии киносети («Гигант» (Ленинград), «Ударник» (Москва)).

Особым периодом в развитии киноискусства стали 50–60-е гг. XX в. Данный период отмечен увеличением количества кинокартин, которые выходили в прокат, а также техническими нововведениями, использовавшимися при съемках фильмов. Всё это способствовало росту темпов строительства и открытия новых кинотеатров, учитывая большую популярность кино среди населения страны. Масштабное строительство кинотеатров развернулось в Москве в 1950–1960-е гг. Каждый новый кинотеатр столицы получал своё интересное название: «Пионер», «Буревестник», «Авангард». Помимо этого, названия многих кинотеатров, открытых в то время, были связаны с географическими объектами, символизирующими единство, дружбу, общие традиции и культуру советского народа, в частности с союзными республиками и их столицами («Киев», «Таллин», «Украина», «Рига»); столицами стран социалистического со-

дружества («Улан-Батор»); городами-героями («Брест», «Севастополь», «Ленинград»), героическими населёнными пунктами («Орёл»).

В названиях кинотеатров советского периода отражались и важные исторические события, достижения народа, развитие науки, национальная политика государства, например Победа в Великой Отечественной войне («Мир», «Победа»), покорение космоса («Высота», «Полет», «Сатурн»).

Некоторые названия кинотеатров включали в себя и региональный компонент. Так, Т.В. Петрова и Н.А. Петрова характеризовали наличие регионального компонента в урбанонимах «желанием обозначить принадлежность родному краю, связь с малой родиной» [10, с. 1222]. Подтверждением этого являются кинотеатры «Север» (Архангельск), «Бородино» (Москва), «Северное сияние» (Мурманск), «Аврора» (Санкт-Петербург).

Можно сделать вывод, что в годы советской власти кинотеатрам прежде всего давали броские и запоминающиеся названия. Как правило, они были связаны с идеологией и основными направлениями политики государства: «Дружба» (универсальная категория человеческого бытия), «Заря» (начало новой эпохи).

Процессы глобализации, значительные социально-экономические и политические изменения жизни общества оказали влияние на деятельность и названия городских объектов. В настоящее время названия кинотеатров рождаются в иных условиях (рыночная экономика, свободная конкуренция). На современном этапе развития кинопроката кинотеатры открываются в крупных торгово-развлекательных центрах. Зачастую они не являются самостоятельными учреждениями. Как правило, для современных кинотеатров характерны общие названия: «Синема», «Мираж». Названия кинотеатров сегодня демонстрируют их связь с досугом, а также могут указывать на форму здания кинотеатра или формат проведения киносеансов («Под куполом», «Киномакс 3D», «Люксor IMAX»).

Таким образом, урбанонимы являются важным историческим источником, позволяющим изучать и характеризовать социокультурное пространство города. Они отражают ключевые аспекты истории города и отличительные характеристики местного населения. Названия кинотеатров связаны с разными составляющими жизни общества: идеологией, социально значимыми и культурными событиями, географическими объектами, сохранением исторической памяти, достопримечательностями. Рассмотренные в качестве примера названия кинотеатров подтверждают, что они отражают не только функции заведения, но и культурную политику государства, наиболее яркие тенденции и события какого-либо исторического периода. Данный исторический источник помогает воспроизвести социокультурное пространство города в тот или иной исторический период.

Список источников

1. Лебедева С.О. Город как социокультурное пространство // Изв. Волгоградского гос. техн. ун-та. Проблемы соц.-гуманит. знания. 2010. Т. 8, № 9. С. 29–32. EDN: LNSEOH.
2. Зиммель Г. Смерть и бессмертие // Избр. М.: Юристъ, 1996. Т. 2. 596 с.
3. Иванов Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4 : Знаковые системы культуры, искусства и науки. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 165–179.
4. Катанадзе А.А., Красильникова Е.В. Лексика города (к постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке / отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1982. С. 280–292.
5. Николина Н.А., Дозорова Д.В. Универбаты-урбанонимы в социокультурном пространстве города // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Т.И. Рябовой. Брянск: Брянская гос. инженер.-технол. академия, 2015. С. 155–161. EDN: XQYCTZ.
6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 356 с.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 192 с.
8. Яковлева Т.В., Демичева В.В., Еременко О.И. Языковой портрет города в его названиях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 6. С. 258–261. EDN: RBENCR.
9. Зоркая Н.М. История советского кино. СПб.: Алетей, 2005. 542 с.
10. Петрова Т.В., Петрова Н.А. Функционирование региональных урбанонимов г. Архангельска // Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения : материалы науч. конф. проф.-препод. состава,

науч. сотрудников и аспирантов Северного (Арктического) фед. ун-та им. М.В. Ломоносова. Архангельск: Северный (Арктический) фед. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2016. С. 1220–1224. EDN: WYXRRL.

References

1. Lebedeva S.O. The city as a socio-cultural space. *Bulletin of the Volgograd State Technical University. Problems of Social and Human Knowledge*. 2010;8(9);29-32. (In Russ.). EDN: LNSEOH.
2. Simmel G. Death and immortality. *Selected works*. Moscow: Lawyer; 1996, vol. 2. 596 p. (In Russ.).
3. Ivanov V.V. Towards the semiotic study of the cultural history of a large city. *Selected works on semiotics and cultural history. Vol. 4: Sign systems of culture, art and science*. Moscow: Languages of Slavic Cultures; 2007:165-179. (In Russ.).
4. Katanadze A.A., Krasilnikova E.V. Vocabulary of the city. Towards the formulation of the problem. *Methods of nomination in modern Russian*. D.N. Shmelev (ed.). Moscow: Science; 1982:280-292. (In Russ.).
5. Nikolina N.A., Dozorova D.V. Univerbats-urbanonyms in the socio-cultural space of the city. *Problems and trends in the development of the socio-cultural space of Russia: history and modernity*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. T.I. Ryabova (ed.). Bryansk: Bryansk State Engineering and Technology Academy; 2015:151-156. (In Russ.). EDN: XQYCTZ.
6. Superanskaya A.V. *General theory of proper names*. Moscow: Science; 1973. 356 p. (In Russ.).
7. Podolskaya N.V. *Dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow: Science; 1978. 192 p. (In Russ.).
8. Yakovleva T.V., Demicheva V.V., Eremenko O. I. Linguistic portrait of the city in its names. *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*. 2013;(6):258-261. (In Russ.). EDN: RBENCR.
9. Zorkaya N.M. *The history of Soviet cinema*. St. Petersburg: Aleteya, 2005; 542 p. (In Russ.).
10. Petrova T.V., Petrova N.A. Functioning of regional urbanonyms of Arkhangelsk. *Development of the North Arctic region: problems and solutions*. Proceedings of the Scientific Conference of the teaching staff, research associates and postgraduate students of the Lomonosov Northern (Arctic) Federal University. Arkhangelsk: M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, 2016:1220-1224. (In Russ.). EDN: WYXRRL.

Информация об авторе

А.А. Набоков — аспирант кафедры отечественной истории САФУ.

Information about the author

A.A. Nabokov — Postgraduate Student of the Department of National History, NAFU.

Статья поступила в редакцию 07.12.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 07.12.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья
УДК 821.133.1+94(44)
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-112-119>

ОСАДА СТРАСБУРГА 1870 ГОДА В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ И СОВРЕМЕННИКОВ

Владимир Павлович Подольников^{1✉}, Даниил Эдуардович Прилепский²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ podolnikov@list.ru ✉

² prilepskii@sfedu.ru

Аннотация. На основе анализа воспоминаний очевидцев и участников событий впервые в отечественной исторической литературе рассматривается история локального события Франко-прусской войны 1870–1871 гг. — осады французского города Страсбурга немецкими войсками в августе-сентябре 1870 г. На этом примере раскрыты причины стремительного военного поражения Второй империи в результате неподготовленности страны к войне, непрофессионализма армейского командования, плохой организации обороны, коммуникаций и связи. Показаны бесчеловечные методы ведения военных действий против осажденных жителей города со стороны немецких вооруженных сил. Передан спектр эмоций, пережитых участниками обороны Страсбурга.

Ключевые слова: Страсбург, мемуары, осада, Франко-прусская война, Ульрих, бомбардировки, Красный Крест, штурм города

Для цитирования: Подольников В.П., Прилепский Д.Э. Осада Страсбурга 1870 года в воспоминаниях очевидцев и современников // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 112–119. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-112-119>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE SIEGE OF STRASBOURG OF 1870 IN THE MEMOIRS OF EYEWITNESSES AND CONTEMPORARIES

Vladimir P. Podolnikov^{1✉}, Daniil E. Prilepskiy²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ podolnikov@list.ru ✉

² prilepskii@sfedu.ru

Abstract. Based on an analysis of the memoirs of eyewitnesses and participants, this is the first Russian historical study to examine the history of a local event during the Franco-Prussian War of 1870-1871 - the siege of the French city of Strasbourg by German troops in August-September 1870. This example reveals the causes of the Second Empire's swift military defeat, which arose from the country's lack of preparation for war, the incompetence of the army command, and the poor organization of defense, communications, and communications. It also reveals the inhumane methods of warfare used by the German armed forces against the besieged city's residents. It conveys the range of emotions experienced by those who defended Strasbourg.

Keywords: Strasbourg, memoirs, siege, Franco-Prussian War, Ulrich, bombing, Red Cross, storming of the city

For citation: Podolnikov V.P., Prilepskiy D.E. The Siege of Strasbourg of 1870 in the Memoirs of Eyewitnesses and Contemporaries. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):112-119. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-112-119>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

© Подольников В.П., Прилепский Д.Э., 2026

Франко-прусская война 1870–1871 гг., подобно мощному тектоническому сдвигу, навсегда изменила контуры европейского политического ландшафта и оказала глубокое влияние на судьбы миллионов людей. Среди многочисленных сражений и трагических событий этой войны особое место занимает осада Страсбурга — города, расположенного на стыке французской и немецкой культур, ставшего своеобразным символом столкновения двух миров.

В отечественной историографии осада Страсбурга никогда не являлась предметом специального исследования. Между тем этот эпизод войны позволяет на локальном примере раскрыть причины стремительной военной катастрофы Второй империи, которые проявились, с одной стороны, в бездарности французского армейского командования, деморализации боевого духа, плохой организации обороны, коммуникаций и связи, ложных слухах, дезориентирующих французов; с другой — в умелых действиях германцев, применивших, вопреки моральным императивам, самые жестокие методы подавления сопротивления осажденных страсбургцев. Кроме того, воспоминания французских и немецких участников осады дают возможность воссоздать духовную атмосферу, царящую в городе.

Страсбург в канун войны 1870–1871 гг. представлял из себя крупную массивную крепость, выстроенную, однако, по технике бастионного строительства XVII в. Данный бастион не перестраивался вплоть до середины XIX в., так как с момента его включения в состав Французского государства он не подвергался значительному военному давлению со стороны других государств, что и обусловило его военно-техническую отсталость от его ближайшего соседа Меца, которому отводилась более значительная роль как оборонительного приграничного поста [1, с. 185].

Командующим обороной города был назначен опытный генерал Ульрих, участник Крымской войны и войны за независимость Италии. 21 июля 1870 г. он приехал в Страсбург и принял под свое командование 6-ю территориальную дивизию.

Сразу по прибытии генерал Ульрих отметил критическую ситуацию с обороной города. Согласно его записям, министр запретил расчистку зоны в самом городе от деревьев и насаждений, что, по мнению Ульриха, создавало серьезные помехи для обзора и дальнейшей обороны и впоследствии ухудшило позицию обороняющихся. Кроме того, Страсбург не имел необходимого вооружения на своих валах, несмотря на статус действительно важной крепости: «...250 орудий четырнадцати различных калибров, от горной гаубицы, довольно бесполезной при осаде, до 24-фунтового орудия, составляли с несколькими мортирами материальную часть обороны. Многие из этих орудий не были установлены на позиции» [2, р. 6]. Ситуацию усугубляло и то, что осадное положение, введенное на границе для крепостей, заменили на военное. Гарнизон был представлен лишь остатками нескольких подразделений, включая рабочих, а также артиллеристами и инженерами в минимальном составе. Всю пагубность сложившейся ситуации можно оценить на примере корпуса инженеров, который состоял из «восьми солдат с таким же количеством унтер-офицеров, плюс пять офицеров, включая директора фортификаций; абсолютно как в мирное время» [2, р. 7]. К этому стоит добавить переданный маршалом Мак-Магоном в подчинение генералу всего лишь один 87-й линейный полк полковника Бло, о чём позже с явным негодованием будут сообщать участники тех событий.

В таких условиях Ульрих был вынужден устраивать будущую оборону города. Между тем после поражений французской армии в битвах при Висамбуре (4 августа) и Фрешвиллере (6 августа) Страсбург стал центром, куда стекались отступающие войска. Обстановка в городе с этого момента вплоть до капитуляции гарнизона прекрасно описана Г. Фишбахом [3]. Причем автор говорит не о мифических успехах обороняющихся, что было свойственно французской прессе времён войны 1870–1871 гг., а о действительном положении дел в осаждённом Страсбурге, с многочисленными человеческими жертвами и разрушениями.

Г. Фишбах отмечает критическое состояние французской армии, которая после первых поражений в приступе панического страха стремительно отступала в Страсбург: «Гусары, кирасиры, артиллеристы, туркосы, зуавы, пешие егеря — каждый вскочил на первую попавшуюся лошадь, и вся эта толпа неслась с яростью, выкрикивая на ходу испуганным жителям: „Пруссаки! Пруссаки!“ ... Неопишное волнение мгновенно охватило население, и на улицах воцарилась лихорадочная суета. В то же самое время в предместьях показались повозки с ранеными с места сражения, произошедшего за два дня до этого, при Висамбуре, и вид этих людей, покры-

тых кровью и грязью, искалеченных тел, которые перевозили прямо на виду у всех, окончательно погрузил город Страсбург в траур» [3, р. 1–2]. Впоследствии данный страх перекинулся и на местную городскую организацию: «По улице разнесся зловещий звук: бьют сбор! Магазины, дома закрываются; солдаты бегут в казармы; все думают, что враг уже у ворот. Отдаются приказы во все направления; подъемные мосты подняты, и в семь часов вечера город полностью закрыт. Сотни жителей остаются за стенами, умоляя их впустить, и наконец получают возможность снова войти» [3, р. 2].

Начинается полномасштабное наступление немецкой армии на регион Эльзаса и его главный город – Страсбург.

Утром 7 августа жители увидели расклеенные листовки, в которых было заявлено, что город переведён на осадное положение. В этот же день был созван совет обороны, в состав которого вошли важные военные и гражданские лица. Этот совет, как отмечал позднее Ульрих, играл ключевую роль в принятии всех решений, связанных с обороной.

С 7 августа почтовая связь с внешним миром для страсбургцев стала нерегулярной, также была прервана телеграфная связь, и с этого момента «начался период изоляции и неопределённости, в котором город жил в течение долгих недель, когда слухи, толки и ложь были единственной пищей для тревожного любопытства населения» [3, р. 6]. Отсутствие достоверной информации от официальных источников создавало вакуум, который люди невольно заполняли слухами, домыслами и предположениями. Слухи о зверствах врага, скором штурме и надвигающемся бедствии провоцировали панику и отчаяние, а непрерывный поток тревожных новостей, который станет постоянным спутником на время осады, будет крайне сильно истощать моральные силы жителей города.

Однако, несмотря на явные признаки наступления немецких войск, жители города полностью отрицали возможность начала осады: «...казалось, что нападение на Страсбург считается невозможным, а те, кто говорил о вероятности осады, блокады, бомбардировки, были пессимистами, которые не могли в смятении, вызванном страхом, составить себе представление о ситуации. Пытались доказать, что не может быть и речи о наступательном движении против Страсбурга, поскольку целью Германии была столица Франции, и Германия, как говорили, не могла отделить от своей армии войска, которые были бы необходимы для нападения на Страсбург. Если бы Париж пал в руки немецкой армии, Страсбург сам собой пал бы к ее ногам, и поэтому не было никакой необходимости тратить время и солдат вокруг этой крепости» [3, р. 10].

В последующие дни ситуация усугублялась. Немецкие войска подходили к городу. И 8 августа, как свидетельствует заместитель мэра А. Шнееганс [4], кавалерийский отряд Баденской дивизии чуть не взял Страсбург, но «случайность распорядилась так, что ворота оказались закрыты. Баденцам пришлось остановиться» [4, р. 66]. Представители прусской армии выдвинули ультиматум о сдаче города, который был сразу же отклонён. По словам Ульриха, полковник Дюкасс, командующий крепостью, в ответ на требование о капитуляции лишь отшутился, показывая, что они готовы сражаться. Подготовка к обороне шла полным ходом: укрывали проходы в город, собирали припасы и организовывали эвакуацию гражданских лиц.

13 августа связь Страсбурга с внешним миром окончательно прервалась. «...Железная дорога была перерезана; телеграфные провода были оборваны; единственные депеши, которые все еще могли дойти до города из Верхнего Рейна, были, таким образом, также отменены» [3, р. 22], а взаимодействие с близлежащими селениями прекратилось, так как их уже оккупировали прусские войска.

Кратковременную эйфорию среди населения вызвали ложные слухи о значительных успехах французской армии и внезапном отступлении противника из окрестностей города. Но она сменилась разочарованием в результате опровержения этой информации.

Внутри крепости отмечалось усиление мобилизационной активности. Форсировались работы по подготовке города к осаде. Первоочередной задачей осажённых жителей стала вырубка деревьев, перекрывающих обзор на близлежащую к городу территорию. Генерал Ульрих в своих воспоминаниях повествует о вылазке 18 августа, во время которой немногочисленные силы осажённых «бросились на кладбище Святой Елены, сбили ограждения ударами кирок, частич-

но засыпали рвы, срубили деревья, подожгли соседние дома, которые могли помешать обороне» [2, р. 27].

Страсбург оказался в окончательной осаде. В период с 15 по 22 августа горожане уже начали ощущать первые трудности жизни в условиях постоянных бомбардировок.

Как свидетельствует А. Шнееганс, после бомбардировки в ночь с 15 на 16 августа «почтенный страсбургский священнослужитель нарисовал на плане города траекторию снарядов: странный факт! Все эти снаряды сходились к собору как к общей точке прицеливания!» [4, р. 102]. Вероятно, данные действия имели цель подорвать моральных дух осаждённых.

В числе первых общественных зданий, пострадавших от прилётов артиллерийских снарядов, оказались здания Национального банка и популярного среди горожан кафе *Vauzin*. Начались жертвы среди мирного населения. «На улице Жу-де-Занфан ... снаряд попал ... в кровать бедной женщины и отрезал ей обе ноги» [3, р. 37]. Возникли пожары, что вызвало среди некоторой части населения подъём энтузиазма. В частности, жители одного из кварталов города организовали службу наблюдения и оказания первой помощи при пожаре. «Каждую ночь отряд из 15 невооружённых человек собирается и следит посредством частых патрулей за всем, что может привести к катастрофе. В случае пожара он немедленно направляется на место происшествия с одним или несколькими насосами, поднимает тревогу и заменяется на посту новым отрядом...» [3, р. 44–45].

Вскоре в городе начались серьёзные трудности с продовольствием, но «время от времени удавалось ввезти в город некоторые продовольственные запасы, некоторый скот; и бесстыжие спекулянты спешили извлечь выгоду из несчастного положения жителей, чтобы продавать им по самым высоким ценам продукты, которые они рано утром покупали у ворот» [3, р. 71–72].

Именно такая ситуация сложилась в городе накануне самой масштабной бомбардировки в ночь с 23 по 24 августа, оказавшей значительное влияние на моральное состояние его защитников. В отличие от предыдущих обстрелов, направленных в основном на военные объекты, эта атака была сконцентрирована на исторических зданиях и объектах культурного значения. Прусская артиллерия намеренно целилась именно в гражданские сооружения: «Когда ночь опустилась на спящий город, немецкие батареи зажглись ... Снаряды поднимались на невероятную высоту ... пролетая над передовыми фортами, над крепостной стеной и обрушиваясь с оглушительным громом на город. Они обрушились на аристократические кварталы ... на больницы, где развевался женеvский крест ... на святые места, где хранились художественные и научные сокровища города» [4, р. 110].

В дополнение к этому прусские войска применяли тактику огненной войны, используя зажигательные снаряды. Пожар начал распространяться по всему городу [3, р. 85]. Массовая бомбардировка в совокупности со всепоглощающим пожаром значительно повредила гражданскую инфраструктуру города. «... Внезапно язык пламени вырвался из крыши библиотеки; снаряды обрушились на эту светящуюся точку; длинная крыша церкви охватилась пламенем; башенка рухнула в огненную печь; библиотека рухнула» [4, р. 110–111]. Потеря последней была особенно остро воспринята интеллектуалами города, поскольку в ней находились документы, датированные IX веком, и другие исторические артефакты, что придавало ей статус регионального интеллектуального центра. В результате пожара был уничтожен также арсенал и пороховой погреб.

Эта ночь сопровождалась многочисленными жертвами среди гражданского населения. «На улице — несчастные, спасающиеся бегством; женщины с детьми на руках, плачущие и растерянные, бегущие как сумасшедшие в поисках убежища; старики, больные, которых с трудом уносили; здесь раненый, стонущий, там умирающий, хрипящий; иногда в окнах — душераздирающие крики, призывы о помощи; затем падающие черепицы, обрушивающиеся дымоходы ... пламя уже вырывается через двадцать выходов, через крышу, через окна, через все отверстия, и жители, укрывшиеся в подвале, спешно покидают убежище, которое они считали безопасным, счастливые, если при бегстве их не поразит снаряд или обломки их дома, который начинает рушиться» [3, р. 89].

Люди гибли не только от прямых попаданий снарядов, но и в результате пожаров и обрушения зданий. Особую трагедию представляла гибель детей, в том числе в больнице, отмеченной знаком Красного Креста и также подвергшейся бомбардировке.

«До пяти часов утра снаряды, бомбы, ядра производили ужасающие разрушения, поджигая, убивая, разрушая все, — писал генерал Ульрих о той злополучной ночи. — Не только гарнизон понес убитых и раненых, но и многие жители стали жертвами этой ужасной бомбардировки» [2, р. 44].

Однако это не сломило боевой дух защитников города и, вместо того чтобы посеять панику, лишь укрепило решимость страсбургцев продолжать сопротивление и защищать свой город любой ценой. Одновременно был поставлен под сомнение моральный облик прусской армии. Более того, бомбардировка вызвала дипломатическую реакцию, включая протест со стороны гражданских властей Страсбурга, безуспешно пытавшихся убедить прусское командование прекратить обстрелы гражданских объектов. Это событие подняло важные вопросы о военных преступлениях и ответственности за уничтожение культурного наследия во время вооруженных конфликтов.

Гражданское население несло тяжелые потери, с каждым днем увеличивалось число убитых и раненых, что непосредственно сказывалось на внутреннем состоянии осаждённого общества Страсбурга. Снаряды и осколки поражали людей в домах и на улицах. Нехватка продовольствия и медикаментов усугубляла ограничения, а неспособность правительства обеспечить безопасность привела к росту преступности, в частности мародерства в разрушенных домах: «Пока огонь пожирал улицы Страсбурга, пока жители бежали из своих жилищ, спасаясь от пламени и летящих снарядов, жалкие воры проникали в объятые пламенем и оставленные дома, где предавались грабёжам. Взламывая шкафы, обыскивая каждый уголок ... они рыли землю в поисках спрятанных сокровищ ... эти презренные мерзавцы беспрепятственно творили свои злодеяния» [3, р. 124]. Эффект от каждодневных бомбардировок был достигнут: моральное состояние защитников города оставляло желать лучшего.

О последующей интенсивности обстрелов города можно судить из воспоминаний И.С. Тургенева, находившегося в г. Баден-Баден на противоположной стороне Рейна. «Бомбардирование Страсбурга все продолжается; даже при закрытых окнах проникают до меня мерные глухие сотрясения...» [5, с. 319].

Информация из внешнего мира была весьма скудной и зачастую недостоверной, что вызывало тревогу и дезориентацию среди населения. Ложные слухи о победах французских войск периодически давали надежду, но быстро сменялись разочарованием. Немецкая военная машина явно пыталась надломить боевой дух защитников не только снарядами, но и информационным влиянием. А. Шнееганс так описывал распространяющиеся слухи в городе в начале сентября 1870 г.: «...немецкие газеты, которые попадали в город, приносили депеши, находившиеся в абсолютном противоречии с этими слухами ... 3 сентября говорили об отличных новостях, принесенных шпионами и сообщенных гарнизону; 4 сентября франтирёр сорвал с одного из деревьев немецкую афишу, возвещающую о поражении Мак-Магона; 5 сентября префект распространил мнимую новость, принесенную агентом и говорящую о прибытии спасательного корпуса, который находится в 20 километрах от Страсбурга ... через 2 дня был получен номер газеты, содержащий известие о поражении при Седане и о пленении Наполеона III» [4, р. 166–167].

Несмотря на тяжелые условия жизни, жители Страсбурга проявляли мужество и стойкость. Солдаты и гражданские лица, военнотружущие национальной гвардии и добровольцы, церковные организации и обычные граждане участвовали в защите города и оказывали помощь пострадавшим и нуждающимся [3, р. 163].

Одним из самых ярких моментов осады Страсбурга в воспоминаниях очевидцев является прибытие в город 11 сентября делегации Красного Креста из Швейцарии. Как свидетельствует генерал Ульрих, после переговоров с немцами сторонам удалось прийти к соглашению, по которому делегация швейцарских посланцев выведет из города семьи, «находящиеся в наибольшей нужде». После официальной встречи делегация начала свою работу, изучая ситуацию в городе и планируя эвакуацию нуждающихся. Несмотря на радостное событие, жизнь в городе

продолжалась под аккомпанемент артиллерийской канонады, напоминавшей о жестокой реальности осады. На протяжении всего дня делегаты пользовались огромным уважением и благодарностью страсбургцев, видевших в них надежду на спасение для своих близких. В этот день сердца жителей, уставших от страданий, наполнились верой в лучшее будущее, хотя тень войны по-прежнему нависала над городом [3, р. 170].

Работа швейцарской делегации в осажденном Страсбурге принесла значимые результаты в гуманитарной сфере. Главным итогом стало предложение гостеприимства наиболее уязвимым категориям населения – женщинам, детям и старикам, а также организация их эвакуации на территорию Швейцарии с предоставлением транспорта и дальнейшего размещения. Делегация установила ключевые контакты как с военными, так и с гражданскими властями города, став важным каналом связи с внешним миром. Не менее ценным оказалось и предоставление достоверной информации о реальном положении дел во Франции, в частности о капитуляции при Седане и провозглашении Республики, что позволило развеять ложные надежды, поддерживаемые местной администрацией.

15 сентября осуществилась первая эвакуация граждан. 17–18 сентября сформировали и эвакуировали второй конвой в количестве 568 мирных горожан.

Однако деятельность швейцарской гуманитарной миссии никак не мешала немецким военным частям продолжать проводить бомбардировки мирных кварталов города. По воспоминаниям местных жителей, «...это был непрерывный гул вдали ... затем ужасный грохот от взрыва снарядов в домах, на мостовой улиц, мрачный гул от осколков снарядов, падение дымоходов, частей стен, обрушение крыш, сопровождающееся градом черепицы, разбивающей стекла при падении, и время от времени крики отчаяния и ужаса доминировали над этим шумом, или стоны несчастных, которые были поражены снарядами или обломками...» [6].

Сентябрьские ночи в Страсбурге 1870 г. были объаты атмосферой ужаса и трепета. Гибли десятки мирных жителей, что непосредственно сказывалось на моральном состоянии горожан. «Сколько гробов прошло по улицам без свиты, без священника, без друга! Иногда два человека, ребенок, женщина, и это был весь конвой» [3, р. 223]. Страх попасть под бомбёжку останавливал людей от участия в проведении мрачных церемоний похорон.

После отъезда делегации Красного Креста бомбардировки города усилились. Современник тех событий А. Маршан подтверждает: «Бомбардировка, начавшаяся ... 19-го утром ... была продолжена в последующие дни ... Один из первых снарядов упал в пансион для девушек, расположенный на улице Радуги и руководимый монахинями. При взрыве бомба убила семь молодых людей; у четырех других были сломаны ноги. Лицей, превращенный в лазарет, был поражен, несмотря на белый флаг, высоко развевавшийся на его стенах...» [7, р. 37–38].

Появляются свидетельства о том, что со стен обороняющегося города солдаты уже могли отчётливо слышать немецкие голоса, раздающиеся со свежевырытых траншей. «В Страсбурге смутно знали из донесений наших офицеров, из немецких газет, которые проникали в город, что с первых дней сентября враг начал работы по сближению и что мы вступаем в новую фазу, в период собственно осады» [4, р. 245].

Последние дни обороны Страсбурга, описанные в мемуарах, характеризуются отчаянным положением защитников и надвигающейся катастрофой. Несмотря на героическое сопротивление, город оказался обречен из-за подавляющего превосходства противника в живой силе и технике.

Отмечается растущая усталость и подавленность среди населения, при этом измученные горожане испытывали нехватку продовольствия и постоянную угрозу смерти. «В то время насчитывалось около восьми тысяч жителей, разоренных бомбардировкой, живущих по большей части на общественную благотворительность, укрывающихся в церквях, в школах, в ямах, вырытых у подножия валов, в хижинах из досок, прислоненных к набережным... Насчитывалось пятьсот сожженных, рухнувших, опустошенных домов» [3, р. 245]. Осажденные, понимая неизбежность падения города, продолжали сражаться, хотя и с меньшей эффективностью из-за вражеского огня, который уничтожал артиллерийские расчеты и разрушал укрепления.

С каждым днём шло усиление обстрелов города. Немецкий генерал Вердер, командовавший осадой, потратил много времени на безуспешные попытки как-либо сломить боевой дух защит-

ников, поэтому принял решение действовать более жестокими методами. В частности, он отдаёт приказ о применении раскалённых ядер и специальных зажигательных смесей, в составе которых находилась нефть. «В одну ночь, 24 сентября, они серьезно повредили собор, сожгли доглы протестантскую гимназию, превращенную в лазарет, церковь, городскую библиотеку и гражданскую больницу. Они не позволили остановить себя белым флагом, который развевался на большинстве этих зданий ... таким образом сыновья благородной и философской Германии, охваченные непостижимым бредом, реализовали обещание, которое они торжественно дали перед лицом Европы при своем вступлении в Эльзас...» [7, p. 49–50].

Ключевым моментом осады стало падение 53-го и 52-го люнетов (фортификационное сооружение полевого типа, напоминающее форму стрелы), что позволило врагу вплотную приблизиться к основным городским стенам и создать бреши. Ситуация усугублялась нехваткой ресурсов, особенно боеприпасов. А скорое уничтожение запасов ракет стало тяжелым ударом для страсбургской артиллерии, лишив ее возможности эффективно противодействовать осадным работам противника.

В последние дни обороны стало ясно, что город обречен. 27 сентября бреши в городской стене стали проходимы. Генерал Вердер приказал готовиться к штурму в ночь на 28 сентября, предвещая ужасающую бойню и разрушение города. Предотвратить этот кошмар удалось лишь благодаря решению генерала Ульриха сдать город ввиду бессмысленности дальнейшего сопротивления.

27 сентября «около пяти часов вечера внезапно наступила мрачная тишина, за которой последовал сильный шум на улице. Бегут, спрашивают друг друга, волнуются; все взгляды направлены в одну точку: белый флаг развевается над собором!» [3, p. 247] — капитуляция города случилась.

28 сентября немецкие войска заняли оборонительные валы, а затем проникли и в сам город. Действия немецкой армии не были отмечены какой-либо жестокостью, скорее сочувствием к местному населению. Однако жители города, пробывшие в тяжелой осаде более месяца, не могли смириться с мыслью о своём поражении.

О разрушениях, полученных Страсбургом в ходе осады, можно судить по воспоминаниям немецких военных, вошедших в город. Один из них писал в своем письме: «Я попытался пойти в город, и первый мой выход был в собор. Величественное, великолепное здание возвышалось передо мной, демонстрируя многочисленные стигматы катастрофы. Я вошел внутрь ... орган, подлинный шедевр, был разрушен снарядами; то же самое и с астрономическими часами, известными во всем мире ... мне удалось подняться на башню собора. С этого места я мог одним взглядом охватить все окружающее запустение. Крыша собора полностью уничтожена огнем, а лестница внутри башни была разбомблена...» [8].

Аналогичное описание разрушенного Страсбурга оставил начальник немецкого железнодорожного отряда Грон. Он отмечал, что немецкие снаряды оказали колоссальное воздействие на город, превратив сторону, с которой велось наступление, в хаос обломков, «... всевозможных разрушенных и сожженных зданий, а каменный мост ... был едва проходим даже для пешеходов» [9, S. 9]. Говоря о моральном состоянии германских солдат и генералов, Грон подчёркивает, что «вместо радости по поводу столь быстрого взятия крепости на их лицах была выражена вся печаль войны ... а военачальники испытывали глубокое потрясение, вызванное разрушением этого старинного немецкого города...» [9, S. 9–10].

Подводя итог, следует сказать, что анализ воспоминаний очевидцев и современников осады Страсбурга 1870 г. позволил не только раскрыть тактические аспекты осады, но и передать спектр эмоций, пережитых участниками: героизм и самоотверженность, страх и отчаяние. В этом локальном событии Франко-прусской войны 1870–1871 гг. отразился широкий спектр проблем, приведших к стремительному поражению Франции и победе Германии в этой войне.

Список источников

1. *Ховард М.* Франко-прусская война. Отто Бисмарк против Наполеона III. 1870–1871. М.: Центрполиграф, 2022. 543 с.
2. *Uhrich J.J.A.* Documents relatifs au siege de Strasbourg. Paris: E. Dentu, 1872. 207 p.

3. *Fischbach G.* Guerre de 1870. Le siège et le bombardement de Strasbourg. 5e éd., revue et considérablement augmentée. Paris: Librairie de Joël Cherbuliez, 1871. 317 p.
4. *Schneegans A.* La Guerre en Alsace. Strasbourg. Paris: E. Dentu; Neuchatel: J. Sandoz, 1871. 426 p.
5. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1982. Т. 10. 607 с.
6. Le bombardement sur Strasbourg du 24 août 1870 décrit par un habitant // Strasbourg 1870, le récit du siège d'après le journal inédit d'Ernest Frantz, 15 juillet-28 septembre 1870, introduction et commentaires d'A. Bouche, D. Bourgeois et M-C. Vitoux, Éditions Place Stanislas, 2011. URL: <https://innovatheque.site.ac-strasbourg.fr/tag/evenement/> (дата обращения: 02.03.2025).
7. *Marchand A.* Le siège de Strasbourg, 1870: la bibliothèque, la cathédrale. 2e éd. 1871. Paris: J. Cherbuliez, 204 p.
8. Spieser J.-L., Fuchslock T. Les destructions à Strasbourg décrites par un soldat prussien (1er octobre 1870) // Lettres à Elise, une histoire de la guerre de 1870-1871 à travers la correspondance de soldats prussiens. Ed. Pierre de Taillac, 2020. URL: <https://innovatheque.site.ac-strasbourg.fr/tag/evenement/> (дата обращения: 02.03.2025).
9. *Krohn F.* Kriegserinnerungen 1870-1871. Berlin: Königlich Hofbuchdruckerei von G.G. Mittler & Sohn, 1895. 204 S.

References

1. Howard M. *The Franco-Prussian War. Otto Bismarck versus Napoleon III. 1870-1871.* Moscow: Centerpoligraf; 2022. 543 p. (In Russ.).
2. Uhrich J.J.A. *Documents relating to the siege of Strasbourg.* Paris: E. Dentu; 1872. 207 p. (In French).
3. *Fischbach G. The Franco-Prussian War of 1870. The Siege and Bombardment of Strasbourg.* 5th ed., revised and considerably enlarged. Paris: Joël Cherbuliez Bookstore; 1871. 317 p. (In French).
4. *Schneegans A. The War in Alsace.* Strasbourg, Paris: E. Dentu; Neuchâtel: J. Sandoz; 1871. 426 p. (In French).
5. *Turgenev I.S. Complete works and letters: in 30 vols.* 2nd ed., rev. and add. Moscow: Science; 1982, vol. 10. 607 p. (In Russ.).
6. Bouche A., Bourgeois D., Vitoux M-C., introd. and comm. The bombardment of Strasbourg on 24th August 1870, as described by a resident. *Strasbourg 1870, the account of the siege based on the unpublished diary of Ernest Frantz, 15th July - 28th September 1870.* Place Stanislas, 2011. Available from: <https://innovatheque.site.ac-strasbourg.fr/tag/evenement/> [Accessed 2nd March 2025]. (In French).
7. *Marchand A. The Siege of Strasbourg, 1870: the library, the cathedral.* 2nd ed. Paris: J. Cherbuliez; 1871. 204 p. (In French).
8. Spieser J.-L., Fuchslock Th. The destruction in Strasbourg as described by a Prussian soldier (1st October 1870). *Letters to Elise, a history of the Franco-Prussian War of 1870-1871 through the correspondence of Prussian soldiers.* P. de Taillac (ed.). 2020. Available from: <https://innovatheque.site.ac-strasbourg.fr/tag/evenement/> [Accessed 2nd March 2025]. (In French).
9. *Krohn F. War memoirs 1870-1871.* Berlin: Royal Court Printing Office of G.G. Mittler & Son, 1895. 204 p. (In Germ.).

Информация об авторах

В.П. Подольников — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений ЮФУ.

Д.Э. Прилепский — студент Института истории и международных отношений ЮФУ.

Information about the authors

V.P. Podolnikov — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations, SFedU.

D.E. Prilepskiy — Student, Institute of History and International Relations, SFedU.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 27.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 27.01.2026; accepted for publication 16.03.2026.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LAW AND LEGISLATION

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-120-127>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ (НА ПРИМЕРЕ «ЗАКОНА О ПОРЯДКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ТРУДА»)

Евгений Александрович Паламарчук ^{1✉}, Ольга Геннадьевна Казанцева ²,

Ирина Ивановна Короленко ³

¹ Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

^{1,2} Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

^{1,2} Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

³ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

¹ epalamar@mail.ru ✉

² kazantseva10@mail.ru

³ korolenko.irina.2013@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются нормативные правовые акты, регулирующие производственные отношения в Третьем рейхе, в частности «Закон о порядке национального труда». Анализируются и формулируются основополагающие идеи положений данного закона. В ходе исследования использованы диалектический, логический, нормативно-правовой, историко-правовой методы. Отмечено, что весь персонал конкретного завода или фабрики, от его владельца («фюрер предприятия») до работников («свита»), провозглашался «сообществом предприятия», или «производственным сообществом» — частью общенационального «народного сообщества». Лидеры в то время преследовали задачу исключения любого воздействия рабочих групп на владельцев предприятий и установления тотального контроля над ними со стороны партийных и государственных органов. Поэтому с принятием закона на смену коллективным договорам пришло жесткое администрирование. Глобальная задача, стоявшая у истоков принятия данного акта, состояла в искоренении классовой борьбы «идея единения». При этом концепты «народное сообщество» и «сообщество предприятия» были лишены реального социально-политического содержания, но оказывали важное пропагандистское воздействие на массы, способствуя обеспечению консолидации значительной части последних вокруг нацистского режима.

Ключевые слова: «Закон о порядке национального труда», производственное сообщество, народное сообщество, фюрер предприятия, свита, совет доверенных, попечитель труда, социальный суд чести

Для цитирования: Паламарчук Е.А., Казанцева О.Г., Короленко И.И. Правовое регулирование производственных отношений в нацистской Германии (на примере «Закона о порядке национального труда») // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 120–127. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-120-127>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

LEGAL REGULATION OF PRODUCTION RELATIONS IN THE NAZI GERMANY (ON THE EXAMPLE OF THE “LAW ON THE ORDER OF NATIONAL LABOR”)

Evgeny A. Palamarchuk^{1✉}, **Olga G. Kazantseva**², **Irina I. Korolenko**³

¹ Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

^{1,2} Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

^{1,2} Branch of Witte Moscow University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

³ Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

¹ epalamar@mail.ru✉

² kazantseva10@mail.ru

³ korolenko.irina.2013@mail.ru

Abstract. The article examines the legal acts governing production relations in the Third Reich, particularly the Law on the Order of National Labor. The article analyzes and formulates the fundamental ideas of this law. The study used dialectical, logical, normative-legal, and historical-legal methods. It should be noted that the entire staff of a particular factory or plant, from its owner (the Führer of the enterprise) to the workers (the retinue), was referred to as the enterprise community, or the production community, which was considered an integral part of the national people's community. The leaders at that time pursued the goal of eliminating any influence of workers' groups on business owners and establishing total control over them by party and state bodies. Therefore, with the adoption of the Law, collective agreements were replaced by strict administration. The global task that stood at the origins of the adoption of this act was the eradication of class struggle with the idea of unity. However, the concepts of people's community and enterprise community lacked any real socio-political content, but they had a significant propaganda impact on the masses, helping to consolidate a significant portion of them around the Nazi regime.

Keywords: *Law on the Order of National Labor*, production community, people's community, enterprise leader, retinue, board of trustees, labor trustee, social court of honor

For citation: Palamarchuk E.A., Kazantseva O.G., Korolenko I.I. Legal Regulation of Production Relations in the Nazi Germany (on the Example of the “Law on the Order of National Labor”). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):120-127. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-120-127>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

В свете современных реалий существенно возрастает степень актуализации исследования различных аспектов нацистской политики, направленной на укрепление гитлеровского режима. Особое значение в этой связи имеет изучение механизмов консолидации немецкого населения вокруг последнего и законодательной основы осуществления соответствующих мер. Повышенное внимание в указанном отношении руководство Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) после назначения Гитлера имперским канцлером уделяло привлечению на свою сторону различных категорий «синих воротничков». Данное обстоятельство было связано с тем, что на этапе борьбы за власть партии, позиционировавшей себя как «рабочая», не удалось обеспечить себе поддержку большинства организованного рабочего класса, руководимого социал-демократами и коммунистами.

Добившись власти в условиях масштабного экономического кризиса и массовой безработицы, национал-социалисты приступили к осуществлению активной социальной политики, ориентированной в первую очередь на промышленных рабочих. При этом нацистские лидеры рассматривали в качестве одной из своих первоочередных задач реформирование системы производственных отношений с целью скорейшего установления за всеми сферами последних мак-

симального контроля со стороны партийных и государственных органов и лишения трудовых коллективов любых рычагов воздействия на владельцев предприятий. Ключевая роль в достижении указанной цели отводилась созданию необходимой законодательной базы.

Результаты исследования

Первым знаковым шагом в указанном направлении стало принятие 19 мая 1933 г. «Закона о доверенных лицах труда», учреждавшего институт попечителей труда, являвшихся служащими рейхсминистерства труда. О значимости данного нормативного правового акта свидетельствует то, что под его текстом помимо гитлеровской стоят подписи рейхсминистра труда Ф. Зельдте, главы имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства и имперского министерства экономики А. Гугенберга, рейхсминистра внутренних дел В. Фрика и шефа финансового ведомства графа Й.Л. Шверина фон Крозигка. В соответствии с § 2 закона главная функция попечителей состояла в «регулировании условий заключения трудовых договоров» и в «поддержании трудового мира» на производстве [1, S. 32], тогда как ранее выполнявшие указанные функции отдельные работодатели, их объединения и профсоюзы были лишены соответствующих полномочий [2, с. 195].

Фундамент же трудового права Третьего рейха составил принятый 20 января 1934 г. «Закон о порядке национального труда». Его основным разработчиком являлся В. Мансфельд, занимавший с мая 1933 по 1942 г. посты заместителя имперского министра труда и главы третьего управления данного министерства. В его ведении находились вопросы трудового законодательства, обеспечения безопасности на производстве, контроля за профессиональной деятельностью и др. [3, p. 41].

Выступая 12 января 1934 г. на правительственном заседании, посвященном обсуждению проекта этого закона, рейхсминистр экономики подчеркнул, что главная цель нормативного правового акта состояла в распространении и на экономическую сферу принципа фюрерства, призванного покончить с классовой борьбой, заменив ее «идеей единения» [4, S. 546–547].

Согласно указанному закону, владелец конкретного предприятия провозглашался его «фюрером», а все занятые на нем рабочие и служащие — «свитой» работодателя. Они рассматривались как «сообщество предприятия», в связи с чем им вменялось в обязанность совместно организовывать бесперебойную работу таким образом, чтобы это служило «общей пользе народа и государства» (§ 1). «Фюрер предприятия» наделялся полномочиями принятия решений по всем производственным вопросам. При этом он должен был заботиться о «свите», от которой требовалось соблюдать ему верность (§ 2) [5, S. 45].

При этом о реальном равноправии сторон речь, конечно же, не шла. Как следует из разъяснения, содержащегося в комментариях к данному нормативному правовому акту, при принятии тех или иных решений по вопросам, имевшим отношение к социальной сфере, «фюрер предприятия» мог не учитывать мнение «свиты» [3, p. 9]. Рабочие же должны были ежедневно демонстрировать верность своему предприятию, его «фюреру» и нацистскому режиму в целом. Это, в частности, выражалось в необходимости участвовать в первомайских и иных публичных шествиях. Любая попытка уклониться от этого могла обернуться бессрочным увольнением [4, S. 548].

На тех предприятиях, где работало двадцать и более человек, образовывались советы доверенных, в которых председательствовали «фюреры предприятий» (§ 5, п. 1). Их задачи состояли в «углублении взаимного доверия внутри коллектива предприятия» (§ 6, п. 1), «обсуждении всех мер», призванных способствовать повышению производительности труда, недопущению конфликтов на производстве, укреплению связи каждого работника с предприятием и обеспечении «благополучия всех членов коллектива» (§ 6, п. 2) [5, S. 45].

Численный состав советов доверенных непосредственно зависел от количества работавших на том или ином заводе или фабрике, но общее число доверенных, у каждого из которых имелся заместитель, не могло превышать десяти (§ 7). К кандидатам на вхождение в совет доверенных предъявлялись следующие требования: возраст более 25 лет, стаж работы не менее одного года на данном предприятии либо два года «в той же или родственной сфере производства или ремесле», членство в Германском трудовом фронте (DAF) («внеклассовая» корпоративная ор-

ганизация, заменившая упраздненные профсоюзы), а также обладание «образцовыми человеческими качествами» (§ 8).

Списки доверенных и их заместителей составлялись совместно «фюрером предприятия» и руководителем фабричной ячейки НСДАП, после чего «свите» предоставлялась возможность посредством тайного голосования выразить свое отношение к предложенным кандидатурам (§ 9, п. 1). В случае возникновения каких бы то ни было разногласий окончательный вердикт выносился попечителем труда (§ 9, п. 2) [5, S. 46]. Ежегодно 1 мая, в День национального труда, проводилась торжественная церемония, лишь после прохождения которой доверенные могли приступить к исполнению своих обязанностей. Она заключалась в том, что в присутствии «свиты» доверенные лица давали клятву работать «во благо предприятия и сообщества всех соотечественников», принося в жертву собственные интересы и выступая для членов производственного коллектива образцом как в личном поведении, так и в следовании своим должностным обязанностям (§ 10). При этом деятельность доверенных лиц официально рассматривалась как «почетная служба», вознаграждение за которую не полагалось. Членам совета доверенных выплачивалась «обычная заработная плата», которую они получали на прежнем месте работы (§ 13).

Заседания совета доверенных проводились «фюрером предприятия» в тех случаях, когда он считал это целесообразным (§ 12). Если же тот или иной член совета переставал соответствовать требованиям, попечитель труда имел право прекратить его полномочия, письменно известив об этом совет (§ 14, п. 2). Любые проступки, совершенные доверенным, должен был разбирать суд чести, который мог присудить штрафника к одному из следующих наказаний: выговору, дисциплинарному денежному взысканию (до 10 тыс. имперских марок), лишению статуса доверенного, увольнению с работы. В случае исключения из совета освободившееся место автоматически замещалось заместителем выбывшего. Если же резерв был исчерпан, соответствующее назначение производил попечитель труда [5, S. 46–47, 50].

В тех случаях, когда, по мнению совета доверенных, действия «фюрера предприятия», казавшиеся организации труда на производстве, главным образом дисциплинарного характера, являлись «несовместимыми с социальными условиями предприятия», законом им вменялось в обязанность безотлагательно известить об этом попечителя труда (§ 16). В то же время и после подачи жалобы они должны были продолжать неукоснительно следовать всем указаниям «фюрера предприятия». Лишь попечитель труда мог освободить их от этой обязанности на основании п. 1 § 19 закона, произведя «необходимое урегулирование» [5, S. 46–47]. Причем в указанных случаях, невзирая на обстоятельства, жалобщики не должны были придавать своим действиям характер коллективных обращений. Каждый из них нес персональную ответственность, подвергаясь риску в случае отклонения петиции попечителем труда подвергнуться обвинению в нарушении мира на предприятии [6, S. 536]. Если же соответствующее обращение направлялось попечителю труда повторно и тот вновь признавал его лишенным основания, членов совета доверенных могли обвинить в «грубых нарушениях социальных прав, установленных сообществом предприятия» и привлечь к «социальному суду чести» (§ 36) [5, S. 50].

Таким образом, юридический механизм рассмотрения подобных обращений был призван способствовать ужесточению нацистского контроля за всеми аспектами производственных отношений.

Обладая лишь правом совещательного голоса, советы доверенных были лишены возможности играть сколько-нибудь самостоятельную роль. Этим был обусловлен их низкий авторитет среди «синих воротничков», что показали выборные кампании в 1934 и 1935 гг. Поэтому с марта 1936 г. от выборной практики отказались. Полномочия некоторых членов советов продлевались [7, с. 521]. В дальнейшем они стали назначаться на должность «фюрера предприятия», что поставило доверенных в еще большую зависимость от него [1, S. 31]. В наибольшей степени эта перемена стала следствием провальных итогов выборов, резко контрастировавших с громкими заявлениями рейхслайтера Р. Лея, возглавлявшего Германский трудовой фронт: «Эти выборы — самые свободные и некоррупцированные в мире ... И если тем не менее намного более 80 процентов промышленных рабочих Германии высказываются в пользу идеи сообщества, то это является беспрецедентным свидетельством успешности нашей работы» [Цит. по: 8, р. 93].

Особое внимание в этом законе уделено попечителям труда, которые наделялись чрезвычайно широкими полномочиями. В частности, за ними закреплялся статус имперских чиновников, подчиненных непосредственно министру труда, действующих на основании распоряжений имперского правительства и ответственных за «сохранение трудового мира» на производстве (§ 18, 19, п. 1). Они осуществляли функции контроля по вопросам формирования и функционирования советов доверенных, предусматривавшие их право принимать решения по спорным вопросам, а также «созывать и отзывать доверенных лиц предприятий» (§ 19, п. 1); санкционировать порядок увольнения работников, производимого «фюрером предприятия» (последний, планируя массовые сокращения, был обязан сообщить об этом попечителю труда. Лишь спустя четыре недели после утверждения попечителем данного решения рабочие могли быть уволены); контролировать выполнение распоряжений, касавшихся обеспечения порядка на заводе или фабрике. Лица, уличенные в «постоянном преднамеренном противодействии» указаниям попечителя труда, наказывались либо уплатой денежного штрафа, либо тюремным заключением, либо же несли оба наказания. При этом, чтобы подвергнуть их уголовному преследованию, требовалось личное обращение попечителя труда в соответствующие органы (§ 22) [5, S. 47–48].

В то же время в некоторых случаях руководство предприятия могло определять соответствующие наказания самостоятельно, не привлекая к этому процессу попечителя. Так, если нарушение производственной дисциплины кем-либо из работников квалифицировалось как «угрожающее безопасности предприятия», «фюрер» или уполномоченное им лицо после проведения необходимых консультаций с советом доверенных могли взыскать с виновного денежный штраф в размере, не превышающем 50 % среднего дневного заработка, или же в сумме полного дневного заработка. Данное решение должно было получить одобрение имперского министра труда [5, S. 49].

«Фюрер предприятия», на котором работало 20 и более человек, был обязан издать устав предприятия (§ 26), в котором содержались данные о продолжительности рабочего дня, времени обеденных перерывов, сроках и формах выплаты заработной платы и жалованья, включая сдельную работу, штрафах за нарушения производственной дисциплины, условиях увольнения работников в случаях возникновения чрезвычайной ситуации, выплатах компенсаций за незаконное прекращение трудовых отношений (§ 27). В то же время попечитель труда мог настаивать на внесении в положения устава изменений [5, S. 48–49], в том числе санкционировать оплату за труд по ставкам ниже тарифных [1, S. 32].

Несмотря на то что указанные положения официально носили императивный характер, обязывавший закреплять их в производственных уставах, на деле они представляли собой общие рекомендации, предназначавшиеся работодателям, которые де-факто имели возможность адаптировать их к условиям конкретного предприятия, если находили это целесообразным [4, S. 553].

«Закон о порядке национального труда» санкционировал создание «социальных судов чести», которые должны были рассматривать дела любого представителя «производственного сообщества» (§ 35), совершившего преступление против социальной чести. В частности, так квалифицировались действия «фюрера предприятия», выразившиеся в злоупотреблении своими полномочиями и унижении членов «свиты». Представителям последней подобное обвинение могло быть предъявлено в случае направления «необоснованной» жалобы попечителю труда, саботирования его письменных распоряжений, а также «злостных подстрекательств», угрожающих поддержанию «трудоустройства» на производстве и причиняющих ущерб «духу сообщества внутри сообщества предприятия». К указанной категории правонарушений относилось и разглашение членом совета доверенных конфиденциальной информации, касавшейся процесса производства (§ 36). В некоторых ситуациях судьи могли ограничиться вынесением предупреждения (§ 38, п. 1).

«Социальные суды чести» образовывались в каждом административном округе (всего их было 13) [9, с. 63], находившемся в ведении конкретного попечителя труда, который, как правило, и выступал инициатором проведения того или иного процесса. Председательствовали в подобных судах профессиональные судьи, назначавшиеся имперским министром юстиции по согласованию с рейхсминистром труда (§ 41) [5, S. 50].

При этом, если рассмотреть последствия решений, выносимых данной категорией судов в отношении разных представителей «сообщества предприятия», то напрашивается очевидный вывод, что приговоры работодателям не отличались суровостью. Так, из 164 предпринимателей, осужденных «судами социальной чести» в 1935 г., лишь девять были лишены статуса «фюрер предприятия» [8, р. 95]. В то же время в средствах массовой информации подобные случаи широко освещались, что должно было внушать немцам мысль о реальности существования «производственных сообществ», создание которых трактовалось как важное достижение социальной политики нацистского режима.

Если представитель «свиты» предприятия с числом работников десять и более получал извещение о его сокращении, он мог на основании § 56, п. 1 закона ходатайствовать перед «судом социальной чести» об аннулировании такового. Результатом судебного вмешательства в подобных случаях, как правило, становилось восстановление ходатая на рабочем месте или же выплата ему компенсации (§ 57), размер которой рассчитывался с учетом достатка пострадавшего и доходности производства, но не должен был превышать третью часть суммы «трудового заработка за последний год» (§ 58). При признании увольнения незаконным работодатель был обязан не только восстановить работника в его правах, но и в полной мере компенсировать ему время вынужденной безработицы в размере заработной платы или жалования, положенных ему в соответствии с § 615 Второго гражданского кодекса. Если же в указанный период «подлежащему увольнению» лицу была оказана поддержка из средств фондов «помощи безработным или общественного социального обеспечения», «фюрер предприятия» имел право вычестить эти деньги из заработка работника, вернув их организации, выделившей помощь (§ 59) [5, S. 52].

Членство работника в Национал-социалистической немецкой рабочей партии или Германском трудовом фронте фактически предоставляло ему дополнительный иммунитет, о чем свидетельствует следующий случай. Хозяин одного из предприятий сократил рабочего — члена DAF под предлогом отсутствия необходимой квалификации. Уволенный обратился в трудовой суд, который счел решение «фюрера предприятия» неправомерным. Судебное постановление признавало за предпринимателем право оценивать квалификацию своих работников, за исключением членов DAF. «Ответственность за квалификацию рабочего — представителя Трудового фронта, — разъяснялось в нем, — несет только Трудовой фронт» [8, р. 94–95].

Постановление «суда социальной чести» о применении к подсудимому дисциплинарного взыскания в виде штрафа в размере более ста имперских марок могло быть обжаловано. Срок подачи апелляции составлял две недели с момента получения в суде лицом, присужденным к указанному наказанию, письменного текста приговора или составленного в этой связи протокола по месту его работы. В качестве апелляционной инстанции выступала имперская судебная палата чести (§ 49) [5, S. 51].

Таким образом, именно «Закон о порядке национального труда» составил фундамент регулирования производственных отношений в Третьем рейхе. Его вступление в силу окончательно подвело черту под эрой профсоюзов, отстаивавших права «синих воротничков» [10, р. 190]. На смену коллективным договорам пришло жесткое администрирование. Как отмечает М. Штолляйс, в рамках политического режима, делавшего ставку на формирование «народного сообщества», реализация задачи обеспечения «единства между руководством и подчиненными» не оставляла «места для основных прав граждан, а также для защиты как раз „от“ этого народного сообщества» [11, с. 507–508]. Действительно, несмотря на декларированное равенство всех членов «производственного сообщества», на практике работники оказались в значительно более уязвимом положении, нежели работодатели. Последние обладали правом принудить любого из находившихся в их распоряжении рабочих к сверхурочному труду, даже если его продолжительность превышала установленный в законодательном порядке максимум, так как применительно к «свите» труд официально трактовался как долг благодарности за бремя заботы о ее членах, возложенное на себя «фюрером предприятия» [4, с. 549]. Работникам, чья производительность труда рассматривалась как неудовлетворительная, грозило обвинение в нанесении вреда «народу и государству». Меры воздействия на подобных «лентяев» определялись непосредственно «фюрером предприятия» и включали в себя как различные штрафные санкции, так и увольнение при наличии отягчающих вину обстоятельств.

Заключение

Фактически проанализированный нами нормативный правовой акт законодательно закреплял статус «производственного сообщества» как важнейшего компонента «народного сообщества», поскольку в Третьем рейхе каждое предприятие рассматривалось не как исключительно частная собственность, но как «живой член социального и экономического порядка», представлявший собой неотъемлемый компонент «всего организма народа и государства» [4, S. 546], в связи с чем о его какой бы то ни было самостоятельной роли речь идти не могла. Более того, концепты «народное сообщество» и «сообщество предприятия» были лишены реального социально-политического содержания, поскольку не означали сколько-нибудь радикальной трансформации социальной структуры общества. Однако они оказывали важное пропагандистское воздействие на массы, способствуя обеспечению консолидации значительной части последних вокруг нацистского режима, выступая, по верному замечанию И. Кершо [12, p. 141], «символом трансформированного сознания».

Список источников

1. Hachtmann R. *Industriearbeit im "Dritten Reich": Untersuchungen zu den Lohn- und Arbeitsbedingungen in Deutschland, 1933–1945*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1989. 464 S.
2. Галкин А.А. *Германский фашизм*. М.: Наука, 1989. 352 с. EDN: VIZHIF.
3. Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany // *Politics and Society*. 1985. Vol. 14, № 1. P. 1–51. EDN: JOQWKX. <https://doi.org/10.1177/003232928501400101>
4. Spohn W. Zur "Betriebsfassung" im nationalsozialistischen Deutschland // *Gewerkschaftliche Monatshefte*. 1984. Jg. 35, № 9. S. 545–555.
5. Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit Vom 20 Januar 1934 // *Reichsgesetzblatt (RGBL)*. 1934. Teil 1. S. 45–56.
6. Siegel T. Die gekaufte Arbeiterklasse? – Lohnpolitik im nationalsozialistischen Deutschland // *Gewerkschaftliche Monatshefte*. 1984. Jg. 35, № 9. S. 533–545.
7. Нойманн Ф.Л. *Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944*. СПб.: Владимир Даль, 2015. 591 с.
8. Schoenbaum D. *Hitler's social revolution: class and status in Nazi Germany, 1933–1939*. N.Y.: Doubleday and Company, 1966. 336 p.
9. Киселев И.Я. *Трудовое право в тоталитарном обществе (из истории права XX века)*. М.: ИНИОН РАН, 2003. 84 с.
10. Lampert H. Staatliche Sozialpolitik im Dritten Reich // *Nationalsozialistische Diktatur, 1933–1945* / hrsg. K.-D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen. Dusseldorf: Droste Verlag, 1983. P. 177–205.
11. Штолляйс М. *История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм*. М.: Полит. энциклопедия, 2017. 663 с. EDN: RRDYXH.
12. Kershaw I. *The Nazi dictatorship. Problems and perspectives of interpretations*. Lnd.: Edward Arnold, 1985. 164 p.

References

1. Hachtmann R. *Industrial work in the Third Reich: Studies on the conditions of wages and work in Germany, 1933-1945*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht; 1989. 464 p. (In Germ.).
2. Galkin A.A. *German fascism*. Moscow: Science; 1989. 352 p. (In Russ.). EDN: VIZHIF.
3. Siegel T. Wage policy in nazi Germany. *Politics and Society*. 1985;14(1):1-51. EDN: JOQWKX. <https://doi.org/10.1177/003232928501400101>
4. Spohn W. The company version in National Socialist Germany. *Trade Union Monthly Magazine*. 1984;35(9):545-555. (In Germ.).
5. Law on the Order of National Labour of the 20th of January 1934. *Reichsgesetzblatt (RGBL)*. 1934;(1):45-56. (In Germ.).
6. Siegel T. The purchased working class? Wage policy in Nazi-Socialist Germany. *Trade Union Monthly Magazine*. 1984;35(9):533-545. (In Germ.).
7. Neumann F. L. *Behemoth. The structure and practice of National Socialism 1933-1944*. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2015. 591 p. (In Russ.).
8. Schoenbaum D. *Hitler's social revolution: class and status in Nazi Germany, 1933-1939*. New York: Doubleday and Company; 1966. 336 p.
9. Kiselev I.Ya. *Labor law in a totalitarian society (from the history of law in the 20th century)*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences; 2003. 84 p. (In Russ.).

10. Lampert H. State social policy in the Third Reich. *National Socialist dictatorship. 1933-1945*. К.-D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen (eds.). Düsseldorf: Droste Publishing House; 1983:177-205. (In Germ.).

11. Stolleiss M. *History of public law in Germany: The Weimar Republic and National Socialism*. Moscow: Political Encyclopedia; 2017. 663 p. (In Russ.). EDN: RRDYXH.

12. Kershaw I. *The Nazi dictatorship: problems and perspectives of interpretations*. London: Edward Arnold; 1985. 164 p.

Информация об авторах

Е.А. Паламарчук — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права РИ ВГУЮ; профессор кафедры процессуального права ДГТУ; профессор кафедры гражданского права и процесса Филиала МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону.

О.Г. Казанцева — кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права ДГТУ; доцент кафедры гражданского права и процесса, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Филиала МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону.

И.И. Короленко — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права РГЭУ (РИНХ).

Information about the authors

E.A. Palamarchuk — Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, RI ARSUJ; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don; Professor of the Department of Procedural Law, DSTU.

O.G. Kazantseva — Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Department of Procedural Law, DSTU; Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don.

I.I. Korolenko — Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Procedural Law, RSUE.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-128-136>

РЕТРОСПЕКТИВА ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКУМЕНТОВ В РОССИИ

Ирина Анатольевна Семенцова ^{1✉}, Светлана Ивановна Кузина ², Ольга Васильевна Толопченко ³

^{1,2} Филиал Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

^{1,3} Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия

¹ Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия

² Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

² Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ irina_semen@inbox.ru ✉

² svivk@yandex.ru

³ tolopchenko.olga@yandex.ru

Аннотация. В фокусе исследования — нормативно-правовые нормы, регулирующие ответственность за фальсификацию документов как негативное социально-общественное явление, и исторический опыт борьбы с ней. Продемонстрирована эволюция правового регулирования уголовной ответственности за фальсификацию документов в рамках российского уголовного законодательства. В процессе исследования применены разные методы: инструменты формальной логики, историко-ретроспективный анализ, классификация, абстрагирование, индуктивный и дедуктивный подходы, метод построения и проверки гипотез, формально-юридический метод и анализ судебной практики. В результате представлен углублённый обзор исторического пути формирования и трансформации законодательных норм, устанавливающих ответственность за фальсификацию документов, печатей, штампов и бланков. Историко-правовой анализ свидетельствует, что корни рассматриваемого уголовного запрета уходят в эпоху формирования Древнерусского государства, а именно в IX в. Развитие соответствующих норм происходило поэтапно. Так как в современном законодательстве (ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации) существуют определённые проблемные аспекты при квалификации рассматриваемого преступного деяния, предлагается внесение соответствующих изменений для их устранения.

Ключевые слова: фальсификация документов, подписка, реквизит подписи, смертная казнь, тетради, официальные документы, государственные преступления, поддельный документ

Для цитирования: Семенцова И.А., Кузина С.И., Толопченко О.В. Ретроспектива истории развития законодательства об уголовной ответственности за фальсификацию документов в России // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1. С. 128–136. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-128-136>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

RETROSPECTIVE OF THE DEVELOPMENT HISTORY OF LEGISLATION ON CRIMINAL LIABILITY FOR DOCUMENT FRAUDULENT ACTIVITIES IN RUSSIA

Irina A. Sementsova^{1✉}, Svetlana I. Kuzina², Olga V. Tolopchenko³

^{1,2} Branch of Witte Moscow University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

^{1,3} Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia

¹ Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia

² Southern Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

² Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹ irina_semen@inbox.ru ✉

² svivk@yandex.ru

³ tolopchencko.olga@yandex.ru

Abstract. This study focuses on legal norms governing liability for document falsification as a negative social phenomenon, and the historical experience of combating it. It demonstrates the evolution of legal regulation of criminal liability for document falsification within Russian criminal law. Various methods were applied during the study, including formal logic tools, historical and retrospective analysis, classification, abstraction, inductive and deductive approaches, hypothesis generation and testing, formal legal methods, and case law analysis. The result provides an in-depth overview of the historical development and transformation of legislative norms establishing liability for the falsification of documents, seals, stamps, and forms. The historical and legal analysis demonstrates that the roots of this criminal prohibition date back to the formation of the Old Russian state, specifically the 9th century. The development of the relevant norms occurred in stages. Since current legislation (Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation) contains certain problematic aspects in the classification of the criminal act in question, it is proposed to introduce appropriate amendments to eliminate them.

Keywords: falsification of documents, subscription, signature requisites, death penalty, notebooks, official documents, state crimes, forged documents

For citation: Sementsova I.A., Kuzina S.I., Tolopchenko O.V. Retrospective of the Development History of Legislation on Criminal Liability for Document Fraudulent Activities in Russia. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(1):128-136. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-128-136>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Анализ исторических корней уголовной ответственности за разнообразные правонарушения рациональнее всего проводить, увязывая его с определёнными этапами развития государства и социума [1, с. 233].

Российское государство не обошла стороной проблема фальсификации документов. Поэтому на законодательном уровне этому уделялось особое внимание. Посильный вклад в установление и ужесточение ответственности за подобные деяния внес Иван IV. До момента его прихода к власти заметных масштабов такой категории преступлений не было ввиду слабого развития письменности на Руси.

Пожалуй, одним из первых в истории страны нормативных правовых актов, в котором зафиксирована ответственность за подделку документов, стал Судебник 1550 г., ст. 59 которого закрепляла ответственность за подписку — подделку документов.

При подробном разборе и анализе указанной статьи Судебника становится очевидно, что ни о каких видовых разнообразиях предметов подделок в ту эпоху не могло идти и речи. Документы отличались примитивностью, однообразием. А их изданием занималось исключи-

тельно государство. Ключевыми официальными документами Русского государства являлись указные грамоты, указы и пр. Главные документы страны, конечно, издавались царями (правителями) [2, с. 591].

Ранние документы имели форму письменного столбца и напоминали свиток на узких листах. При значительном объёме такие документы, как правило, состояли из нескольких листов, склеенных между собой. При этом текст наносился исключительно с одной стороны. Основным способом обеспечения сохранности письменных источников служило их сворачивание в рулон. Подобный метод хранения нельзя назвать удобным, однако в тот исторический период альтернативных решений не существовало, что создавало определённые сложности при работе с большими документами.

Результаты исследования

Содержание первых документов Российского государства представляло собой сплошной текст без чёткого структурирования. В них отсутствовали даты, обязательные реквизиты и деление на отдельные элементы, характерные для современных официальных актов. Вместе с тем уже в этот период использовался реквизит подписи, игравший ключевую роль в придании документу юридического значения.

Юридическая сила документа возникала после его подписания судьей, дьяком либо государем. В случаях, когда документ состоял из нескольких листов, подпись наносилась таким образом, чтобы её элементы располагались сразу на всех частях документа. Это обеспечивало целостность письменного источника и служило защитой от возможного злоумышленного добавления или замены листов.

В целом документооборот рассматриваемого исторического периода отличался примитивным характером и низкой степенью развития. Документы не имели унифицированных форм и утвержденных государственных образцов. Однако, несмотря на это, подделка письменных источников рассматривалась как крайне опасное деяние. В зависимости от значимости поддельного документа для государства и власти к виновным лицам могли применяться наиболее строгие меры наказания, вплоть до смертной казни.

Следующий этап в Российском государстве на пути формирования уголовной ответственности за преступления, связанные с подделкой документов, — вступление в силу Соборного уложения 1649 г. [2, с. 592]. В четвертой главе соответствующего законодательного акта закреплялась система юридической ответственности, применяемой к гражданским лицам и служилым людям за подделку документов. Нормы данной главы были структурированы в виде отдельных статей, каждая из которых отражала определенные способы и методы фальсификации, а также указывала на материальные объекты, наиболее подверженные риску подделки. В их числе упоминались приказные письма, государевы грамоты и государственные печати. Совершение подделки указанных объектов влекло применение суровых мер ответственности, включая смертную казнь.

В этот же исторический период получила распространение новая форма оформления документов — тетради. Первоначально они представляли собой лист бумаги, сложенный пополам, а в дальнейшем такие листы стали переплетаться, образуя книги. Документы данного временного отрезка подразделялись на несколько видов, среди которых выделялись денежные, умотные и ужинные книги, выполнявшие различные учётные и хозяйственные функции.

Несмотря на появление новых форм, столбец продолжал оставаться наиболее распространенным и привычным видом документа. Его использование обеспечивало последовательное отражение хронологии различных дел, включая справки и выписки, челобитные, а также судебные решения.

Соборное уложение прямо устанавливало, что деяния, связанные с подделкой государевой печати, относились к числу преступлений, охватываемых понятием «фальсификация документов». В указанный период подделка могла выражаться как в незаконном изготовлении фальшивой печати, так и в удостоверении подлинной печатью документов, не соответствующих действительности.

Кроме того, в рассматриваемом своде законов впервые было зафиксировано разграничение подделок по способу их совершения. Законодатель выделял внесение несанкционированных изменений в подлинный документ и создание фиктивного документа от имени государя, что свидетельствует о формировании более системного подхода к уголовно-правовой оценке фальсификации документов.

Новой вехой в истории развития уголовного законодательства в сфере подделки документов стал период вступления на престол Петра I. В 1699 г. по его указу в стране появляется официальная гербовая бумага. В 1700 г. принято решение об упразднении столбовой формы. Отныне все документы представляются в тетрадной форме (1720 г.) [2, с. 593].

Вскоре после этого был принят Генеральный регламент, включающий новую систему делопроизводства. Ключевым требованием стало обязательное наличие подписи руководителя органа власти или членов коллегии, обладающих полномочиями для принятия решений по социальным и экономическим вопросам. Петр I лично подписывал все документы, исходящие с его стороны, что подчёркивало их юридическую силу и подлинность.

Уголовная ответственность за фальсификацию документов значительно ужесточилась. Теперь наказанию могли подвергаться все лица, каким-либо образом участвовавшие в подделке печатей или документов, тогда как ранее уголовная ответственность распространялась исключительно на случаи подделки государственных документов. Соответствующие меры были закреплены в ст. 201 Артикула воинского 1715 г.

Объект преступления также подвергся пересмотру и уточнению. Выбор меры наказания определялся степенью государственной и общественной опасности деяния. Наименее строгой мерой считались телесные наказания, тогда как наиболее суровой — смертная казнь. В период правления Петра I появилась возможность лишения лица права занимать определенную должность, что расширяло систему уголовно-правовых санкций за фальсификацию официальных документов.

Развитие в последующие годы уголовной ответственности за подделку документов связано с приходом к власти Екатерины II. Она приказала разработать специализированные бланки документов для государственных учреждений. Документы отличались угловым расположением реквизитов. В реквизитах фиксировалось название организации, регистрационный индекс, дата принятия документа [2, с. 593]. Под ними находился заголовок. Бланки разрешалось писать от руки либо печатать на типографе. Екатерина II внедрила ссылки, которые обязательно должны были сопровождать пришедший документ. В реквизите адресата отражалось наименование присутственного места, должность лица. Любой официальный документ удостоверялся скрепами и подписью. Скрепы подразумевали указание должности лица, ответственного за подпись документа, его скрепление. Нововведения подтверждают факт усложнения порядка управления документооборотом. Притом меры наказания за преступления, связанные с подделкой документов и печатей, были идентичны ст. 319–328 р. 4 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

В Уложении о наказаниях 1903 г. всё так же в качестве предмета преступления фигурируют официальные документы. При этом допускалось привлечение к ответственности в случае установления случаев фальсификации частных документов (ст. 440 Уложения 1903 г.). Способы совершения преступлений не подверглись пересмотру. Также сохранилось внесение в подлинный документ несанкционированных изменений, изготовление документа с фальшивым содержанием [2, с. 593].

А вот юридическая ответственность, её уровень и мера наказания избирались в зависимости от общественной опасности деяния, предмета посягательства. Если фальсификация затрагивала государственные дела, то такие преступления приравнивались к государственным. Считалось, что подобные деяния наносят большую степень общественной опасности, чем преступления, направленные на обман отдельных лиц, поэтому и наказание избиралось по максимуму. Обвиняемый мог быть приговорен к заключению в исправительном доме, аресту, ссылке (бессрочная, срочная от 4 до 12 лет), продолжительному тюремному заключению.

В этот период времени подверглись упразднению ранее популярные телесные наказания. Им на смену пришли более демократичные меры. В законную силу по итогу вступили лишь некоторые статьи Уложения 1903 г., до начала XX в. власть руководствовалась Уложением 1845 г.

Итак, первые попытки правового регулирования подобных категорий преступлений пришли на XVI в. Законодатель стремился укрепить свой авторитет, установить единую государственную власть.

За рассматриваемые группы злодеяний сначала назначалась только смертная казнь. Но по мере развития государства и уголовного права, усложнения системы документооборота формы наказания смягчили. Отныне конкретная мера ответственности выбиралась в зависимости от способа подделки, вида подделанного документа, уровня причинения опасности обществу и государству [2, с. 593].

В 1926 г. приняли в стране Уголовный кодекс РСФСР [3]. В рассматриваемом кодифицированном акте фигурирует уголовная ответственность за подделку удостоверений и прочих государственных бумаг. Считалось, что на совершение подобных преступлений идут ради незаконного приобретения права или возможности освобождения от повинностей [4, с. 8].

При разработке новой редакции Уголовного кодекса РСФСР в 1960 г. было принято решение включить в ст. 196 нормы, устанавливающие ответственность за подделку документов и их составных частей, включая печати, штампы и бланки. К числу объектов преступления относились документы, выдаваемые предприятиями, органами власти различных уровней, общественными организациями, а также разнообразные удостоверения.

В 1996 г. вступил в силу действующий и сегодня Уголовный кодекс Российской Федерации [5]. В ст. 327 данного кодекса закреплена уголовная ответственность граждан за подделку удостоверений и иных видов документов государственного образца. Закон предусматривает наказание не только за изготовление, но и за оборот или сбыт фальсифицированных документов, включая штампы, государственные награды и печати. В ч. 1, 2, 4 ст. 327 УК РФ под альтернативным действием законодатель понимает сбыт поддельного официального документа [6, с. 90]. Вторая часть ст. 327 УК РФ ужесточает меры ответственности для лиц, которые неоднократно совершали действия, предусмотренные частью первой. Часть третья статьи устанавливает самостоятельный состав преступления, связанный с попыткой применения заведомо подложного документа или его предоставления органам власти.

Таким образом, противодействие фальсификации документов в России всегда представляло собой актуальную и значимую задачу. В связи с этим законодательное регулирование данного вида преступлений сохраняет особую важность для защиты общественных и государственных интересов.

Состав преступления смело можно обозначить как важнейший структурный компонент уголовного права. Его роль обуславливается тем, что это фундаментальная категория рассматриваемой отрасли права, на основе которой осуществляется квалификация совершенного преступного деяния, избирается применение конкретных мер уголовной ответственности.

Поэтому в рамках темы выбранного исследования хотелось бы остановить внимание на составе преступления, характерного для ст. 327 УК РФ. С помощью данной статьи предусматривается возможность применения уголовной ответственности к виновным за действия, связанные с незаконным оборотом поддельных документов, среди которых могут фигурировать штампы, государственные награды, бланки, печати [7, с. 371]. Регламентированные в ней меры уголовной ответственности направлены на сокращение частоты, предотвращение подобных категорий преступлений. Считается, что они представляют высокую общественную опасность.

Вместе с тем в действующем УК РФ отсутствует отраженное законодателем определение категории «официальный документ». Но искомое определение можно встретить в постановлении Пленума ВС РФ [8].

Отметим признаки преступления, о котором идет речь в ст. 327 УК РФ: поддельными обычно называются документы, имитирующие документ официального государственного образца. В составе преступления ст. 327 УК РФ поддельный документ можно отнести к объективной характеристике преступления.

Объектом преступления выступает порядок оборота штампов, документов, бланков, государственных наград, печатей. Законодатель, применяя санкции, стремится исключить возможность оборота и создания поддельных документов, ведь они несут угрозу для государства и общества [7, с. 371].

В современных условиях важно владеть знаниями о признаках состава преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ. Поддельный документ в рамках указанной статьи не рассматривается как предмет или характеристика объекта преступления, его целесообразнее относить к признакам объективной стороны, аналогично орудию или средству совершения деяния. Согласно теоретическим подходам, орудиями признаются материальные объекты, использование которых позволяет преступнику реализовать противоправное намерение и нанести существенный вред охраняемым законом общественным отношениям. Такой подход способствует правильному пониманию конструкции состава преступления, санкционированного данной нормой.

При этом предметом преступления по ст. 327 УК РФ не может являться любой официальный документ. В первую очередь речь идёт о документах, предоставляющих владельцу права или освобождающих его от обязанностей, т. е. удостоверяющих определенные факты или статус лица. Например, в [9, с. 834] удостоверение определяется как самостоятельный тип документа, содержание которого подтверждает права или статус конкретного человека. Выдача подобных документов на территории России осуществляется исключительно уполномоченными органами, а их легитимность обеспечивается установленной процедурой заверения, в том числе проставлением печати, в частности в случае охотничьих билетов, водительских прав, военных билетов или удостоверений сотрудников полиции.

Неотъемлемыми структурными элементами официальных документов являются реквизиты — печати, штампы, бланки. Представители уголовно-правовой науки на протяжении многих лет поддерживают дифференцированный подход к юридической ответственности за посягательства на реквизиты и сам документ. Общеизвестно, что посягательство на официальный документ представляет более высокую степень общественной опасности, а максимальную угрозу создают подделка и фальсификация документов. В связи с этим некоторые ученые предлагают внести в Уголовный кодекс РФ отдельную статью, регламентирующую ответственность за незаконное вмешательство и фальсификацию печатей, штампов и бланков, предусматривая за такие деяния наиболее строгие меры уголовного наказания.

Надо признать, что уровень преступлений, связанных с незаконным оборотом, подделкой, изготовлением документов, в России достаточно низкий по сравнению с общим количеством преступлений. Но нужно учитывать характер и тяжесть вреда, причиняемого подобными преступными деяниями разнообразным сферам общественной жизни.

В нашем государстве все чаще поднимаются вопросы, связанные с проблемой сохранности документооборота. Наблюдается тенденция роста уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за совершение махинаций с документами, их подделкой. Высокий уровень общественной опасности этих преступлений объясняется нарушением законного порядка документооборота, намеренным искажением официальных, в том числе государственных, бумаг. Совершение подобных преступлений способно дестабилизировать работу государственного аппарата, отдельных органов власти. Нетрудно догадаться, что предоставление ложных, фальсифицированных документов представителям власти может привести к принятию с их стороны незаконных решений, которые в последующем будут обжалованы в судебном порядке.

Глубокий анализ правоприменительной практики в России позволяет утверждать, что подделка документа зачастую направлена на их последующее применение, дальнейший сбыт. Введение юридической ответственности за подобные деяния объясняется тем, что документ с признаками фальсификации создают всегда с намерением дальнейшего использования для достижения преступного умысла. В вопросах квалификации данных категорий преступлений особое место отведено судебной практике.

Сложности нередко связаны с отсутствием общепринятого подхода в России к квалификации действий виновного. В ч. 1 ст. 327 УК РФ законодатель использует следующую формулировку: «подделка официального документа, предоставляющего права или освобождающего от

обязанностей, с целью незаконного оборота, сбыта, включая подделку государственных наград, печатей, штампов, бланков».

Смело можно заявить о том, что современная уголовная практика России идет по пути ужесточения санкций за подобные категории преступлений. Так, в 2019 г. в законодательстве произошло знаменательное событие — принятие закона № 209-ФЗ [10]. В документе отражена позиция законодателя по ужесточению юридической ответственности граждан за такого рода деяния. А вот диспозицию ст. 327 УК РФ почему-то не стали подвергать изменениям. Но известные ученые-криминалисты часто говорят о целесообразности усиления контроля за изготовлением, подделкой, сбытом поддельных документов.

Подробный разбор судебной практики нашей страны наталкивает на мысль о существовании целого ряда формальных практических проблем [11, с. 255].

Недоработанность ст. 327 УК РФ заключается в отсутствии упоминания законодателем наличия в деянии состава преступления. В качестве примера приведем приговор Кайтагского районного суда № 1-1/2018 1-40/2017 от 10.10.2018 по делу № 1-1/2018 [URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8ССКІazM8ulO/>]. Подсудимый составил и представил директору одной из местных компаний на личную подпись заведомо подложные официальные документы. В этот пакет документов вошли поддельная справка о стоимости выполненных работ, акт их приёмки. Противоправное деяние совершено ради незаконного получения денежных средств.

В обвинительной части решения нет информации о том, какие конкретно действия виновного имели отношение к исполнению объективной стороны ч. 1 ст. 327 УК РФ.

Из-за недостатков ст. 327 УК РФ в данном случае произошло:

- вынесение оправдательного приговора в связи с отсутствием состава преступления в деянии ввиду несоответствия диспозиции и объективной стороны преступления;
- возврат дела прокурору для устранения препятствий рассмотрения судом ввиду некорректной формулировки диспозиции.

Пожалуй, сегодня невозможно отрицать потребность в дополнении ст. 327 УК РФ понятийно-категориальным аппаратом. В истории её правоприменения много трудностей возникает по причине отсутствия указания на категорию официальных документов, перечень документов, которые следует расценивать в качестве официальных.

Заключение

Таким образом, ответственность за фальсификацию документов развивалась в несколько этапов и ранее отличалась крайне строгими мерами наказания по сравнению с современными.

Диспозиция ст. 327 УК РФ, регламентирующая такую ответственность сегодня, содержит в себе огромное количество пробелов и неточностей. Это подтверждается неоднородной судебной и правоприменительной практикой. Многие нормативные правовые акты страны, действующие в этой области, судебные инстанции воспринимают по-разному, не имея единого мнения и общей позиции. Поэтому ст. 327 УК РФ можно позиционировать как несовершенную, так как есть предпосылки для возникновения многочисленных проблем, связанных с её правоприменением.

Сегодня эта правовая норма нуждается в совершенствовании, некоторые предложения, сформулированные в данной статье, смогли бы решить часть проблем, связанных с квалификацией рассматриваемого состава.

Список источников

1. *Чепурченко А.С.* Исторические аспекты уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 327 УК РФ // Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации и меры противодействия проявлениям экстремизма и фальсификации исторического прошлого : Крымские юридические чтения : сб. материалов студ. круглого стола Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь: Крымский юр. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры РФ, 2022. Т. 2. С. 233–236.
2. *Савельева Т.С., Баширина Е.Н.* Обзор истории развития законодательства об уголовной ответственности за фальсификацию документов в России // Совр. научные исследования и разработки. 2018. № 6 (23). С. 591–593. EDN: YAVBVZ.
3. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. Л.; М.: Раб. суд, 1926. 167 с.

4. *Возиян А.А.* Уголовная ответственность за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков: от истории к современности // *Право. Общество. Государство* : сб. науч. тр. студентов и аспирантов / отв. ред. Е.В. Трофимов. СПб.: С.-Петербургский ин-т (филиал) Всерос. гос. ун-та юстиции, 2021. С. 6–11. EDN: FACIWL.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // *Собр. законодательства РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. *Павлюченко Е.Ю.* Уголовная ответственность за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков: совершенствование законодательной регламентации // *Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т.)*. 2024. Т. 10, № 1 (25). С. 87–95. EDN: QQSQOH.
7. *Чеснакова А.А.* Статус поддельного документа в рамках состава преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ // *Пермский период* : сб. материалов IX Междунар. науч.-спорт. фестиваля курсантов и студентов обр. организаций / сост. А.И. Согрина. Пермь: Пермский ин-т Фед. службы исполнения наказаний, 2022. С. 371–372. EDN: LQPNMM.
8. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 // *Рос. газета*. 2020. № 296. 30 дек.
9. Уголовное право России. части общая и особенная : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2021. 1344 с.
10. О внесении изменений в статью 327 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 26.07.2019 № 209-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. 2019. № 30. Ст. 4111.
11. *Пятов А.Н.* Уголовно-правовая характеристика подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков // *Противодействие фундаментальным угрозам в новых геополитических реалиях* : материалы VIII межвуз. науч.-практ. конф. М.: Воен. ун-т им князя Александра Невского, 2023. С. 253–260. EDN: CSQBLW.

References

1. Cherpurchenko A.S. Historical aspects of criminal liability for the crime provided for in Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ensuring national security of the Russian Federation and measures to counteract manifestations of extremism and falsification of the historical past. Crimean Legal Readings*. Collection of materials from the student round table of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Simferopol: Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; 2022;2:233-236. (In Russ.).
2. Savelyeva T.S., Bashirina E.N. Review of the history of the development of legislation on criminal liability for falsification of documents in Russia. *Modern Scientific Research and Development*. 2018;(6):591-593. (In Russ.). EDN: YAVBVZ.
3. *Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, 1926 edition*. Leningrad, Moscow: Workers' Court; 1926. 167 p. (In Russ.).
4. Voziyan A.A. Criminal liability for forgery, production, or circulation of forged documents, state awards, stamps, seals, or forms: from history to the present. *Law. Society. State*. Collection of scientific papers of students and postgraduates. E.V. Trofimov (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice; 2021:6-11. (In Russ.). EDN: FACIWL.
5. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ at 13th June 1996 (ed. from 29th December 2025) (as amended and supplemented, entered into force on 20th January 2026). *Collection of legislation of the Russian Federation*. 1996;(25):2954. (In Russ.).
6. Pavlyuchenko E.Yu. Criminal liability for forgery, production or circulation of forged documents, state awards, stamps, seals, forms: improvement of legislative regulation. *Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T.)*. 2024;10(1):87-95. (In Russ.). EDN: QQSQOH.
7. Chesnakova A.A. Status of a forged document within the framework of the crime provided for in Art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Perm period*. Collection of materials of the 9th International scientific and sports festival of cadets and students of educational organizations. A.I. Sogrina (comp.). Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service; 2022:371-372. (In Russ.). EDN: LQPNMM.
8. On certain issues of judicial practice in cases of crimes provided for by Articles 324-327.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 43 at 17th December 2020. *Russian Newspaper*. 2020;(296). December 30. (In Russ.).
9. Brilliantov A.V., ed. *Criminal law of Russia. General and special parts*. Textbook. 3rd ed. Moscow: Prospect; 2021. 1344 p. (In Russ.).

10. On amendments to Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 209-FZ at 26th July 2019. *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2019;(30):4111. (In Russ.).

11. Pyatov A.N. Criminal-legal characteristics of forgery, production or circulation of forged documents, state awards, stamps, seals or forms. *Counteracting fundamental threats in new geopolitical realities*. Proceedings of the 8th Interuniversity Scientific and Practical Conference. Moscow: Prince Alexander Nevsky Military University; 2023:253-260. (In Russ.). EDN: CSQBLW.

Информация об авторах

И.А. Семенцова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Филиала МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону; доцент кафедры уголовного права и криминологии РИ ВГУЮ; доцент ЮУ (ИУБиП).

С.И. Кузина — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин ДГТУ; профессор кафедры гражданского права и процесса Филиала МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону.

О.В. Толопченко — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук РИ ВГУЮ.

Information about the authors

I.A. Sementsova — Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, RI ARSUJ; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don; Associate Professor, SU (IMBL).

S.I. Kuzina — Doctor of Science (Politics), Professor, Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, SRIM RANEPА; Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, DSTU; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don.

O.V. Tolopchenko — Candidate of Science (Pedagogics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 02.03.2026; принята к публикации 16.03.2026.
The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 02.03.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Над номером работали: В.В. Дашевская, Е.А. Шинкаренко, М.С. Шипитко

Подписано в печать 23.03.2026. Выход в свет 26.03.2026.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 250 экз. Заказ № 10365

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, E.A. Shinkarenko, M.S. Shipitko

Signed print March 23, 2026. Publication March 26, 2026.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 15.81. Publ. sign 16.2. Edition 250 copies. Order number 10365

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, of. 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,

Publishing and printing complex, SFedU,

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich. Издание включено в Белый список научных журналов РЦНИ.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Статья оформляется в формате .doc или .docx (MS Word) через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках.**
4. Полное название организации **на русском и английском языках.**
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках.**
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов).**
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfnu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2026-1.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2026. № 1